www.lgz.ru

№ 12 (6408)
20–26 марта 2013 г.

Выходит по средам

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20€; A - 2,30€; B - 2,30€; PL – 12,90 PLN; L – 2,30€; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50€; I – 2,50€; GR – 2,5€; CYP – 1,35 CYP; TR – 5 M. TRL; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 $; C – 2,5 CAD

Международное издание

В НОМЕРЕ

И всё-таки нужен диалог!

Русский коммунизм оказывается объективным союзником православно-патриотических сил, стремящихся вывести Россию из тупика, в который она попала в результате необуржуазной революции конца XX века.

СТР. 3

Ехали казаки

Концерты в Кремлёвском дворце 23 и 24 марта будут посвящены 200-летию Кубанского казачьего хора и 75-летию его художественного руководителя и дирижёра, композитора В.Г. Захарченко. К тому же он исследователь русской музыкально-поэтической культуры и создатель песен-молитв на стихи великих русских поэтов. Новохристианская поэзия, новохристианские композиторы XX в. – тема статьи юбиляра.

СТР. 4

Сумбур вместо музыки

За несколько месяцев до открытия любимого многими Фестиваля симфонических оркестров мира, который традиционно посвящается Дню России, выяснилось: его проведение под угрозой срыва. Фестиваля нет в плане мероприятий Минкульта на нынешний год, а из положенных по распоряжению правительства страны 87 млн. рублей организаторам предлагается получить лишь 10 млн. Неужели мы не услышим лучшие оркестры мира?

СТР. 8

НАУЧНАЯ СРЕДА

«ЛГ» совместно с ОАО НК «Роснефть» начинает проект «Научная среда», посвящённый возрождению научного потенциала нашей страны. Большое место в нём будет уделяться инновационным подходам в добыче чёрного золота.

СТР. 11

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 19 053 человека. Заходите!

9 770233 430004 13012

Божественный глагол

21 марта – Всемирный день поэзии

Антон МЕНЬШОВ, Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

Поэзия, одна не знаешь ты,
В чём цель твоя конечная... Иначе
Ты проявила б все свои черты
Давным-давно. И ни одной не пряча.
Тебе твердит угрюмо: «Ты не та, —
Большой знаток. — Идёшь
не в ногу с веком!»
А ты молчишь, задумавшись спроста:
Что происходит с этим человеком?

На этом стихотворении Вл. Соколова можно было бы и остановиться. Как любое совершенное поэтическое произведение, оно на локальном пространстве парадоксально исчерпывает тему неисчерпаемости. Но это лишь образ, иллюзия, поскольку «все свои черты» поэзия проявляет – и никак не проявит – уже тысячелетия.

Пушкин сказал ещё короче: «Цель поэзии – поэзия». А историк В. Ключевский вроде бы навсегда разрешил проблему «интереса к поэзии», который, по мнению профанов, то ли «иссякает», то ли «угасает»: «Поэзия разлита в обществе, как кислород в воздухе, и мы не чувствуем её только потому, что ежеминутно ею живём, как не ощущаем кислорода потому, что ежеминутно им дышим».

Поэзия – последняя зона сакральности в миру. Тот же Пушкин ведь недаром сказал: «божественный глагол». Анна Ахматова подхватила:

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло...

И ещё: настоящий поэт продолжает нести обет гениальности вопреки коммерциализации искусства и тотальному потребительству. По словам Горация: «Поэту посредственных строчек ввек не простят ни люди, ни боги, ни книжные лавки». И, не страшась упрёков в национализме (поэт вообще – существо бесстрашное), поэзия держится за национальное начало, которое, на посторонний взгляд, только мешает: «Поэты берутся не откуда же нибудь из-за моря, но исходят из своего народа. Это – огни, из него же излетевшие, передовые вестники сил его» (Гоголь). И, добавим, только поэтому поэзия в лучших своих образцах воистину всемирна!

Продолжение темы с. 4, 5, 7, 9, 15

КНИГА НЕДЕЛИ

● **Русский сонет** / Составитель Т. Дубровина. – СПб.: Паритет, 2012. – 256 с. – (Серия «Антология поэзии»). – 4000 экз.

Сонет – стихотворение из 14 строк в виде сложной строфы, состоящей из двух катренов (четверостиший) на 2 рифмы и двух терцетов (трёхстиший) на 3, реже – на 2 рифмы. Сонет впервые появился в итальянской поэзии в середине XIII века. Данте Алигьери дал много образцов сонетов в книге «Новая жизнь», которая сделала имя автора бессмертным. В русской поэзии сонет зародился в XVIII веке благодаря В. Тредиаковскому:

Желает человек блаженства непреложно.
Сему – высокий чин, и сила тем, и честь;
Тот счастия себе в богатстве чая ложно,
Приумножает всё, обилие что есть.

В XIX веке популярность сонета стремительно выросла: помимо переводных сонетов появились шедевры, написанные А. Дельвигом, А. Пушкиным, А. Григорьевым и др. Сонету отдали дань все поэты Серебряного века. Высшего поэтического мастерства достигли Вяч. Иванов, М. Волошин, В. Брюсов, создав такую сложную поэтическую форму, как венок сонетов. Он состоит из 15 стихотворений. Последняя строка каждого из 14 сонетов повторяется в начале следующего, таким образом связывая смежные стихотворения. Предпоследний сонет (№ 14) завершается строкой, с которой начинался первый сонет «венка». Заключительный сонет, именуемый магистралом, последовательно воспроизводит первые стихи всех 14 сонетов и концентрирует в себе смысл всего цикла. Эта требующая поэтического мастерства форма была популярной в русской поэзии Серебряного века («Венок сонетов» Вяч. Иванова, Corona astralis М. Волошина, «Светоч мысли» В. Брюсова). В тщательно составленный сборник вошли известные и редко издаваемые произведения русских поэтов XVIII – начала XX века.

СОБЫТИЕ

Федор ЕВГЕНЬЕВ

Многие наши читатели побывали у стенда «Литературной газеты», который работал на 16-й Национальной выставке-ярмарке «Книги России». Репортаж – на стр. 5

СТРЕЛКОВАЯ БАШНЯ

Мятежный сын АГЕНПОПа

Бедный, бедный передвижник Иван Шишкин! Отныне и навсегда этому честному русскому пейзажисту с его милыми «Мишками в лесу» пребывать в тени большого, всемирного Шишкина – Михаила, вставшего на тропу политической борьбы и превратившегося из тонкого венерино-го волоска отечественного постмодерна в буйную шевелюру сопротивления неправильному российскому режиму.

Суровый отказ Шишкина представлять Россию на книжной выставке BookExpo America потряс наше неокрепшее гражданское общество, которое не замедлило разделиться на два лагеря. Первый солидаризировался с Шишкиным, с удовольствием повторяя его слова о «коррумпированном преступном режиме», захватившем власть, о «воровской пирамиде», «шайке узурпаторов» и т.д. Второй недоумевал: отчего ж этот новоявленный борец за нашу и вашу свободу, 18 лет живущий в Швейцарии, раньше не отказывался от поездок на аналогичные выставки, с удовольствием представляя и «режим», и «шайку»? Да что там не отказывался. Прежде, бывало, на какую ярмарку или конференцию ни прибудешь, а там уже Шишкин проездом из своего кантона немытую Россию представляет. Думаю, на одни командировочные, выписанные нашей казной автору «Письмовника», можно было бы до конца жизни содержать всех российских писателей-почвенников, упрямо проживающих на родине.

Разделились, конечно, в оценке события и литераторы. Б. Чхартишвили-Акунин телеграфировал из Парижа, что солидарен с Шишкиным. Видимо, скоро и Эраст Фандорин бросит вызов прогнившему самодержавию, сиречь царю-миротворцу Александру Третьему. А Ольга Славникова буквально глаза нам открыла: *«На самом деле нас, российских литераторов, власть взяла в заложники. Что бы она, власть, ни творила, мы – ответчики»*. Хм, хм. Что-то я не помню, чтобы Славникова отвечала за «рокировочки» и «загогулины» своего земляка Бориса Ельцина. Видимо, заложницей себя тогда не считала, скорее – сподвижницей. А я-то, наивный, раньше думал, что Славникова столько лет сидит на премии «Дебют» потому, что это её кормит. Но теперь-то ясно: она заложница, ведь учредил эту награду «террорист» Андрей Скоч, а он не только миллиардер, но и «единоросс». Вы же понимаете: вход – рубль, выход – два... Хоть ОМОН вызывай!

Максим Амелин сдержанно, как и положено интеллигенту, вознегодовал, особенно по поводу филиппик Шишкина против Агентства по печати и массовым коммуникациям (АГЕНПОП): *«Слишком много «министерство пропаганды», как он выразился, для него сделало. Например, поддержало материально переводы его книг на английский и даже на шведский»*. Услыхав такое, народ бросился на сайт Института перевода, созданного некоторое время назад усилиями АГЕНПОПа и БИЛа (Библиотека иностранной литературы), и обомлел. Действительно, Шишкин в числе «продвиженцев». Что же это получается, граждане? Не прогрессивная англосаксонская часть человечества, не разные прочие шведы озаботились переводами Шишкина на мировые языки, а коррумпированное наше государство! Заодно выяснилось, что и другие периодически взбрыкивающие авторы – вроде Быкова и Прилепина – стали всемирно известны тоже за счёт российской казны. Узнав об этом, какой-нибудь писатель, прежде лояльный, но уставший издаваться исключительно на русском, нетерпеливо спросит: «Когда же, братцы, новый митинг на Болотной?» Его можно понять, ведь и «Большая книга», которую недавно получил Шишкин, имеет самое непосредственное отношение к нашей власти. Во-первых, присматривает за этой негосударственной премией всё тот же АГЕНПОП, а во-вторых, у нас никакой олигарх без соответствующего расположения кремлёвских звёзд ни в какой премиальный фонд копейки не даст.

Во всей этой истории действительно жалко руководство Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Ну, это надо же – столько лет возиться с Шишкиным, таскать его по книжным ярмаркам, славить, пиарить, оплачивать переводы на иностранные языки, сдабривать премиями, раздувать из серой интертекстуальной мыши белого и пушистого слона большой литературы, а он, мятежный, оказалось, ведёт двойную игру. Ведь мог, мог отказаться, когда позвонили из АГЕНПОПа и предложили: «А не представите ли вы, Мишель, нашу Россию на BookExpo America? Без вас никак!» Кстати, нечто похожее случилось с Героем Социалистического Труда писателем Юрием Бондаревым. К нему по телефону обратились из ельцинской администрации: мол, не хотите ли к круглой дате что-нибудь за заслуги перед Отечеством? Нет, тихо ответил, от вашего антинародного режима не хочу. А ведь мог в Георгиевском зале награду швырнуть в лицо законно избранному. Нет, сразу отказался. Благородное поколение!

Но постмодернисты – они во всём постмодернисты. Шишкин согласился, а как только его фамилия появилась в официальном списке российской делегации, вскричал: не поеду никуда, сатрапы, свободу Юрию Деточкину, из искры возгорится пламя, но пасаран! Как, скажите на милость, сотрудничать с такими писателями? Ты его, иностранного насельника и налогоплательщика, лелеешь, включаешь в «государственную программу продвижения русской литературы и книгоиздания за рубеж», растишь из него Набокова, а он плюёт в казённый колодец длинной общечеловеческой слюной! Как, впрочем, и другие выдвиженцы АГЕНПОПа, оказавшиеся кто в сварливом комитете «Выборы-2008», кто на Болотной с белой ленточкой. Да, не позавидуешь Агентству по печати! Могут заподозрить в подрыве имиджа России, а то и во вредительстве! Тут не только сна и покоя можно лишиться, но и кресел, которые руководители АГЕНПОПа занимают уже три президентских срока!

Сам же Шишкин хранит величественное молчание, как и положено мировой величине. Он всё сказал об Империи зла. Слово предоставляется высоким адвокатам. Вот британская «Гардиан» уже назвала его «одним из самых выдающихся современных российских писателей». И британское же издательство Quercus, выпустившее его роман при помощи Империи зла, заявило, что поддерживает писателя. Странные они там, на Западе! Покуда российский литератор с властью не поссорится, его и читать вроде как не стоит. Зачем? По некоторым сведениям, это же издательство уже готовится выдвинуть нашего швейцарского земляка, бесстрашного, как Вильгельм Телль, на Нобелевскую премию по литературе. И повод подходящий, и резонанс достаточный: отхлестал Кремль!

Неужели весь сыр-бор ради нобелевки? Так ведь это можно легко организовать, не ссорясь с кормильцами из АГЕНПОПа. У нас вон Константина Кедрова, принадлежащего к почтенному племени литературных сумасшедших, чуть не ежегодно выдвигают, делов-то... Но если Шишкин решил идти к премии имени знаменитого динамитчика тропой Солженицына, то надо быть последовательным – посидеть в колонии за участие в беспорядках на Болотной, гордо отбыть в изгнание, поучаствовать в борьбе Запада с неугомонной Россией, которую давно пытаются окончательно рассредоточить, а она, зараза, опять сосредотачивается. Вот тогда бы не только нобелевку дали, но ещё, глядишь, и улицу бы в центре Москвы назвали. Нет, площадь. Площадь Шишкина. Звучит?! А вот англичанам доверять не стоит. Они завсегда русского мужика обманывали, учили ружья кирпичом чистить или полонием баловаться...

Тем временем наивные литераторы продолжают спорить о безумстве храброго Шишкина. За всеми этими спорами почему-то упускается из виду тот факт, что он не сделал ровным счётом ничего нового. Обычный постмодернизм: только цитаты, ничего личного. Можно, к примеру, текст советской писательницы Веры Пановой в свой роман, не закавычив, вставить, а можно пойти вытоптанной дорогой салонных революционеров вроде Ксении Собчак, решивших, что с этой власти они уже всё взяли, пора её менять. Главное тут – грамотно всё обставить. А Шишкин ведь не только писатель, но, как сообщает пресса, в Швейцарии он успешно служил в фирме «по навязыванию ненужных услуг», так что технологию знает досконально. На его месте могли быть и другие авторы, вскормленные щедрым АГЕНПОПом, но они не успели или ошиблись в расчётах, а скорее всего, просто ждут своего часа. Лодку-то надо раскачать, прежде чем она перевернётся. Так что «навязанных услуг» будет ещё много. Следите за рекламой современной российской литературы...

Николай ИВАНОВ

Продолжение темы на стр. 4

ОЧЕВИДЕЦ

Патриотизм и свобода

Как-то «Литературная газета» затронула крайне важный сегодня вопрос о соотношении либерализма и национализма. По мнению автора текста, *либерализм* и *национализм*, как политические движения, «в принципе противоположны – истинно, онтологически». Национализм спасителен для России, а либерализм гибелен.

Думается, что это ошибочное утверждение. Тем самым отрицается дух народной свободы, вбивается клин между народностью и гражданственностью. Но почему же такие взгляды чрезвычайно распространены сегодня?

Ещё Достоевский в «Дневнике писателя» заметил, что по духу русский либерал, как правило, «не русский либерал», имея в виду въевшуюся в него смердяковщину. Среди немецких или американских либералов мы не увидим противников германизма или американизма. Французы и англичане также любят свой национальный дух. Не то у нас.

Отрыв либерального реформизма от духа народности начался не сегодня. Если всмотреться в героев правительственного либерализма при «освободителе» Александре II, увидим их пренебрежение верой, языком, обычаями русского народа. Один тогдашний сановник картинно вопрошал, «где они, эти русские», утверждая, что крестьяне Центра России, сибиряки, окраинные казаки, малороссы, белорусы представляют собой разные народы. Так сами представители старой российской политической элиты помогали нашим геополитическим соперникам, Австрии и Германии, вносить бациллы сепаратизма в пределы русского мира. В послереволюционное время системная русофобия на Руси только возросла.

Так что вроде бы есть резон противопоставить либерализм и национализм. Ведь наши правительственные и неправительственные либералы даже последней царской эпохи чаще всего были равнодушны к коренным интересам своего народа. И всё-таки нельзя забывать о несоответствии таких настроений истинной природе либерализма. Подлинный либерализм никогда не отрывается от духа собственной народности.

В наши дни также надо понимать, что русофобия, с которой сроднились многие нынешние «системные» и «внесистемные» «либералы», не может быть опорой России. Нелюбовь этого круга деятелей к главному нашему народу делает их лишь самозванцами либерализма.

Недопустимо противопоставлять либерализм и национализм. Их теория и практика свидетельствуют об этом. Запад, родина идеологий, исходил как раз из единства этих двух начал, более того, воспринимал их двумя сторонами одного и того же явления.

Либерализм изначально был чреват национализмом. Какие национальные силы противостояли друг другу во время Французской революции? Карамзин и другие её свидетели сразу же их узрели, говоря о противостоянии *роялистов* и *патриотов*. Революционный клич «Да здравствует республика, да здравствует Франция!» передаёт это неразрывное единство национализма и либерализма.

Так же до того было и в Северной Америке. Идеологи и практики американской революции боролись с оружием в руках против Британии, во имя своего *освобождения* от английской короны ради *национальных интересов* американцев-протестантов, почувствовавших свою гражданскую отдельность. Видим и здесь слияние либерализма и родившегося вместе с ним национализма. Подобного рода национальные движения, ядром которых был либерализм, то есть идея гражданского, народного освобождения от *старого строя*, были характерны и для других культурных стран Запада.

Даже поздно объединявшаяся Германия при всём своём отличии от католического Запада и православного Востока, с которыми не раз воевала, также знала это типологическое единство национализма и либерализма. Сразу же после эпохальной победы России над наполеоновской Европой в германских землях появилось мощное националистическое движение, соединявшее либеральный дух европейского конституционализма со стремлением к народному немецкому единству.

Немцы, как и другие народы Запада, шли по своему пути либерального развития об руку с национализмом, правда, доходившим порой, как и во Франции, до явного шовинизма.

Теория либерализма, как и его практика, также ни в чём не противоречит национализму, который был одной из её движущих стихий.

Науке это неразрывное единство либерализма с духом народности давно известно. Так, русский либерал-правовед второй половины XIX века Градовский сформулировал политический закон, почему-то забытый сегодня нашими телевизионными «либералами». Он гласит: «Народности, утратившие свою политическую самостоятельность, делаются служебным материалом для других рас». Градовский не был славянофилом, национальный либерал, он был горячим сторонником развития гражданской свободы для всех русских, отмечал, что «государство, в тесном смысле, есть не что иное, как *политико-юридическая форма народности*».

С формулами либерала Градовского согласились бы и христианские консерваторы. Формулы эти гласят: «Политическое общество по существу своему национально». «По общему правилу, государство тогда только прочно, правильно обеспечено в своём внутреннем развитии, когда оно построено на основе народности и служит национальным целям... Искусственные государства не удовлетворяют самым элементарным потребностям народного развития, они не могут обеспечить коренных условий гражданской свободы».

Подлинный критерий либерализма – это приверженность идее гражданской свободы, то есть убеждение в равном праве русских и российских граждан (как и других народов) на свою землю, на свободное слово, на свой язык и образование и в целом – на самобытную жизнь. Идея же политической свободы или конституционализма для либерализма факультативна. Главные цивилизующие начала – народность, государственность и свобода. А мы до сих пор склонны ошибочно противопоставлять их друг другу.

Владимир ШУЛЬГИН,
КАЛИНИНГРАД

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ФОТОГЛАС

В Риме открылся культурный центр – и одновременно музей – имени Н.В. Гоголя. Он разместился в квартире, где более полутора веков назад жил классик русской литературы. Именно здесь были написаны «Шинель», «Тарас Бульба», «Мёртвые души».

Погода, конечно, подвела. Но помешать проведению традиционного благотворительного музыкально-поэтического вечера фонда «Арт-линия» в Доме-музее М.Н. Ермоловой не могла. Назывался он «Концерт после зимы». И хотя за окнами на Тверском бульваре лежал свежий снег, и музыка, и стихи – Мандельштам, Майков, Анненский, Брюсов, Пастернак, Фет – были о весне. Взрослеющие от вечера к вечеру девочки и мальчики (встречаемся с ними каждое время года) порадовали великолепным исполнением и стихов – их, как обычно, читал Иван Тимохин, и музыки. Звучали Гендель, Перголезе, Поппер, Шуберт, Паганини, Рахманинов, Дворжак, Балакирев и Глинка. Аплодисментов и возгласов «Браво!» заслужили Михаил Митрофанов, Мария Коновальцева, Иван Пшеничников, Лидия Ступакова-Конева, Нина Данг и певец Тимур Абдуллаев. Все они – лауреаты различных конкурсов, но к выступлению в программе Татьяны Малышевой готовятся особенно. И действительно в строгом белом зале пахло весной...

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

В Москве в доме № 35 на Поварской улице, в котором жил Сергей Михалков, в день его 100-летия открыта мемориальная доска.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

«Русская крепость» на Днестре

Здесь – территория концентрированной любви к России

В последний месяц заметно активизировались отношения России и Приднестровья. 5 марта замглавы МИДа Григорий Карасин заявил, что Россия намерена открыть своё генеральное консульство в Тирасполе. Формально Москва не признаёт приднестровскую независимость, а Кишинёв своего согласия на открытие консульства не даёт. И вот Россия, кажется, решилась на открытие своего представительства без согласования этого вопроса с Кишинёвом. Это, конечно, не признание приднестровской независимости, но всё же установление официальных дипломатических отношений – шаг для ситуации во всём регионе почти революционный. Впрочем, общий фон наших отношений довольно вял, а точнее сказать – они находятся в состоянии оцепенения и неопределённости.

Приднестровье – удивительный случай постсоветской истории. Краешек бывшей Украинской ССР, на котором в 1920-х гг. была создана фиктивная молдавская автономия с расчётом на дальнейшее присоединение всей Бессарабии. Когда это случилось и была образована Молдавская ССР, эти земли оказались в ней чужеродным телом. Сельская винодельческая Молдавия и индустриальное Приднестровье различались почти во всём, но все эти различия стушёвывались форматом общей советской государственности.

Во время распада единой страны жители Приднестровья взялись за оружие и отстояли независимость своей маленькой земли. Они смогли создать государство, которого, казалось, и быть не может, – тонкая полоска земли вдоль реки, зажатая между двух соседей и не имеющая выхода к морю. Однако решимость жить самостоятельно была столь высока, что удалось построить эффективно работающую государственную систему со своей валютой и армией, сохранить индустрию, создать стабильное общество. Средняя зарплата в ПМР традиционно выше, чем в Молдавии, лучше работает и социальная система, а ведь республика уже много лет живёт в состоянии транспортной блокады.

Население на треть состоит из русских, на треть из украинцев, на треть из молдаван, однако никаких внутренних этнических конфликтов нет, общество довольно цельное и с высоким уровнем гражданского самосознания.

Мне довелось на днях побывать в этой самопровозглашённой стране. Главное впечатление – это ощущение очень здорового общества. Приветливый, улыбчивый народ, люди прекрасно выглядят. Правда, одного бомжа всё же нашёл: жалкий такой и с американским флагом на куртке. Я ещё подумал, есть в этом какая-то ирония. А подтянутость народа неслучайна. В Молдавии ходят анекдоты, мол, приднестровцы даже в детских садах учатся собирать автоматы. Да, Приднестровье – осаждённая крепость. Но ощущения осадного положения нет, и военных почти не видно. Зато есть такое чувство, что в случае нападения здесь все встанут на защиту своей земли. В чём оно? Не знаю, в воздухе.

В Тирасполе очень много молодёжи. Неудивительно – здесь работает Приднестровский госуниверситет. За двадцать лет из провинциального педвуза удалось сделать полноценный университет, в котором очень чувствуется столичный формат деятельности и впечатляет широкая издательская программа. Достаточно взять в руки один из томов «Истории Приднестровья» или «Истории литературы Приднестровья». Идёт глубокое изучение края и формирование его самосознания, так что столь заметный патриотизм приднестровцев вовсе не наносной. Степан Берил, ректор ПГУ, говорит, что «Приднестровье – это жемчужина в короне России», – и здесь эти слова ощущаются не просто красивой фразой.

У нас, как и на Западе, Приднестровье нередко описывают как своего рода «заповедник советского периода». Крайне неадекватный стереотип. Скорее, всё как раз наоборот! Это они – местные молодые ребята – в своё время рискнули и сломали советские межреспубликанские границы. По обе стороны, и с запада и с востока, по сей день реализуются проекты национальных государственностей, которые были запущены ещё в СССР, разве что они сменили свои идеологии.

Но приднестровцы создали нечто принципиально новое, и у них получилось. Нынешнее руководство республики – почти молодёжное. Министры, которым немного за тридцать, президент, которому немного за сорок. Довольно странно видеть этих молодых и активных людей и слышать, что они тут «законсервировали СССР». Очевидно, всё прямо наоборот.

Скорее, они возрождают на своей земле то, что было до СССР. Ведь Приднестровье – это край Новороссии, огромной исторической области степного юга Российской империи.

Тогда, до большевистских экспериментов в национальном вопросе, здесь ещё было многоэтничное население, наверное, с самым имперским самосознанием на фоне всех других регионов исторической России. На приднестровских банкнотах можно увидеть портрет Суворова. На главной улице Тирасполя стоит его конный памятник. Великий русский полководец екатерининской эпохи стал символом приднестровской государственности, важнейшим героем её самосознания.

Напротив этого памятника расположен мемориал Славы – место захоронения героев, защищавших приднестровскую землю в годы Великой Отечественной войны и во время военного конфликта 1992 года. И Вечный огонь горит в память о павших в обеих войнах.

В этом месте не приходится задумываться о заброшенности – наоборот, ощущение живого священного пространства. На камнях свежие цветы, на елях повязаны георгиевские ленточки, а рядом стоит возведённая пару лет назад часовня св. Георгия Победоносца. Кстати, сейчас по всему краю строятся церкви, возрождаются монастыри.

Местный патриотизм – особый. Он касается не только родного края, но и всей исторической России. Моя новая знакомая, ведущая на одном из местных телеканалов, так рассказала о своей поездке в Россию: «Больше всего меня поразило то, как вы все там относитесь к своей стране». И добавила: «Приднестровье – это территория концентрированной любви к России. А у вас там такой любви, кажется, просто нет».

И действительно, я как бы вырвался в край, дышащий любовью к моей стране. Необычное, радостное ощущение. Но при этом постоянное, что я слышал даже от жителей болгарского села Парканы: «Передайте там, в Москве, чтобы нас взяли обратно. Мы хотим быть с Россией».

Однако сама Россия не отвечает взаимностью. Там не покидает ощущение того, что она этот край бросила, позабыла о нём. Тема Приднестровья почти ушла из информационного пространства, о нём почти не говорят, а ещё более – не слышат.

На обратном пути ко мне в купе подсели два парня лет 25, инженеры из одного наукограда Центральной России, работают в космической промышленности. Интеллигентные люди, по-своему неплохо ориентирующиеся и в мировой политике. Но впервые услышали о Приднестровье.

Признаться, для меня это был почти шок, я-то наивно думал, что вся Россия болеет за эту «русскую крепость» на Днестре. Возможно, Россия просто не настолько любит саму себя, чтобы любить ещё и Приднестровье.

Олег НЕМЕНСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
АНО «Редакция «Литературной газеты»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Заместители главного редактора
Алесь Кожедуб,
Леонид Колпаков,
Марина Кудимова,
Игорь Серков

ОТДЕЛЫ:

«Политика, экономика»
тел. 8-499-788-01-06
Игорь Серков,
Владимир Сухомлинов

«Литература и библиография», сайт «ЛГ»
тел. 8-499-788-02-05
Марина Кудимова,
Игорь Панин,
Татьяна Шабаева

«Искусство»
тел. 8-499-788-02-12,
Арина Абросимова,
Анна Кузнецова

«ТелевЕдение»
тел. 8-499-788-02-12
редактор
Александр Кондрашов,
Олег Пухнавцев

«Общество»
тел. 8-499-788-02-08
редактор Людмила Мазурова,
Наталья Гамаюнова

«Клуб 12 стульев»
тел. 8-499-788-00-53
администратор Александр Хорт

Обозреватели
Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов,
Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург),
Игорь Гамаюнов

Спецпроекты и приложения
Алесь Кожедуб,
Анастасия Ермакова

Отдел оформления
тел. 8-499-788-01-13
бильд-редактор
Евгений Федоровский,
художественный редактор
Антон Меньшов

Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе
Валерий Павлов

Собственные корреспонденты
Александр Самойленко (Калуга),
Юрий Беликов (Пермь),
Жан Миндубаев
(Ульяновская область, Татарстан),
Владимир Шемшученко
(Санкт-Петербург),
Владимир Королёв (Смоленск),
Сергей Евстратьев (Республика Молдова),
Юрий Щербаков (Астрахань и Калмыкия),
Лия Иванян (Армения),
Ирина Тосунян (США),
Алексей Славин (Германия),
Мария Хамахер (Центральная Европа),
Никита Барашев (Италия),
Светлана Селиванова (Китай),
Евгений Минин (Израиль)

Московский тираж – 60 351 экз.
Федеральный тираж – 35 707 экз.
(печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске)
Тираж в Крыму – 2500 экз.
Тираж в Европе и США – 6000 экз.
(печатается во Франкфурте-на-Майне)
Тираж в Израиле – 22 000 экз.
Тираж в Великобритании – 9000 экз.
Тираж в Греции – 3000 экз.

Общий тираж 138 558 экз.

Цена договорная
Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М»,
143400, Московская область, Красногорский р-н,
п/о «Красногорск-5»,
а/м «Балтия», 23-й км.

Номер подписан к печати
19 марта 2013 г.
Зак. № 13-02-00329

Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.

Подписные индексы:
50067, 34189, 84874 и 99168
(для предприятий и организаций)

Подписка и распространение:
тел. 8-499-788-01-12

Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»

Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г.

Адрес редакции:
Хохловский переулок, д. 10, стр. 6
Москва, 109028
тел. 8-499-788-02-52

Автоинформатор и соединение с отделами:
8-499-788-02-10

Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru
Факс: 8-499-788-00-52

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

Ведущий редактор номера Алесь КОЖЕДУБ

Наша газета («ЛГ», № 5) уже писала о неожиданном для многих призыве к диалогу между левыми силами и Русской православной церковью для объективной оценки советского периода. При этом отмечалось, что в левых идеях много христианского, хотя совершённые в ту эпоху преступления должны быть осуждены.

Что ж, действительно не нужно бояться честно говорить друг с другом, не нужно обходить острые углы, надо увидеть, что нас объединяет и что мы можем вместе сделать для вынесения правдивых оценок пережитого страной.

А на днях представители Всемирного русского народного собора заявили, что готовы сотрудничать с «Изборским клубом», объединившим политологов, публицистов и философов государственнического толка, взвешенно и без истерики относящихся к советскому прошлому.

Процесс, что называется, пошёл. Но будет ли он успешным? Какие подводные камни могут помешать ему?

Где Ленин, где Христос?
Всеволод ЧАПЛИН отвечает на вопросы «ЛГ»
Нужно единство патриотов
Не городить новые заборы

Не получится

Журналист: – То есть православный человек вполне может быть советским патриотом?

Отец Всеволод (Чаплин): – Совершенно верно.

В России сегодня главный пункт повестки дня – мирная, «ползучая» русская антилиберальная контрреволюция. Которую так или иначе, вольно или невольно, осознанно или неосознанно продвигают по мере своих сил все слои населения, уставшие от либеральных экспериментов. Все, кроме самих либералов, разумеется.

Как всякая контрреволюция, она нацелена отчасти на модернизацию общества, но отчасти и на реставрацию былого. В нашем случае – социалистического прошлого. Но только исправленного и дополненного. Можете назвать это как угодно – перезагрузкой матрицы или восстановлением архетипа – суть ясна.

Вопрос на засыпку: а что надо было исправить и дополнить в нашем социалистическом советском прошлом, чтобы жизнь была нормальной?

На мой-то лично вкус весьма многое: отсутствие частного предпринимательства, отсутствие демократических прав и свобод, отсутствие права субъектности у русского народа, роль русских как донора по отношению к другим народам советской империи, идиотское интернационалистическое воспитание, явный и скрытый антиинтеллектуализм властей предержащих...

Но я знаю, что с точки зрения весьма значительных и весьма влиятельных кругов главным камнем преткновения было другое: приниженная роль Церкви и идеология официального атеизма при Советах.

«Даёшь второе крещение Руси!» – под этим лозунгом уже в 1990-е годы стали выступать отдельные идеологи в России и за рубежом. Сегодня эта позиция становится преобладающей среди как стихийных, так и сознательных «реставраторов советизма».

РПЦ не может не идти в этом смысле впереди прогресса. Но и коммунисты не собираются идти поперёк мейнстрима. И конечная цель – отреставрированный и улучшенный социализм – устраивает всех.

Трогательное единодушие в рядах строителей неосоциализма. Богу – богово, кесарю – кесарево, Марксу – марксово.

Однако в моём скептическом сознании возникают несколько «но».

Первое «но». Чтобы выпрямить, надо перегнуть, как говаривал Мао Цзэдун. Постсоветская реставрация РПЦ зачастую вовсе не радует людей советской закваски (не говоря уж о либералах-западниках и неоязычниках, да и просто о привыкших к свободомыслию обывателях). Альянс РПЦ с КПРФ обернётся усилением позиций первой, поскольку устранит с её пути одно из последних препятствий. Но ослабит позиции второй, поскольку партийные массы, скорее всего, увидят в этом капитуляцию и замещение, вытеснение коммунистов Церковью из политики. В итоге вместо умиротворения может возникнуть обратный эффект, который никого не обрадует, включая Церковь.

Второе «но». Ещё совсем недавно подобные перипетии вряд ли кого бы могли сильно обеспокоить, поскольку в глубинах народной толщи они отражались мало. Ведь социологический рейтинг православия (4%) ещё в 2005 г. стоял ниже даже идеи возрождения СССР (7%) и едва ли не «догонял» коммунизм (3%). Единение церкви и левых не войдёт ли в прямое противоречие с состоянием общества, выраженным в данных цифрах? Общественное сознание опасно насиловать, реакция неизбежно последует.

Правда, пропорции понемногу меняются. Но настолько ли, чтобы поднимать на щит Христа и Маркса с Лениным одновременно?

Третье «но». Эгалитаризм – основа основ коммунистического (и социалистического) мировоззрения – действительно закодирован в христианстве. И не только в этой вере, но и во всех авраамических религиях – иудаизме, христианстве, мусульманстве. Именно поэтому все народы и страны, приверженные данным конфессиям, периодически сотрясают чудовищные социальные катаклизмы: бунты, революции, гражданские классовые войны (где евреи зачастую играют лидирующую роль). В отличие, скажем, от Индии, где всё это попросту невозможно в силу именно религиозных убеждений, имеющих совсем иной, противоположный, социальный вектор.

В христианских странах, где восторжествовала идея равенства всех людей перед Богом, все восстания и революции черпали опору *именно в религиозных текстах*.

Вот характернейшая цитата из речей руководителя самого первого в Европе крестьянского восстания: «Люди добрые! Плохо живётся в Англии, и лучше не будет до тех пор, пока не установится общность имущества, пока будут господа и подданные, пока все не будут равны. По какому праву те, кого называют господами, обладают властью над нами? За какие заслуги им принадлежит это право? Почему они держат нас в рабстве? Они ходят в бархате, в пурпурных и меховых одеждах, а мы одеваемся в грубые одежды. У них вино, отборная еда и белый хлеб, а мы кормимся ржаным хлебом, соломой, отрубями и пьём воду. А ведь всей своей роскошью они обязаны нашему труду».

Знаменитый вопрос «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда господином?» веками смущал умы христианской паствы и толкал её на путь классовых войн. Страдали от таких вопросов и страны ислама, концепция которого также не свободна от эгалитаризма, хотя в меньшей степени.

К чему это я? А вот к чему.

Классовая борьба и социальная революция, «русский бунт» – это следует понимать и помнить! – тоже неотъемлемо входят в нашу матрицу, наш архетип. Даже освобождённые от прямой связи с религиозным первоисточником (как это и произошло в русском коммунизме), они глубоко коренятся в русском сознании и всегда готовы при удобном случае выплеснуться наружу. А в новейшей России, где классовые противоречия уже выросли до небес, если христианский эгалитаризм вот-вот будет помножен на эгалитаризм коммунистический, такой поворот неизбежно сулит нам обострение социальной напряжённости. Меня это тревожит.

Четвёртое «но». Ни Советский Союз, ни его ядро – Советская Россия – не были ни государством русских, ни государством для русских. А если уж говорить правду до конца – был антирусским государством, в котором русским отводилась лишь роль природного ресурса: строительного материала, общегосударственной скрепы, пушечного мяса, бесправного донора – источника средств для процветания центральной власти и многих иных народов страны...

Поставить русский народ в такое положение оказалось возможным в ходе Гражданской войны и последующих событий, когда элита русского народа была либо истреблена, либо поражена в правах большевиками. Мы, русские, стали всадником без головы. Но всем своим нутром чуяли антирусскую суть советизма (кстати, православный клир открыто выговаривал данную идею).

Поэтому, когда рухнул Советский Союз, то, во-первых, никто из русских людей не встал с оружием в руках на его защиту, а во-вторых, в нашей публичной политической жизни прочно прописался русский национализм, неуклонно набирающий вес, силу и значение с каждым годом. Это естественная реакция на семидесятилетнее торжество антирусского интернационала и естественное следствие частичного восстановления русской элиты.

Наблюдая дрейф нынешнего общества к неосоветизму, я пока не очень отчётливо вижу, какое место в грядущем неосоветском будущем займёт русский национализм. Вижу, что займёт обязательно, но – какое?!

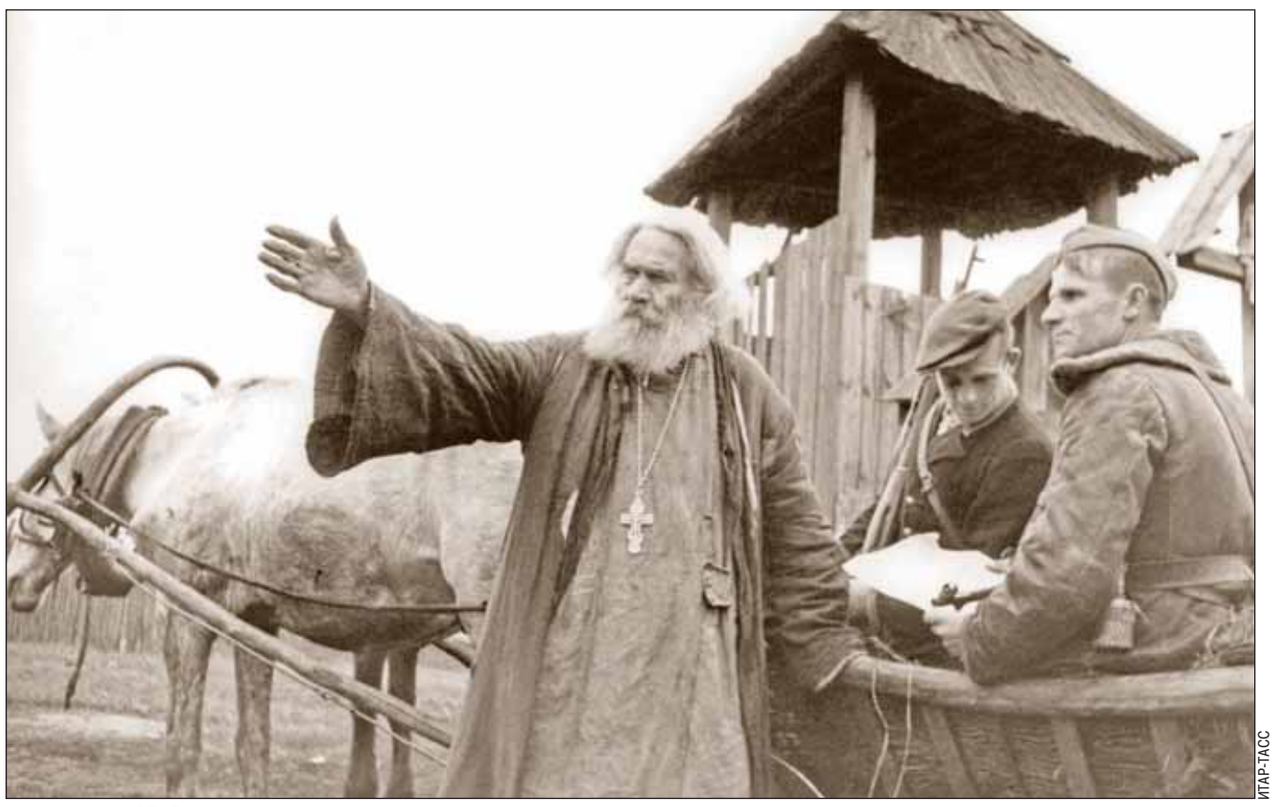
Сдаётся мне, что без конфликта – глубокого, внутренне фундированного – тут не обойтись.

С одной стороны, разворот к русскому национализму, его эскалация столь же неизбежна, как и реставрация советизма. Это такая же внутриполитическая необходимость, продиктованная объективными внешними и внутренними условиями. Это такая же часть русской антилиберальной контрреволюции, такой же мейнстрим наших дней.

С другой стороны, коммунисты – интернационалисты, христиане – наднационалисты, да и Кремль (с его огромным либерально-космополитическим родимым пятном) не упускает случая высказаться против национализма и всячески репрессирует русских националистов.

Как будет разрешаться эта коллизия?

Александр СЕВАСТЬЯНОВ,
политолог


ИТАР-ТАСС

1943 год. Великая Отечественная война. Сельский священник указывает партизанам, где захватчики

И всё-таки диалог!

КАК ВМЕСТЕ ЖИТЬ?

Последние заявления актуализируют давнюю проблему взаимоотношений между христианской Церковью и левыми силами в широком смысле слова. Неслучайно, думаю, оно совпало с началом деятельности нового общественного движения «Русский лад», призванного, по мысли коммунистов, объединить всех русских патриотов, независимо от их мировоззренческих и политических позиций. Включая даже и патриотов-либералов. Другой вопрос, насколько это возможно и продуктивно.

Тем более что вопрос этот распадается на три неравные части. Одно дело – взаимоотношение христианской веры и коммунистической доктрины Маркса. Второй вопрос – отношение современных русских христиан (да и коммунистов) к практике этой доктрины, которая имела место в России с 1917 по 1991 год. Наконец, третий, самый важный вопрос – как нам вместе жить дальше?

НА РУСИ КАК НА РУСИ

Сначала о первом. В своё время Владимир Соловьёв шутил, что социализм очень похож на христианство, только христианство требует отдать своё, а социализм требует взять чужое. Шутка, конечно, но с долей правды. Нельзя достигнуть правды насильно, нельзя без веры войти в рай. Духовное, экономическое и политическое самоутверждение («самостоянье», по слову Пушкина) человека – такое же его божественное право, как и право раздать своё богатство нищим. Однако такой поступок может быть личным, невынужденным, иначе он не имеет смысла. Надеясь исправить мир посредством планового перераспределения активности человека, коммунисты-материалисты отвергли христианское учение о его первородной и личной греховности, **неизбежной** (хотя и в разных проявлениях) при любом социальном строе.

Другое дело, что коммунизм в России впитал в себя духовную энергетику русской правды. Хотели этого коммунисты или нет, эта правда – то есть православие, самодержавие, народность – постепенно русифицировала марксизм-ленинизм до такой степени, что сотворила из него фактически новое учение. Прав Н. Бердяев: «Третий Рим стал Третьим Интернационалом». «Левая» решительность превратилась в собственную «правую» противоположность.

Стержень русской судьбы XX века воплотился в фигуре Сталина. Бывший революционный боевик Джугашвили-Сталин построил (вопреки ленинско-троцкистскому фетишу мировой революции – вот где промысел Божий!) могучую «красную империю» и тем самым вытянул Россию из болота, в которую её загнали в феврале 1917 года взбунтовавшиеся западники-либералы.

При осмыслении советской истории следует решительно отвергнуть как тупой сталинизм в стиле «культа личности», так и патологический антисталинизм в кругозоре кухонного диссидентства. В известном смысле Сталин был убийцей русского народа и его спасителем одновременно. Так или иначе в России не нашлось других исторических сил, которые осуществили бы воссоздание страны после революционного разгрома другими, более гуманными – я уже не говорю, христианскими – средствами.

Дело не в оправдании жестокости, а в ясном понимании того, что своим сегодняшним существованием мы, живущие в XXI веке, обязаны тем самым «советским людям», которые в 1936 году голосовали за социалистическую конституцию, а в 1945 ценой своей жизни спасали буржуазную Европу от «окончательного решения» еврейского, цыганского, славянского и других расовых вопросов.

Начавшись как террористическая «Совдепия», Советский Союз унаследовал народную энергетику тысячелетней православной традиции и одержал в середине XX века победу над самой страшной антинациональной и антиправославной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь в истории.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Дальше, конечно, православным русским христианам и русским коммунистам/социалистам придётся договариваться и заключать в той или иной форме политический союз – иначе мы Россию потеряем.

Положение коммунистов в олигархической России весьма противоречиво. Конечно, нынешняя КПРФ значительно расширила свой мировоззренческий горизонт, включив в него немыслимые прежде национальные и даже религиозные положения. Однако наличие наследственных идеологических «родимых пятен», начиная с трактовки человека как «совокупности общественных отношений» (базис и надстройка) и кончая критикой традиционной монархической России как «оплота реакции», делает позицию современных русских коммунистов как бы промежуточной между космополитическими построениями либералов (правых западников) и взглядами тех мыслителей-патриотов, для которых Россия продолжает оставаться уникальной православной цивилизацией в глобализирующемся мире.

С другой стороны, в своей тактике и практической политике деятельность современных коммунистов – прежде всего в лице патриотического крыла КПРФ – заслуживает уважения и поддержки. Теоретики современной компартии резонно указывают, что новейшее технологическое оснащение цивилизации XXI века отнюдь не отменяет основных законов капиталистической эксплуатации.

В завершение скажу следующее. В той мере, в какой социализм/коммунизм остаётся модернизированным вариантом «последней правды буржуазности», то есть учением о производстве и распределении материальных благ как смысле земного человеческого бытия, он может и должен быть подвергнут философской, культурологической и прежде всего религиозной критике.

Однако поскольку он рассматривает сам принцип капиталистической организации жизни – производство финансовой прибыли как автономный процесс – в качестве античеловеческого и аморального, русский национальный коммунизм оказывается объективным союзником православно-патриотических сил, стремящихся вывести Россию из тупика, в который она попала в результате необуржуазной революции конца XX века.

Любой капитализм вообще, а компрадорский российский капитализм в особенности, имеет антихристианский характер. Продающий свою рабочую силу на рынке человек остаётся фактическим рабом капитала, даже если он имеет свой дом, машину и носит те же джинсы, что и его номинальный хозяин.

Сытый и самодовольный раб есть холоп, хам. Массовое общество и массовая культура «золотого миллиарда» и рассчитаны на управление подсознанием подобных «демократических» рабов. Фундаментальное противоречие глобального рыночного «человейника» XXI века состоит в том, что здесь под влиянием виртуализации ключевых ценностей бытия образ Божий в человеке распадается быстрее и внешне незаметнее, чем в условиях предшествующих анатагонистических эпох.

Поэтому православным христианам и русским коммунистам необходимо поддерживать друг друга в их патриотической деятельности на фоне антихристианской и антирусской атаки по всему миру. Стремясь в то же время по возможности сблизить и свои мировоззренческие убеждения. Да, сделать это непросто. Но Россия у нас одна.

Александр КАЗИН,
доктор философских наук,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

КНИЖНЫЙ РЯД

«Наш вид далёк от парижской элегантности»

Торжественно отмеченное 200-летие Отечественной войны 1812 года и Бородинской битвы плавно перешло в юбилей заграничной кампании русской армии 1813–1815 годов. Об этом речь идёт и в книге, где впервые представлены в русском переводе письма и документы, перехваченные у неприятеля, а также ранее неизвестные письма генерала Д.В. Голицына к матери.

Первый раздел содержит письма и бумаги самого Наполеона, маршалов и генералов, во втором – младших офицеров и солдат. Читая письма подряд, замечаешь, как меняется настроение их авторов от победного к пораженческому, а у кого-то просыпается чувство вины.

Как, например, у Деплана, адъютанта генерала Ларибуазьера: «В Москве, это сущая правда, мы грабили, жгли, разрушали эту великолепную столицу и причинили непоправимое зло России; однако Русская армия... отступила в организованном порядке и заманила нас в глубь страны, откуда... по всей вероятности, не выйдет ни один из нас. Наша армия сократилась в 4 раза... Мы были вынуждены покинуть Москву... из-за отсутствия продовольствия и фуража. Я не в силах не погружаться в скорбь, когда смотрю на этот огромный город, который... теперь являет собой груду развалин. Проклинаю войну и государей, что играют счастьем, судьбами и жизнью людей; проклинаю, наконец, свою собственную судьбу, которая сделала из меня орудие несчастия целого народа...»

Отступающие французы страдают от голода, усталости, сильного мороза, насекомых, испытывают страх и «внутренний трепет, которые вызывают неприятельские мародёры или партизаны». Сравнивают, как главный инспектор военно-санитарной части Ларрей, нынешнюю кампанию с прошлыми: «Никогда прежде я не был столь измождён! Поход в Египет и Испанию нельзя никоим образом сравнить с той кампанией, которую мы теперь затеяли» «Наш внешний вид далёк от парижской элегантности», – замечает генерал Дарю.

Татьяна Петерс.
С полей сражений 1812–1815 гг.:
Трофейные письма маршалов, генералов, чинов Великой армии императора Наполеона I и переписка генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына. – М.: Русскій Міръ, 2012. – 352 с.: ил. – 2000 экз.

О том, что происходило в дальнейшем, во время заграничной кампании, по другую сторону линии фронта – «во стане русских воинов», – рассказывается в письмах князя Д.В. Голицына. Дмитрий Владимирович – участник многих сражений. Первую из множества своих наград – орден Святого Георгия 4-го класса – получил по указу Екатерины II. Во время Отечественной войны 1812 года и заграничной кампании, командуя двумя кирасирскими дивизиями, прошёл от Бородина до Парижа. Отличился в боях под Кульмом, Лейпцигом, Фер-Шампенуазом. Однако, как справедливо замечает автор книги, в письмах князь «всегда предельно скромен, когда описывает кровопролитные сражения, в которых лично участвовал и отличился храбростью».

Зато часто и с восторгом пишет, например, об успехах своих юных племянников, поручиков Владимира Апраксина и Александра Строганова, участвовавших в заграничном походе: «Вот два кузена, которые прибыли в войска мальчишками и стали старыми вояками. Без смущения скажу, что они были участниками славной кампании, которая, надеюсь, вскоре принесёт мир в Европу». Через полгода после написания этих строк двадцатилетний Александр Строганов будет убит в сражении под Краоном...

А вот как принимали русскую армию в Европе: «Во всех городах, через которые мы проходили, нас встречали под ликующие крики ура, не прекращавшиеся до Дрездена... Император переживает счастливое время: население всех мест, через которые мы проходили, взирает на него, как на освободителя...»

Автор писем – личность яркая, интересная во многих отношениях. Кроме всего прочего он был, как сказали бы сегодня, одним из самых «эффективных» московских градоначальников. Автор, в частности, напоминает, что «в 1820–1844 гг., занимая должность генерал-губернатора Москвы, Д.В. Голицын во многом способствовал восстановлению Первопрестольной столицы после пожара 1812 года».

Александр НЕВЕРОВ

ШТУДИИ

Новохристианская поэзия

23 и 24 марта в Кремлёвском дворце состоятся концерты, посвящённые двойному юбилею, – 200-летию всемирно известного Кубанского казачьего хора и 75-летию его легендарного художественного руководителя и дирижёра, композитора-песенника Виктора Гаврииловича Захарченко. Присоединяясь к здравицам, «ЛГ» предлагает вниманию читателей одну из новых работ Захарченко – исследователя русской музыкально-поэтической культуры и создателя песен-молитв на стихи Лермонтова, Тютчева, Есенина, Рубцова, Юрия Кузнецова. О двухтомной антологии «Молитвы русских поэтов» (М.: Вече, 2010–2013 / Автор-составитель В.И. Калугин). «ЛГ» уже не раз писала (№ 27, 2010, № 15, 2012). Виктор Гавриилович говорит не только о новохристианской поэзии, но и новохристианской музыке, новохристианских композиторах XX века. Добавим, что и сам Захарченко, вне всякого сомнения, принадлежит к числу именно таких композиторов.

Само появление этой антологии в первое десятилетие нового века и нового тысячелетия мне представляется явлением в высшей степени знаковым. Уже в ближайшие десятилетия, уверен, Россия освободится от ложных политико-идеологических вериг, которые до сих пор сковывают её невиданный духовный и творческий потенциал, но этот «переворот» произойдёт не на площадях, а в душах, в сознании людей. Россия восстановит свои основные духовные, нравственные и исторические координаты, и всё встанет на свои места...

Пример тому – антология, в которой из отдельных молитв русских поэтов воссоздан грандиозный тысячелетний молитвенный собор русской поэзии. Автор-составитель Виктор Калугин особо подчёркивает, что «Испытание веры» первого русского (по происхождению) митрополита Илариона и появившаяся вслед за ним «Молитва за всех христиан» игумена Феодосия Печерского заложили основы всей русской поэзии. Современником создателя «Слова о полку Игореве» был один из самых выдающихся *златоустов* Киевской Руси епископ Кирилл Туровский. Русская поэзия уже с истоков своих освящена именами трёх поэтов-иноков, причисленных к лику святых, – митрополита Илариона, Феодосия Печерского и Кирилла Туровского. Не менее значим и княжеский вклад – молитва Владимира Мономаха.

Антология вводит новое летоисчисление, выделяет молитвы как поэтический жанр, изначально существовавший в русской поэзии. Молитвенные шедевры Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова – продолжение великих традиций.

Думаю, многие, как и я, откроют для себя заново Александра Сумарокова, Гавриила Державина, да и «дедушку Крылова», Петра Вяземского, Алексея Кольцова как выдающихся религиозных поэтов. Очень важными представляются подборки молитвенной поэзии Василия Жуковского, Фёдора Глинки, Вильгельма Кюхельбекера, Кондратия Рылеева. Не менее интересны и многие «забытые» или же ранее вовсе неизвестные имена. Поэзия и судьба князя Сергея Ширинского-Шихматова, принявшего постриг с именем Аникиты, на «необыкновенное дарование» которого тщетно пытался обратить внимание современников Кюхельбекер в своей программной статье 1825 г. Знаменитый государственный деятель эпохи Александра II Пётр Валуев впервые предстаёт в антологии как религиозный поэт. Публикуются не только стихи, но и «царский катехизис» духовника трёх российских императоров (Николая I, Александра II, Александра III и всех цариц, царевичей, царевен) протопресвитера Василия Бажанова. Этот весьма поучительный документ называется «Обязанности Государя». Обязанности перед Богом и народом: «Издавая законы и требуя от своих подданных беспрекословного повиновения оных, Государь сам должен служить для них примером уважения к оным и, пользуясь неограниченной властью, никак не должен позволять себе произвольных действий и несправедливости в отношении к своим подданным...»

Хотелось бы обратить внимание на биографические статьи, предваряющие каждую поэтическую подборку. Это не просто справки, а зачастую целые исследования о поэзии и необыкновенных судьбах Фёдора Глинки, Семёна Раича, Андрея Муравьёва, Елизаветы Шаховой (матери Марии), К.Р. (Константина Романова) и других поэтов. Из галереи таких «портретов» складывается совершенно новая картина истории самой русской поэзии. Честно признаюсь, я читал эти биографические статьи с не меньшим интересом, чем сами стихи.

Второй том полностью посвящён **новохристианской поэзии** XX века и начала нового тысячелетия. Это первый поэтический свод, и сам термин «новохристианская поэзия» тоже вводится впервые. Наряду с молитвенной поэзией Серебряного века представлено более 70 поэтов русского зарубежья, выполнивших свою историческую миссию в стихах-молитвах о спасении России. Но и в самой России, как отмечает автор-составитель, в эти же трагические годы «атеистической одури» (слова митрополита Иоанна Снычёва) зарождалась новая христианская поэзия, освящённая именами священномучеников Илии (Громогласова) и Владимира Лозины-Лозинского.

В самый разгар Гражданской войны в Крыму Максимилиан Волошин запишет: «Во время Войны и Революции я знал только два круга чтения: газеты и библейских пророков. И последние были современнее первых...» Не менее характерны строки из его писем тех лет: «Наступит момент, когда ничего нельзя делать, а можно только молиться за Россию». Но стихи самого Максимилиана Волошина: «Молитва о городе», «Заклятие о Русской земле», «Заклинание от усобиц» – были далеко не единственными. В антологию вошли «Подвальные стихи», созданные в 1921 г. в Крыму одной из выдающихся поэтесс Серебряного века Аделаидой Герцык:

Лишь здесь, в могиле предрассветной,
Твой ум постиг,
Как часто пред тобой и тщетно
Вставал Мой Лик...

В 1917–1919 гг. в том же Крыму Владимир Набоков создал «ангельский цикл» стихов, а в 1920 г., уже будучи студентом Кембриджского колледжа Святой Троицы, написал стихотворение-реквием о России «Панихида».

И всё-таки первыми были молитвы не Волошина, не Герцык и не Набокова, а Марины Цветаевой из «Лебединого стана», с указанием даты создания: «4 апреля 1917, третий день Пасхи». Именно в этот пасхальный день, за год до расстрела цесаревича, появились её провидческие стихи:

За Отрока – за Голубя – за Сына,
За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!

В октябре 1917 г. в Тобольске царевнам передали столь же провидческую «Молитву» Сергея Бехтеева, в которой царская семья произносит слова своей предсмертной молитвы за десять месяцев до расстрела:

...Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый смертный час...

В 1919 г. в Ростове-на-Дону вышла поэтическая книга князя Фёдора Касаткина-Ростовского «Голгофа России», в которую вошла его «Колыбельная» и другие молитвы времён Гражданской войны. В 1922 г. в пражской газете «За свободу!» появилась «Молитва о России» Сергея Рафальского – одна из первых в русском зарубежье.

Особое место в этой трагической стихотворной летописи занимает поэтическая книга Ильи Эренбурга «Молитва о России», вышедшая в Москве в самом начале 1918 г. Позже и сам автор, судя по всему, пытался забыть свои стихи о расстреле Кремля в ноябре-декабре 1917 г., но в начале XXI века им суждено было вновь вернуться в поэзию, стать одним из свидетельств эпохи. Этим же событиям посвящены стихи Веры Меркурьевой «Пробоина – в Успенском соборе! Пробоина – в Московском Кремле!..», песня-молитва о погибших юнкерах Александра Вертинского «Я не знаю, зачем и кому это нужно...». В репертуар Вертинского входила и «Молитва за Россию» – один из самых ярких примеров именно новохристианской поэзии:

Боже Великий!
Как больно и тяжко
Край мой рыдает огнём и свинцом.
Русь ты моя! Голубая монашка!
С бледным поникшим лицом.

Вот ты лежишь на погосте, родная,
Тряпкой заткнут твой запёкшийся рот.
А по разорванной рясе, сбегая,
Алая струйка течёт...

Всё это было лишь началом невиданных испытаний. Стихи из ссылки священномученика Илии (Громогласова), соловецкая «Ранняя обедня» священномученика Владимира Лозины-Лозинского созданы в 1923–1926 гг. А через 30 лет выдающийся философ, лидер евразийства Лев Карсавин создаст предсмертный цикл сонетов-молитв в лагерной больнице на Печоре. Александр Солодовников, Даниил Андреев, Юрий Домбровский, Наталья Ануфриева и другие новохристианские поэты прошли все круги гулаговского ада.

Современница Герцык, Цветаевой, Ахматовой – поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева, принявшая в эмиграции постриг с именем мать Мария, погибла 31 марта 1945 г. в газовой камере концлагеря Равенсбрюк. В январе 2004 г. Синодом Вселенского патриархата в Константинополе мать Мария причислена к лику святых. Новохристианская поэзия русского зарубежья тоже освящена именем поэтессы-мученицы, молившейся о России:

Нашу русскую затерянность
Всё равно не потерять.
Господи, дай мне уверенность,
Что целебна благодать...

Меня в антологии ждала встреча со студенческой молодостью. В 60-е годы, во время учёбы в Новосибирской консерватории, я стал фольклористом благодаря выдающемуся собирателю и исследователю народной песенной культуры Михаилу Никифоровичу Мельникову. В эти же годы гордостью музыкального Новосибирска, да и всей Сибири, был детский хор, основанный школьным учителем музыки Алексеем Грызовым. Каково же было моё удивление, когда через полвека в антологии я вновь встретился с Грызовым, но не с дирижёром-хоровиком, а со знаменитым поэтом русского Харбина Алексеем Ачаиром, которого в 1946 г. вместе с пятнадцатью тысячами русских харбинцев депортировали в СССР. Поэт Арсений Несмелов умер в пересыльной тюрьме, а поэт Алексей Ачаир 10 лет провёл в лагерях Воркуты, но уже не под литературным псевдонимом по реке Аче и станице Ачаирской, а под своей родовой сибирской казачьей фамилией. Доброволец в пулемётной команде атамана Красильникова, участник Сибирского Ледяного похода, он возглавил в Харбине Союз русской культуры «Молодая Чураевка», выпустил пять поэтических книг под именем Алексей Ачаир – поразительных по музыкальности стихов. Одновременно со знаменитой «Парижской нотой» в русском зарубежье существовала «Харбинская нота» со стихами-пророчествами Алексея Ачаира.

Среди новых публикаций второго тома хочу особо выделить подборку стихов полкового священника Константина Образцова. В 1995 г. одна из лучших песен нашего хора на стихи поэта-священника, поэта-воина о. Константина и народную мелодию в моей обработке была утверждена Законодательным собранием как официальный гимн Краснодарского края – «Ты, Кубань, ты наша Родина». Первая публикация 1915 г. имела подзаголовок «Песня Кубанских казаков» и посвящалась «казакам 1-го Кавказского казачьего полка в память боевой их славы во вторую Великую Отечественную войну».

В антологию входит и другое стихотворение полкового священника Константина Образцова «Родная Сербия, сестра Руси Великой», которое тоже многие годы исполняется нашим хором как песня-молитва. На недавних гастролях в Сербии не только сербы, но и мы сами не могли сдержать слёз при каждом исполнении. В данном же случае очень важно, что в поэтической антологии эти стихи стоят в одном ряду с «Молитвой матери» Сергея Есенина, «Поминным причетом» Николая Клюева, «Молитвой воина» Сергея Городецкого, «Молитвой после боя» Алексея Липецкого и другими образцами подлинной поэтической патриотики тех лет, вполне сравнимой с «Певцом во стане русских воинов» Василия Жуковского и со «Священной войной» Александра Александрова на стихи Василия Лебедева-Кумача. Только Александров – последний регент хора храма Христа Спасителя, посвящённый в таинства духовных гимнов, мог создать сакральную музыку молитвы-заклинания, после которой сама война стала **священной**.

Виктор Гавриилович Захарченко

Знаменитый цикл стихов Бориса Пастернака из романа «Доктор Живаго» – это тоже новохристианская поэзия, но уже второй половины XX века. В антологии представлена как видимая, так и невидимая часть этого гигантского поэтического айсберга. В наше время потерпела крах только ложная поэзия, а истинная возрождается. Это одно из самых значительных явлений начала XXI века, новая эра в русской поэзии.

Поразительны по своей глубине стихи монаха Лазаря (Афанасьева) и других поэтов-священников: Василия Рослякова, Владимира Бороздинова, Валерия Бурдина, Владимира Гофмана, Андрея Логвинова, Анатолия Трохина, иеромонаха Романа, Сергея Круглова, Владимира Пономарёва, Владимира Нежданова. Обратите внимание на географию. В антологии представлены поэты из Читы, Владивостока, Архангельска, Мурманска, Рязани, Самары, Крыма, Брянска, Краснодара, Нижнего Новгорода, Иркутска, Тамбова, Барнаула, Орла и многих других городов России. Это совершенно новая поэтическая карта возрождающейся России.

Есть в антологии ещё одна составная, особо близкая мне как дирижёру и композитору. Это, по сути, не только поэтическая, но и музыкальная антология. В ней впервые в литературном издании молитвы великих русских поэтов, ставшие гимнами, романсами, песнями великих русских композиторов, публикуются с нотами. И не просто с нотными примерами, а с факсимильным воспроизведением первых нотных изданий. У многих дирижёров и исполнителей появилась реальная возможность обогатить свой репертуар, обратиться к уникальным, но, увы, почти неисполняемым произведениям русской молитвенной поэтической и музыкальной классики.

К известным словам Цезаря Кюи об **удвоении** силы поэзии и музыки при их соединении я бы добавил – и **утроении** при исполнении Фёдором Шаляпиным «Херувимской» или же романса Петра Чайковского на стихи Алексея Хомякова «Подвиг есть и в сраженьи...». Для меня поэзия всегда была равновелика музыке, одной из высочайших божественных тайн.

Эта поэтическая антология убедила меня в том, что мы имеем все основания говорить как о новохристианской поэзии, так и новохристианской музыке, новохристианских композиторах XX века от Рахманинова, Гречанинова до позднего Георгия Свиридова и наших современников.

Виктор ЗАХАРЧЕНКО,
народный артист России, Украины и Республики Адыгея

СКАНДАЛ

Переход Шишкина через Альпы

Еженедельному изданию трудно угнаться за информационными поводами, зато проще их анализировать задним числом. На первой полосе мы вволю поиронизировали над срочно переселившимся ради стипендии Германской службы академических обменов (DAAD) из Цюриха в Берлин Михаилом Шишкиным, отказавшимся представлять Россию на международной книжной ярмарке BookExpo America. Сам инициатор скандала с нешуточным самомнением прокомментировал своё решение на электронной скрижали: «Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям («министерство пропаганды») хотело купить меня (пригласив меня на книжную ярмарку в США...), чтобы я стал их «человеческим лицом». Я отказался, потому что я не хочу поддерживать этот режим каким бы то ни было образом».

А теперь попробуем сказать всерьёз то, о чём все целомудренно умолчали. Во-первых, мнения о демарше «гражданина кантона Ури» разделили литературную и окололитературную общественность довольно неожиданным образом. Так, например, если комментарий Эдуарда Лимонова, изящно обозвавшего «отказника» «сопротивленцем двадцать пятого часа», вполне ожидаем, то мнение Евг. Попова выходит за рамки «кружкового сознания»: «Теряюсь в догадках, отчего писателю не было стыдно посетить в прошлом году США по приглашению того самого Федерального агентства по печати, которое он теперь именует «министерством пропаганды». Тогда власть другая была, хорошая? И отчего он в позапрошлом году принял премию «Большая книга», которую, как говорят, курирует это агентство?» То есть шишкинский демарш заставил кое-кого «раньше думать о Родине», а потом о премиальных последствиях своих высказываний. Что отрадно.

Во-вторых, новый удар по печатному агентству, которое едва оправилось от участия столь нежно любимых им «немирных» литераторов в болотно-белоленточных прогулках, наводит на мысли, как раз не озвучиваемые большинством комментаторов. И здесь обнаруживается некоторое лукавство и Попова, и иже с ним. Ведь проблема совершенно не в том, что Шишкин «обидел» федеральное ведомство, которое на деньги налогоплательщиков год за годом щедро окормляет нечитабельных и не лояльных государству Российскому сочинителей, а в политике этого ведомства. Это касается в первую очередь формирования делегаций писателей, представляющих Россию на книжных форумах. Списки, о чём мы не раз писали, составляются в основном из несогласных с режимом, но горячо согласных пошиковать за его счёт. Но, может быть, власть устраивает такой инкубатор отступников? Не хочется в это верить!

Агентство по печати напоминает этакую трудколонию навыворот. Как если бы А.С. Макаренко не вправлял мозги малолетним правонарушителям, а, напротив, всячески потрафлял девиантному поведению и стимулировал неуважение к закону. А закоренелых бузотёров отправлял бы в поощрительные путешествия в ту же Швейцарскую Конфедерацию. Но ведь наши половозрелые литературные бузотёры кусанием кормящей руки отличились не вчера. Быков, Прилепин и Улицкая ещё в 2009 г. отказались участвовать во встрече с тогдашним премьер-министром В. Путиным. Но, как и Шишкин, при этом широко гуляли по миру на бюджетные деньги и проявляли редкую для взрослых людей непоследовательность. Д. Быков в 2005 г. безотказно встречался с Путиным в Елисейском дворце во время Парижской книжной ярмарки, а Прилепин ни в 2007 г. в Ново-Огарёве, ни в 2011-м в рамках съезда Российского книжного союза от свидания с первым лицом тоже почему-то не уклонился. И, заметим, никакой особенной «истины царям» ни с улыбкой, ни с фирменной мрачностью на челе никто из протестантов не говорил. Глава экспертного совета премии, известной в народе как «толстая книга», М. Бутов заклеймил ренегатов: «...молодой писатель, который бежит на встречу с президентом в нашей стране, – это, извините, онтологический нонсенс». Стало быть, как мы и думали, раздача «болотным мученикам» многомиллионных паек круто замотивирована на их отношение к действующей власти? Отчего же тогда «немирные» номинанты не ограничивают свои аппетиты частными премиями? Или приём денег из рук в руки от того же «режима», который они смачно и безнаказанно поносят на каждом углу, ни «нонсенсом», ни элементарной непорядочностью подопечными Бутова не считается?!

Но в случае Шишкина речь может пойти о сумме, много превышающей самую «Большую книгу». Всезнающий Д. Быков оперативно «слил» информацию о нобелевских амбициях своего прямого конкурента. Предположение, возможно, не лишено оснований, о чём свидетельствует яростная международная поддержка нашего забияки: «Ясная, продуманная и принципиальная позиция Михаила Шишкина подчёркивает те проблемы и выбор, с которыми сталкиваются сегодня российские писатели. International PEN заявляет о своей солидарности с его желанием увидеть «другую Россию» – ту Россию, которая будет уважать свободу самовыражения», – заявила исполнительный директор Международной ассоциации писателей Лора Мак-Вей. Мадам, по-видимому, не удосужилась «погуглить» тему и узнать, что «самовыражение» Шишкина «уважили» тремя самыми престижными российскими премиями.

Василий Суриков. «Переход Суворова через Альпы» (фрагмет).

Если и Нобелевский комитет рванёт на подмогу не раз уличённому в плагиате искусственно раскрученному автору, русской литературе придётся пережить и этот позор. Не такое переживала! Но в глубине души надеемся, что в Стокгольме адекватно оценят сей, с позволения сказать, coming out. Да, о существовании премиеобразующего писателя наконец узнало хоть какое-то количество читателей. Но «узнало» не равно «прочло».

Федеральное агентство, возможно, прислушавшись к многократной критике в «ЛГ» (см. хотя бы № 35, 2012), наконец включило в российскую делегацию на BookExpo не только замыленные фигуры тусовочного ряда, но и детских писателей, и писателей немосковских, и представителей Казахстана и Украины. Однако без привычного «джентльменского» набора снова не обошлись – и получили на свою голову Шишкина. Что ж! Рано или поздно неизменное включение в списки литераторов-смутьянов должно было сдетонировать. При всём сочувствии трудно удержаться от напоминания печатному ведомству, что в его функции входит не только «осуществление деятельности, направленной на поддержку соотечественников, живущих за рубежом». Или активно собирающихся жить ТАМ, а имена и премии получать ТУТ.

Максим МАКАРОВ

ДИСКУССИЯ: РОДНОЕ – ЧУЖОЕ – ВСЕЛЕНСКОЕ

Старик Державин их заметил

Они стоят рядом – Иосиф Бродский и Юрий Кузнецов. Это два фактических столпа русской поэзии второй половины XX столетия, два полюса, две самые цитируемые и почитаемые фигуры двух различных спектров поэтических пристрастий отечественных ценителей рифмованного слова. Как правило, если какой-то поэт внутренне для себя отторгает Бродского, то он высоко ценит Кузнецова. И наоборот. Это, возможно, чересчур обывательская и упрощённая позиция, но никуда от неё уже не денешься. Это аксиома.

Поэтические предпочтения могут быть выражены ярче или мягче, откровеннее или по касательной, но наличие поэтического противовеса с течением времени не только не исчезает, но лишь делается более характерным. Точнее и концентированнее других очевидную параллель Бродского–Кузнецова обозначил Владимир Бондаренко: «Они и родились в один год. И оба вышли, скорее, из Державина, чем из Пушкина. Один представляет более либеральную традицию русской поэзии, другой – более традиционную и консервативную, но в целом они по-своему близки друг другу».

Бондаренко отлично обозначил вектор развития и степень поэтических ожиданий поэтов от собственного ремесла. То есть вторая половина XX столетия прошла под знаком схождения с высот мировой культуры до русского национального голоса. Некий демиург, много познавший и много повидавший, несёт свой огонь в народ, просвещая и возвышая некую заведомо ниже его находящуюся массу.

Здесь они однозначно схожи, Кузнецов и Бродский. Со своими планетарностями и намеренными философскими обобщениями, где нет ни Акакиев Акакиевичей, ни станционных смотрителей в принципе. Показательно сравнение поэта и русского человека с лежачим камнем у Юрия Поликарповича:

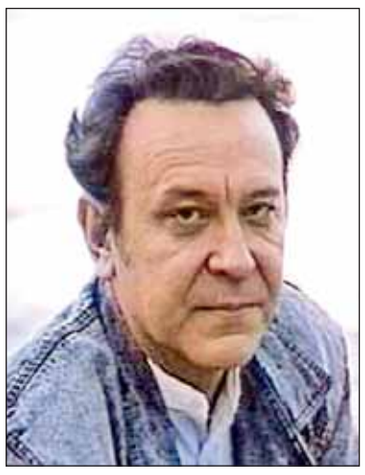
И ты, поэт, угрюм ты или весел,
И ты лежишь, о русский человек!

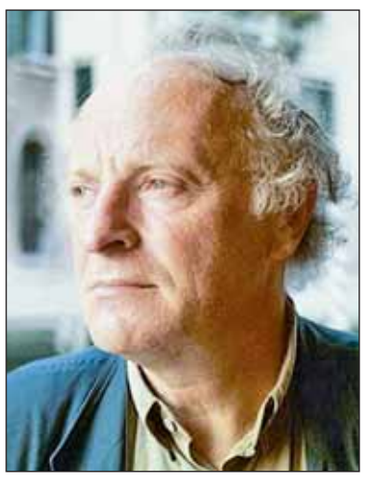
А вот уже полярная планетарность от Иосифа Александровича. Со всё тем же мотивом народной статичности, когда чётко разделены две ипостаси: творческая, созидательная, и созерцательная, пассивная. С теми же пресловутыми камнями:

Эти стихи о том, как лежат на земле камни,
простые камни, половина которых не видит солнца,
простые камни серого цвета...

На самом деле эту перекличку, философскую и семантическую, между Кузнецовым и Бродским, Бродским и Кузнецовым можно вести долго. Что совершенно излишне, благо Бондаренко прекрасно определил исходный пункт – Державин.

С одной стороны, пресыщение знаниями, совершенство, мастерство, а с другой – тайное ожидание будущего Пушкина, который бы откликнулся своей «божественной простотой» на знание демиурга-творца, оживил совершенство теории собственной ежедневной практикой. И нобелевский лауреат Бродский, и поэт-почвенник Кузнецов лучше многих других безошибочно почувствовали вот именно это ожидание грядущего Пушкина, этот разлад, часто трагический, между словом и делом, между накопленными знаниями и бытом, между душой и телом народными. Глубоко символично, что на роль столпов заката XX поэтического столетия с разных идеологических и художественных фронтов выдвинулись самые крупные свои представители, чтобы прийти на одно поле, где лежат всё те же пресловутые люди-камни.





По сути своей, вершинными проявлениями русской поэзии этого времени стали глубоко трагические концепции, несущие изначальные разрушение и хаос, смуту и разлад. У Бродского подобная интонация звучит предельно откровенно:

По выпуклости-гладкости асфальта,
по сумраку, по свету Петрограда
гони меня – любовника, страдальца,
любителя, любимчика разлада.

Но наивным было бы полагать, что стихи Юрия Кузнецова более в этом смысле оптимистичны и позитивны. Вместо индивидуалистической проповеди у него всё это оформлено лишь в более понятные почвеннику одежды и мифологемы. Взять хотя бы посвящение Юрия Поликарповича «Отцу» 1969 года, всё проникнутое болью и страхом за будущее:

– Отец! – кричу. – Ты не принёс нам счастья!.. –
Мать в ужасе мне закрывает рот.

Эффектно сказано, но фактически весьма двусмысленно. На грани инфантилизма и потребительства. В стихах словно предполагается, что отец должен обеспечивать бытие сына и своей семьи, а сын должен предоставляемые ему автоматически блага не менее автоматически потреблять.

Нечто по русской поговорке: «Отчего парень с лошади упал? Оттого, что мать криво посадила». Словно бы кривая посадка на лошадь избавляет самого парня от необходимости держаться в седле и представлять собой что-то самоценное не только в родстве с отцом и не только в качестве звена поколений. Не говорю, что разрыв поколений – это хорошо. Не говорю, что это легко. Но за констатирующей частью обязательно должна начинаться позитивная программа, то, как именно ты сам планируешь держаться в седле. Когда даже отец предал, когда нация – не такая, когда всё вокруг – не то и не так. И вот здесь начинались откровенные проблемы.

Тонким существом своей души и Кузнецов, и Бродский предчувствовали распад СССР, европейские войны, погружение советской империи в пучину феодализма, технологическое крушение общества потребления.

Неслучайным выглядит даже эпический склад речевого пространства у обоих авторов с их тяготением к поэмам, к большим формам, к непременным обобщениям. Когда даже небольшие по размерам стихи менее всего напоминают простую зарисовку или заметку, претендуя на цельный философский образ.

Поздняя советская лирика буквально сочилась этими перезрелыми соками распада. Не было веры уже не просто в идеалы, но не было также и веры в общество, в семью, в самого себя. Поздняя советская лирика разрушительна и саморазрушительна. И чем лучше, чем достойнее авторы, тем эта тенденция виделась отчётливее, откровеннее. Тем сильнее рвались нервы в строках Юрия Кузнецова, тем циничнее матерился Иосиф Бродский.

Кого мы обманываем? Хотя бы те же эпатажные строки «Я пил из черепа отца» правильно были поняты лишь близким кругом Юрия Поликарповича, теми, кто разделял его убеждения, кто разбирался в его весьма непростых художественных и эстетических поисках.

Пренебрегать возможностью диалога – значит утратить связь с улицей, как определял наречение явлений именами Маяковский. Делать вид, что диалог не нужен или не важен – потворствовать разрушению преемственности традиций и открывать дорогу в русскую поэзию разрушителям, которых гениально разоблачил Кузнецов, но не достучался до массового читателя именно потому, что из своего «генштаба» далеко не всегда считал непосредственный диалог благом.

И Кузнецов, и Бродский выглядят в исторической перспективе своего рода предвестниками Русского хаоса перестройки. Гениальные алконосты распада пропели свои печальные песни, чтобы потом, за ними, не было уже ничего, даже отдалённо напоминающего реалий СССР. Они в предельно концентрированном и незамутнённом виде явили то, что тогда же прорывалось у многих, но не было пока что оформлено столь беспощадно и бескомпромиссно.

И там, где другие пока ещё видели личные мотивы, Кузнецов с Бродским сумели увидеть планетарный хаос.

Андрей КАНАВЩИКОВ,
ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

ФОРУМ

Другая ярмарка

В Москве во Всероссийском выставочном центре с 13 по 17 марта прошла выставка «Книги России». В отличие от ММКВЯ и Non/fiction, «Книги России» имеют полное право называться «другой» ярмаркой – и по тому, чего у неё нет, и по тому, что есть только у неё. И это даёт читателю некоторое представление о реальном положении дел с книгами России.

Первое, с чем столкнулись люди, бредущие к ВВЦ сквозь промозглый, слякотный март, – труднодоступность 57-го павильона. До цели добирались самые стойкие и вдобавок те, кого книги интересовали больше, чем их авторы. Здесь почти не было трогательно-познавательных встреч с современными генералами от литературы. Не было иностранных гостей, рассуждающих о современных тенденциях и месте России в глобальном процессе. Зато здесь в кои-то веки были книги России.

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

На ярмарке non/fiction за всю российскую провинцию выступало одно владивостокское издательство «Рубеж». На мартовской выставке вдруг явились книги из Петрозаводска, Екатеринбурга, Новосибирска, Твери и Вышнего Волочка... Не все они были новинками 2011–2013 гг., зато имели достойное качество текста и оформления. Книги о деревянном зодчестве Русского Севера, подготовленные издательством ПетрГУ, великолепные книги-фотоальбомы Владимира Самуйлова о красотах озёрного края, уральские книги для детей и подростков – где ещё можно с ними познакомиться? Дело даже не в том, что их не найдёшь за пределами малой родины, – те же книги екатеринбургского издательства «Сократ», случается, увидишь и в Москве, – а в том, что без них культурный процесс России непредставим. Особенно теперь, когда межрегиональное книжное движение затруднено, а тиражи столичных и провинциальных издательств малоразличны. Тут – тысяча, там – полтысячи, или, если речь о художественной литературе, тут – три тысячи, там – одна... право же, разница совсем не принципиальная. Однако столичные издательства получают фору уже в силу своего местоположения, и на более пафосных ярмарках можно подумать, что картина ими исчерпывается. Между тем это неверное представление, и даже такие книги, как «Вышневолоцкий уезд Тверской губернии в Отечественной войне 1812 года», – это книги вовсе не об истории Тверской губернии, а об истории страны. А уж природные и архитектурные красоты России – прежде чем ждать, пока они будут по достоинству оценены иностранцами, – стоит открыть для себя самим русским. И хотя в последнее время есть всплеск интереса к экзотике, вроде Камчатки, работы в этом направлении – непочатый край.

Белорусский стенд представил широкий книжный ряд, начиная от проходной литературы типа «знаменитые белорусы в Москве» и заканчивая весьма интересным этнографическим альбомом «Белорусы в фотографиях Исаака Сербова 1911–1912 гг.» и сборниками исторических документов.

Стоит отметить стенд скоропечатни «Мамонт», занимающейся исключительно репринтными изданиями в простых бумажных обложках (потому и «скоропечатня»). Глаза разбегаются от пестроты бытовой истории, явленной потомкам без посредников: поваренные книги и швейные руководства XIX века, дореволюционные письмовники и советы молодым супругам, пособия вроде «Велосипед и здоровье женщины», а также серьёзные справочные издания – «Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей» 1884 года, «Сборник сведений о Кавказе» 1871 года, «Финансы России XIX столетия»... Как видно, репринт вообще пользуется успехом у людей «цифровой эры»: одним из мест, где всегда находились покупатели, был стенд старомодных поздравительных открыток с пухлощёкими кудрявыми детьми и статными женщинами с благородной осанкой.

Хоть билет на выставку стоил недорого (60–100 рублей), она бы ещё более выиграла, если б вход был свободным. Тем более что шли сюда сквозь снегопад люди явно не за тем, чтобы задать вопрос публичным персонам, а – за книгами. Их и в самом деле можно было найти на 50–100 рублей дешевле, на стендах некоторых издательств были распродажи. Но хотелось бы, чтоб между книгами и читателями России было меньше преград.

Татьяна ШАБАЕВА

ЮБИЛЯЦИЯ

Родство по слову

Александру Городницкому – 80!

Его научные регалии можно перечислять долго. Доктор геолого-минералогических наук, океанолог, академик РАН, автор статей в журналах. Но Александр Городницкий воспринимается прежде всего как поэт. Один из основоположников явления, которое называется авторской песней. И в этом он, что называется, сам виноват. Потому что, несмотря на все научные заслуги, на более 130 научных работ, как иначе воспринимать классика жанра, автора «Атлантов», «Перекатов», «От злой тоски не матерись...», «Донского монастыря» и многого другого, буквально пошедшего в народ? Песню эту, авторскую, бардовскую, как ни назови, исполняемую «человеком с гитарой в руках», Городницкий, хотя гитарой так, кажется, и не овладел, считает явлением национальным, русским: «...несмотря на обилие различных корней у авторской песни (и цыганщина, и городской романс), всё-таки главный корень – русский фольклорный».

Городницкий – выходец из легендарной литературной студии питерского поэта и учителя поэтов Глеба Семёнова. Рядом с ним среди студийцев присутствовал и его друг и тёзка Александр Кушнер. Который, кстати, бардов не жалует, полагая, что вся музыка уже «записана» в стихах и ни в каких дополнительных аранжировках не нуждается. Собственно, это и есть полюса современной поэзии. Барды выбрали такой средневековый вариант публичности – пропевание стихов вслух перед большой аудиторией. В давнем интервью Татьяне Бек Александр Моисеевич говорил о своём отношении к постмодернизму: «...там всё держится на приёме. А я считаю, что приём в литературе вовсе недостаточен. Все футуристы – это Маяковский. Все имажинисты – это Есенин... Существует не приём, а реализованный поэт, как правило, один. Хвалить метод или систему нельзя. Речь может идти только о талантливой реализации...» А между тем президент Ассоциации российских бардов (АРБА) Городницкий предтечей русского постмодернизма считает... Высоцкого. А значит, в какой-то степени и себя: ведь именно на приёме – сочетании достаточно сложного текста с простым, если не примитивным, аккомпанементом, на личном, сиюминутном общении с автором бардовская песня и держится. Но гений, как известно, «парадоксов друг», а потому не станем искать здесь противоречий.

Парадоксов в жизни Городницкого предостаточно. Он «в геологи пошёл», потому что институт находился близко от ленинградской квартиры его родителей и потому что там была очень красивая форма с погончиками. Но чтобы стать студентом, золотому медалисту, освобождённому от экзаменов, зачем-то надо было прыгнуть с трёхметровой вышки в воду. Плавать Алик Городницкий не умел, на доске оступился и в воду просто упал. Но – выплыл. И потом избороздил моря и океаны в многочисленных экспедициях.

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

Поэт профессии и званий не имеет. И все на свете лауреатства, медали и атласные ленты через плечо меркнут перед хореической строкой этих имени и фамилии – Александр Городницкий.

Виктор ГУРИН

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТПРЕМИИ

Жюри Международной литературной премии имени великого сказочника П.П. Ершова подвело итоги очередного конкурса. В номинации «Лучшая сказка» победителем стала **Тамара Ломбина** (Сыктывкар) за рукопись книги сказок «Северные бирюльки» и книгу «Я дарю вам руку, сердце и веник из мимоз». В номинации «Лучшие стихи или проза для детей и юношества» победил **Юрий Баранов** (село Пивовариха Иркутской обл.) за книгу прозы «Иркутский драгун Лёшка, или Тайна Наполеона». В номинации «Выбор мецената» победил оригинал-макет книги **Веры Лавриной** (Кемерово) «История Сибири для детей». В номинации «Лучший дизайн и оформление детской книги» победителем стало издательство **«КомпасГид»** (Москва), представившее серию своих книг. Дипломы конкурса присуждены **Татьяне Дашкевич** (Минск), **Анне Никольской** (Лондон), **Надежде Крюковой** (Тобольск), **Ефиму Гаммеру** (Иерусалим), **Мише Быкову** (Тобольск), творческому коллективу мультимедийного **проекта «Жужа»** (Москва), **Юрию Чернову** (Дмитров, Московская область).

Премию Ивана Петровича Белкина в этом сезоне получила повесть Ирины Поволоцкой «Пациент и гомеопат».

Владимир Маканин первым из русских писателей награждён Европейской литературной премией. Эта почётная награда ему вручена в Страсбурге в рамках фестиваля Translate Europe.

ЛИТЮБИЛЕЙ

Приморский прозаик Тамара Алёшина встречает славный юбилей – 70-летие. Первую её книгу «Жизнь удалась!» напечатали в цехе одного из военно-морских заводов Владивостока тиражом 100 экз. Затем последовали «Несекретная жизнь» и «От Рязани до Гонконга». После плаваний по просторам Тихого океана юбилярша 17 лет трудилась художником на Приморском ТВ и книги свои оформляет сама. На презентации соратники и читатели были единодушны: это лучшая проза Дальнего Востока. От души поздравляем талантливую писательницу!

В Новосибирском Академгородке широко отметили юбилей известного журналиста и писателя Замиры Ибрагимовой, многолетнего собственного корреспондента «ЛГ» по Сибири. Её многочисленные статьи и книги, связанные с проблемами и людьми науки, развитием огромного региона, всегда вызывают читательский интерес, внимание властей, учёных и специалистов. В последнее время Замира Мирзовна также преподаёт на факультете журналистики Новосибирского госуниверситета. Она награждена почётным знаком «Достояние Сибири», удостоена литературной премии имени Гарина-Михайловского, её портрет представлен в «Галерее выдающихся новосибирцев». Поздравляем!

ЛИТМУЗЕЙ

Правительство Архангельской области разработало образовательный, культурный и туристический проект, посвящённый периоду жизни поэта Иосифа Бродского в ссылке в деревне Норинская. В деревне сохранился дом, где жил Бродский во время ссылки. Пресс-конференция губернатора Архангельской области Игоря Орлова, посвящённая сохранению наследия Иосифа Бродского в северном крае, прошла в Санкт-Петербурге. На пресс-конференции были представлены фотографии дома, где Бродский жил во время ссылки, свидетельства северян, живших рядом с поэтом в те годы. По окончании пресс-конференции состоялась презентация книги о норинском периоде в жизни и творчестве Бродского.

ЛИТФЕСТИВАЛЬ

В Пензенской областной библиотеке для детей и юношества проходит традиционный фестиваль «Добрый мир любимых книг». За время фестиваля школьники и воспитанники детских садов смогут принять участие в литературных викторинах и играх, совершить виртуальные путешествия по произведениям Р. Киплинга, П. Бажова, А. Милна, братьев Гримм и Л. Кэрролла, побывать в стране фантазий Д. Родари и в гостях у дедушки Корнея. Специальная программа подготовлена и для старшеклассников: для них проведут литературно-музыкальные и тематические вечера, посвящённые творчеству А. Блока и М. Цветаевой.

ЛИТПРЕЗЕНТАЦИЯ

В Белгороде прошла презентация уже пятого номера литературно-художественного и публицистического альманаха «Белые кручи». Его издаёт региональный общественный фонд «Развитие». В новом номере выступает много молодых авторов, в том числе и участников литературных объединений: «Современник» (г. Белгород), «РОСА» и «Созвучие» (г. Старый Оскол), «Апокриф» (г. Бирюч), «Радуница» (г. Новый Оскол).

ЛИТУТРАТА

Ушёл из жизни писатель-фронтовик, почётный гражданин Красноярска Анатолий Чмыхало. Выражаем соболезнования родным и землякам.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный Дом литераторов
Большой зал
21 марта – Всемирный день поэзии, вручение премий «Поэт года» и «Писатель года», начало в **19.00.**
26 марта – Пушкинская гостиная. Памятные даты. «Евгений Онегин», начало в **18.30.**
Малый зал
21 марта – Союз писателей Москвы. К 100-летию со дня рождения Ярослава Смелякова. «Нам время даётся не даром...», вечер ведёт Евгений Сидоров, начало в **18.30.**
22 марта – к 400-летию Дома Романовых. Литературный вечер, посвящённый цесаревичу Алексею с представлением книги Ирины Ордынской «Отречение», начало в **18.30.**
23 марта – заседание Клуба любителей фантастики, ведёт Юрий Никитин, начало в **17.00.**
25 марта – творческий вечер Евы Злотогоровой, начало в **18.30.**
26 марта – презентация литературного альманаха «ЛитЭра» № 7, итогового сборника четвёртого фестиваля «Славянские традиции – 2012», ведущая – Ирина Силецкая, начало в **18.30.**

Площадка «Русского журнала» и «Гефтер.ру»
Малый Гнездниковский, 9/8, стр. 3а
26 марта – встреча с Ольгой Седаковой – к выходу книги «Три путешествия», начало в **19.00.**

ТД «Библио-Глобус»
Мясницкая, 6/3, стр. 1
21 марта – Ирина Роднина представит свою книгу «Слеза чемпионки», начало в **19.00.**

Арт-клуб «Дача на Покровке»
Покровский бульвар, 18
25 марта – вечер поэтов-лауреатов литературных премий 2012 года. Часть 1, участвуют Максим Амелин, Мария Галина, Владимир Салимон, Мария Степанова и др., начало в **19.00**.

Кафе-клуб «Улица ОГИ»
Петровка, 26, стр. 8
26 марта – вечер поэтов-лауреатов литературных премий 2012 года. Часть 2, участвуют Александр Курбатов, Андрей Родионов, Егор Сальников, Александр Тимофеевский и др., начало в **19.00.**

Библиотека-читальня
им. И.С. Тургенева
Бобров пер., 6, стр. 1
22 марта – презентация книги Александра Дорофеева «Божий узел» и закрытие выставки иллюстраций Евгения Подколзина «Книжное...», ведущий – Юрий Нечипоренко, начало в **18.30.**

При поддержке
ОАО НК «Роснефть»

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, № 12 (6408)
20–26 марта 2013 г.

ПОЭЗИЯ

Бесшумные зарницы

Галина ИЛЮХИНА

Автор книг стихов «Пешеходная зона» (СПб., 2006) и «Ближний свет» (СПб., 2010).

Редактор ЛИТО «Питер», автор и куратор литературных проектов «Город мастеров», «Невская перспектива», «Петербургские мосты» и др.

Я НЕ СТАНУ

Я не стану сердиться, когда ты мне скажешь: «Всё.
Не сложилось, прости, бла-бла-бла, ухожу к другой».
Я не стану кидать в тебя томик стихов Басё,
истерично ругаться и топать в сердцах ногой.
Я не стану заламывать тонких изящных рук
(потому что не тонкие – раз, не умею – два),
и не стану сквозь слёзы шептать, что пойду умру –
например, утоплюсь – за углом, мол, река-Нева.
И на пыльное фото не стану кивать – гляди! –
мол, пошто ты, мерзавец, сгубил красоту мою!
Я спокойна, поверь – ты не сможешь вот так уйти.
Не успеешь. Поскольку я сразу тебя убью.

КОМАРОВСКИЙ ДЕКАДАНС

1.
Белобрысей ли прочих, пейсатей ли –
все уравнены в птичьих правах.
Комаровский заказник писателей
ностальгичным застоем пропах:
антикварные шляпы, беретики,
нафталиновых шалей крыла,
сплетни в духе писательской этики –
с кем NN в прошлом веке спала,
кем земля тут распродана-куплена,
сколько даст на поминки литфонд…
Шелестя по беседке облупленной,
грозовой надвигается фронт.
Замелькают фигурки нелепые,
укрываясь в замшелом дому,
где давно нет ни зрелищ, ни хлеба им,
кроме жидкой подкормки уму.
Нет на свете печальнее повести,
чем заглохшие втуне сады.
На скамейке подгузником совести
мокнет номер погасшей «Звезды».

2.
Здесь во всём Комарове самый гнилой забор,
и застойное семя цветёт лебедой-травой,
но по-прежнему твёрдо могучий сосновый бор
упирается в небо седеющей головой.
Подорожник толпится на стыках бетонных плит,
встав на цыпочки, ирис оглядывает бурьян.
Здесь тверёзый завидует тем, кто напился пьян,
чтоб не чуять, как слева сжимается и болит.

Чтобы навзничь упасть, расшибаясь о корни в кровь,
подле вишни, что сохнет, мозолиста и нага,
и бессмысленным взором уткнуться в небесный кров –
жемчуга и алмазы, алмазы и жемчуга.

3.
Куда бы нынче ни брели вы
в осенней хмари Комарова –
здесь всё кончается заливом,
где пахнут тиной валуны,

где с колокольчиком тоскливым
ходила по цепи корова,
священна и неприхотлива,
вдоль мелкой пенистой волны.

Ни Канта, ни императива.
Её скелет известняковый
всё лижут языки залива
под звон бубенчика луны.

А ветер носит сиротливо
никем не слышимое слово…
Любите нас, пока мы живы,
не лживы и не холодны.

* * *

Н. и С.

Ночь была удушливая, сырая,
головокружительно пахло мятой,
тенькал дождик по козырьку сарая,
мир был тёмен, словно в ладонях спрятан.

И, себя обманывая затишьем,
мы в молчанье тесно вжимались вместе.
Гром катался глухо по низким крышам –
не гроза ещё, но её предвестье.

В закопчённой лампе, почти живое,
язычком тянулось, дрожало пламя.
Нам досталось всякого и с лихвою,
так ещё и это случилось с нами.

Слишком жарким нынче случилось лето,
чумовым, сбивающим с панталыку.
Наливались ягодки бересклета,
из цветочков вызрело волчье лыко.

Для чего? Наверное, для чего-то.
И бесшумно вспыхивали зарницы,
будто кто-то сверху снимал на фото
всё, что должно в памяти сохраниться.

Альберт БАГАУТДИНОВ

АНОНСЫ И СОБЫТИЯ

РУССКИЙ МУЗЕЙ, которому в эти дни исполняется 115 лет, по-прежнему не избегает сложных тем отечественной культуры. В корпусе Бенуа с большим успехом прошла выставка «Без барьеров. Российское искусство 1985–2000». На ней были представлены почти все виды и жанры «изо в отсутствие Наркомпроса»: от религиозных сюжетов у столпа академизма Евсея Моисеенко до постмодернизма Тимура Новикова, от позднего советского реализма до неоавангарда. Сергей Бугаев «Африка» с его инфантильным иронизмом соседствовал с мощным «левым МОСХом» – Татьяной Назаренко, Ольгой Булгаковой, Натальей Нестеровой; неокубистическая скульптура В. Сидура и Л. Сморгона – с деревянными фигурами, напоминающими пермских «богов» Бориса Сергеева и Гели Писаревой. Эклектика и фантасмагория этого периода поражали диапазоном – гигантская модель памятника Петру I Зураба Церетели уживалась с «маленькими человечками» Гриши Брускина – советскими антропоморфными роботами, обвешанными моделями танков и самолётов, с флагами и звёздами в руках. На мониторах хроника текущих событий времён Андропова и Черненко сменялась калейдоскопом шумных съездов, аварий и национальных катастроф. Поучительный телеряд на фоне истинных раздумий или ёрничества «мастеров искусств».

ЭРМИТАЖ продолжает временные, но долгодлящиеся выставки, в том числе и очень необычная: «Развёрнутые с валов. Программа реставрации крупноформатной живописи». На ней впервые демонстрируются снятые со специальных устройств – так называемых валов (на которые они были «намотаны» для лучшей сохранности) и отреставрированные с использованием новых технологий произведения. Это парные портреты братьев Орловых, сыгравших особую роль в истории екатерининского царствования, представленных как участники популярного тогда представления – «конной карусели» – кисти датского художника В. Эриксена, а также картина «Покаяние» Ф. Овербека. Три огромных полотна удостоились чести быть показанными отдельно не только из-за их размеров, но и потому, что с ними были произведены уникальные по характеру и масштабам реставрационные работы.

Продолжаются и музейные торжества во славу 1812 года: до 7 апреля можно посмотреть батальные картины немецкого живописца Питера Хесса, в своё время приглашённого Николаем I и делавшего зарисовки на местах былых сражений, а также боевые русские и трофейные знамёна, русские ордена и мундиры, русское и французское оружие – даже пленённый маршальский жезл Даву. Всё это воинское наследие из фондов Эрмитажа представлено на выставке «Гроза двенадцатого года...». А в Арапском зале главного музея страны посетители могут полюбоваться выставкой оловянных солдатиков.

МАРИИНСКИЙ ТЕАТР, проведя традиционные фестивали балета и масленичных спектаклей, продолжает радовать петербуржцев и гостей города разнообразием репертуара. Звезда петербургского балета Ульяна Лопаткина пролетит над сценой в партии Титании из «Сна в летнюю ночь» 21 марта. Она же вместе с блистательной Екатериной Кондауровой выступит 26 марта в прославленных балетах «Симфония до мажор» и «Кармен-сюита».

В ТЕАТРЕ «РУССКАЯ АНТРЕПРИЗА» имени А. МИРОНОВА прошла III торжественная церемония вручения Российской национальной актёрской премии имени Андрея Миронова «Фигаро», которая появилась три года назад в день 70-летия знаменитого актёра. Среди награждённых знаменитостей (Эмир Кустурица, Валерий Фокин, Олег Табаков, Светлана Немоляева и другие) и петербургский режиссёр, худрук Малого драматического театра Лев Додин – он удостоен премии в необычной номинации: «За служение русскому репертуарному театру».

Своё десятилетие ярким концертом на сцене концертного зала «Карнавал» отметил один из самых интересных детских хореографических коллективов Петербурга – ансамбль «Невская акварель», с успехом гастролирующий по многим европейским странам.

Невосполнимой утратой можно назвать кончину на 76-м году жизни известной советской певицы Марии Пахоменко, прославившейся исполнением многих популярных песен, в том числе – написанных её мужем, композитором Александром Колкером.

Обзор подготовила **Мария ФОМИНА**

В НАШЕМ ДОМЕ

Не всё у нас плохо

М.САДЧИКОВ-мл.

В Санкт-Петербурге на ул. Звенигородской уже пятый год работает государственное казённое учреждение «Дом писателей». Предлагаем вниманию читателей беседу нашего корреспондента с его директором Владимиром МАЛЫШЕВЫМ.

– Не сочтите за умышленную тавтологию, но мне никогда не приходилось брать интервью у писателя в «Доме писателей». Можно узнать хотя бы фрагменты вашей творческой биографии?

– Нужно быть достаточно отважным человеком, чтобы в таком городе, как Петербург, называть себя писателем. Скорее, я журналист. Окончил филологический факультет университета, работал в ТАСС. Это было, по сути дела, министерство информации с гигантской заграничной корреспондентской сетью. Начинал корреспондентом программы «Время», потом был заведующим отделением за границей, работал в центральном аппарате ТАСС. И опять за границу – в Грецию.

Издал несколько книг – в Москве и в странах пребывания. Когда работал в Италии, там случился скандал с масонской ложей П-2 – я написал об этом небольшую книжицу, она легла в основу сценария художественного фильма «Тайна виллы Грета» – это был первый в СССР фильм о масонах, снятый на киностудии «Мосфильм».

Работая в Греции, издавал несколько газет, некоторые из них выходят и по сей день. Принимал участие в создании общеевропейской русскоязычной газеты на базе парижской «Русской мысли». Проект просуществовал несколько лет.

Вернулся домой, работал главным редактором газеты правительства Петербурга и параллельно писал очерки о городе. Так родилась книга «Петербургские тайны» – это короткие очерки об интересных людях. И вот я здесь, перед вами – теперь ещё и директор.

– А скажите как директор: выполняет ли «Дом писателей» объединяющую функцию?

– Будет странно, если «Дом писателей» начнёт выполнять противоположную функцию. Он – структура государственная, его суть и смысл именно в объединении, и роль директора может быть только объединяющей. «Дом писателей» должен помогать писателям в издании их книг, содействовать распространению печатной продукции; это их дом, где они могут встретиться, провести литературные мероприятия и, если угодно, – посмотреть друг другу в глаза.

Естественно, что разделившиеся в своё время союзы писателей не сразу станут единым целым, но проживание творческих людей под одной крышей уже вселяет оптимизм. Думаю, неслучайно известный романист Илья Штемлер недавно сказал, что считает себя членом единого союза писателей. Мы все живём в одном городе, сталкиваемся с одними и теми же проблемами, и, чем раньше былые разногласия канут в Лету, тем будет лучше для всех. Голос единого союза писателей всегда будет слышнее, чем любая разноголосица.

– В прошлом году правительство Санкт-Петербурга выделило значительные средства на книгоиздание. «Дом писателей» был включён в этот процесс?

– Город уже много лет выделяет средства на книгоиздание. Но раньше субсидии выдавались издательствам, а теперь они выдаются некоммерческим организациям, к числу которых относятся и наши СП. В прошлом году нам удалось издать более 70 книг. И это замечательно. Вышли книги писателей, для которых в последние годы издание было несбыточной мечтой. При этом сами союзы писателей составляли списки предлагаемых к изданию книг, им никто не диктовал. Заявки принимал издательский совет, был проведён конкурс, и книги пришли к читателям. При этом «Дом писателей» осуществлял организационную поддержку издательского проекта, поскольку субсидии были выделены в конце года и пришлось торопиться.

– Хочется верить в то, что это была не разовая акция.

– В этом году правительство города выделяет на книгоиздание около 30 миллионов рублей. Конкурс проведён раньше, и можно работать спокойно.

– Вы много лет прожили в отрыве от России. Какой вам видится нынешняя страна?

– В отличие от многих воспевателей жизни на Западе я четверть века прожил за границей и могу сказать: мы живём не хуже, чем они. Мы себя просто недооцениваем. А во многом живём лучше. Я нигде так не мёрз, как в тёплых Италии и Греции. Там экономят буквально на всём, а после оплаты всех счетов чешут затылки. Так что всё познаётся в сравнении. Надеюсь, в нашем доме писателям всегда будет тепло и уютно!

Беседу вёл
Владимир КАМЫШЕВ

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Как это делается в Китае

В ЦСЛК состоялся вечер современной китайской литературы, организованный в содружестве с Институтом Конфуция, восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета и консульством КНР в Санкт-Петербурге.

Как выразился доцент кафедры китайской филологии Алексей Родионов, открывший вечер, наш быт наполнен китайскими товарами, но мы плохо представляем, чем живут и о чём мечтают жители огромной страны. На сегодняшний день в Китае около 10 млн. писателей – публикующихся и состоящих в различных союзах писателей – начиная с уездных. В главном, или «большом», Союзе китайских писателей состоит 9200 членов. Из них 170 наиболее заслуженных писателей получают ежемесячную дотацию. В книжных магазинах, которые напоминают гибрид читального зала и базара, люди могут просто сидеть на полу и читать книги – легко найти и произведения классиков «китайского соцреализма», писавших о революционных походах, и современных фантастов, которые нисколько не страдают от отсутствия государственной опеки и плывут своим курсом. Например, тридцатилетний мастер китайского фэнтези Го Цзинмин за последний год заработал изданиями своих книг, вышедших огромными тиражами, 25 млн. юаней, или 125 млн. рублей.

О творчестве Мо Яня, лауреата Нобелевской премии 2012 года, рассказал переводчик его книг «Страна вина» и «Большая грудь, широкий зад» Игорь Егоров. Он же, делая обзор основных тем, волнующих китайских читателей, остановился на двух популярных жанрах – исповеди коррупционеров (условно назвав их «Как это делается в Китае») и практических советах по выживанию в больших офисных коллективах.

Определённый интерес к современной китайской прозе проявил писатель и главный редактор «Роман-газеты», лауреат премии Дельвига Юрий Козлов, выступивший на встрече. Поэт и литературный критик Алексей Филимонов рассказал о своём опыте перевода китайских авторов.

В вечере приняли участие консул по культуре госпожа Би Липин, директор Института Конфуция госпожа Ван Тун, зав. кафедрой китайской филологии восточного факультета, профессор А.Г. Сторожук и студенты восточного факультета.

Вечер закончился китайскими чайными церемониями на русский манер.

Д.К.

ЛИТХРОНИКА

■ В Петербурге прошли первые Розановские чтения: «Текст В.В. Розанова в пространстве рефлексии: топология и феноменология ландшафта». С докладами и сообщениями выступили философы, писатели и аспиранты из разных городов России. На чтениях было объявлено о создании в Санкт-Петербурге Розановского общества.

■ Исполнилось три года «Театру рассказа Волга-Волга» – любительскому коллективу, труппа которого насчитывает 40 человек. Большую часть его репертуара занимают сценические пересказы произведений современных петербургских прозаиков – А. Образцова, Н. Коняева, А. Скокова и многих других. Весёлые и грустные житейские истории, рассказанные со сцены «простыми людьми», напоминают телевизионные репортажи с места событий или съёмки скрытой камерой. Театр с успехом выступает на любых, практически не оборудованных площадках города.

■ Прошёл творческий вечер писателя, спортсмена и рок-музыканта Владимира Рекшана. Человек-легенда – член молодёжной сборной СССР по лёгкой атлетике, основатель рок-группы «Санкт-Петербург» и автор многочисленных повестей и романов – представил свою последнюю книгу «Поиски прошедшего времени» – о великом тренере М.И. Алексееве, воспитавшем целую плеяду советских легкоатлетов – мировых рекордсменов и олимпийских чемпионов.

■ В Белом зале ЦСЛК состоялся один из премьерных показов документального фильма «Ленинградка» о судьбе и творчестве Ольги Берггольц. Режиссёр Людмила Шахт представила картину и рассказала о трудностях, с которыми она столкнулась при поиске материалов к фильму. «Ленинградка» – первая часть документальной трилогии, в которой показаны события довоенных лет. В настоящее время на киностудии «Леннаучфильм» идёт работа над второй частью картины – «Жестокий расцвет».

■ Продолжается приём работ на литературный конкурс «Неизвестный Петербург», объявленный городским правительством в связи с 310-летием города. К рассмотрению принимаются художественные и документальные произведения объёмом не более пяти страниц печатного текста, раскрывающие малоизвестные исторические факты из жизни города и горожан, а также яркие страницы из биографий петербуржцев и краеведческие исследования. Работы принимаются по электронной почте: 310@spbdnevnik.ru .
Победителей конкурса назовут к дню рождения города, их ждут денежные призы и участие в телевизионных программах.

Дмитрий КАРАЛИС – руководитель проекта, Мария ФОМИНА – искусство, Владимир ШЕМШУЧЕНКО – поэзия

ПЯТИКНИЖИЕ

Инна Кабыш. **Мама мыла раму**. – М.: Время, 2013. – 208 с. – (Серия «Поэтическая библиотека»). – 1000 экз.

Инна Кабыш – поэт, которого не надо представлять читателю. Одна из немногих современных поэтов, расхватанная на цитаты и узнаваемая по первой строчке: «Кто варит варенье в июле». Игорь Волгин, внимательно следящий за своими учениками, пишет: «В стихах Инны Кабыш нет ничего дамского, даже если иметь в виду не расхожий – гламурный – смысл, а понятие, запечатлённое в высоком названии ранней блоковской книги. С другой стороны, героиня вроде бы не рвётся останавливать коней на скаку или входить в горящие избы. Хотя, как с горечью сказано в песне о погибших десантниках, – *«в жизни есть место подвигу, / слишком много есть мест»*. Помнится, Веничка Ерофеев в качестве идеала противополагал навязываемым сверху подвигам «всеобщее малодушие». У Кабыш другое: не столько «вечно женственное», сколько «женское, слишком женское». Поэтому она говорит с Родиной на равных – как, пожалуй, не смел бы разговаривать мужчина, но как одна мать может обратиться к другой: *«Россия, береги своих детей, / не то одна останешься на свете»*.

Уилфред Оуэн. **Поэмы**: Сборник стихотворений / Перевод Е.В. Лукина. – СПб.: Издательство «Сезам-Принт», 2012. – 112 с. – 1000 экз.

18 марта исполнилось 120 лет со дня рождения Уилфреда Оуэна (1893–1918) – поистине народного поэта Англии. К этой дате в Петербурге вышел первый полный стихотворный сборник поэта в переводе Евгения Лукина. При жизни Уилфред Оуэн был практически неизвестен. После его гибели товарищ собрал стихи, написанные в окопах Первой мировой, и в 1920 году выпустил сборник «Поэмы», который принёс поэту мировую славу. Сегодня на Западе творчество Уилфреда Оуэна изучают в школах и университетах. Композиторы пишут музыку. Журналисты цитируют стихи, ведя репортажи из горячих точек. С выходом сборника «Поэмы» на русском языке наследие замечательного английского поэта станет известно неравнодушному российскому читателю.

Молча придут они с разных сторон
На запасные пути,
Где дожидается их эшелон.
В каждой петлице белеет бутон,
Будто погост впереди.

Смотрит охрана на хмурый поток.
Нищий вздыхает старик,
Что прозевал Христа ради кусок…
В небе раздастся прощальный гудок,
Лампой взмахнёт проводник.

Сергей Сутулов-Катеринич. **Ореховка. До востребования:** Избранное 1971–2012. – М.: Вест-Консалтинг, 2012. – 252 с. – 500 экз.

«Незамеченный герой постаксёновский» – так называет своего лирического героя Сергей Сутулов-Катеринич. А среди поэтов он известен как редактор международного поэтического альманаха «45-я параллель». Послесловие к книге написал недавно ушедший выдающийся поэт Михаил Анищенко. И это говорит о многом. «Трудно подобрать слова, чтобы выразить ощущения от чтения этих стихотворений вслух. Такое удивительное чувство слова – дар Божий, ибо его невозможно освоить и подчинить себе. Этот дар – как крест, который Сергею дано нести через пески почти безлюдной пустыни, ибо такой поэт обречён на любовь немногих – тех, кто любит не поэзию вообще, а именно такую поэзию». А Юрием Беликовым Катеринич, один из ярких авторов беликовского проекта «Дикороссы», назван «испанским быком русской поэзии». Поэт озабочен возрождением дома и обживанием Света – пожизненным обретением Родины:

Возрождаем дом, разругавшись в дым, –
Тарантелла слов, карнавал планет…
За твоим плечом – навсегда родным! –
Лабиринт обид и планета Свет…

Юлия Золоткова. **Разгибая пальцы** / Предисл. Д. Григорьева. – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2012. – 66 с. – 500 экз.

Книга стихов Юлии Золотковой «Разгибая пальцы» – вторая книга автора. Книгу можно разделить на два раздела. Стихи первой части повествуют о предельном отчуждении человека в условиях современного мира. Это стихи вызова, протеста, обвинения, боли. Другая часть стихотворений – о преодолении этого отчуждения. Боль мира остаётся, но появляется надежда. Автор находит то светлое, ради чего стоит жить. Это стихи о любви, маме, друзьях, детях, путешествиях, свободе. Книга лирических стихотворений выражает духовный путь автора, это книга личностного роста человека в условиях современной жизни, книга экзистенциального познания, борьбы с «бессознательного мрачной природой». И если тёмное и безнадёжное сомкнуло пальцы на горле, светлое и прекрасное непременно их разогнёт, разожмёт обруч боли:

Вот и всё. И уж дышать свежее,
разгибая пальцы у тоски.
Встреченные странно хорошеют,
мягко шарфик треплется на шее.
И стучат всё легче башмачки.

Олег Дозморов. **Смотреть на бегемота**. – М.: Воймега, 2012. – 104 с. – 500 экз.

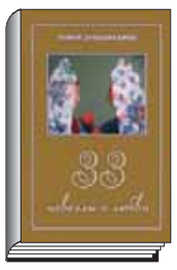
Четвёртая, но впервые полно представляющая творчество поэта книга Олега Дозморова.

Учись и стань совсем другим,
чужим, ненужным и безвестным,
как эти тучи – серым в дым.
Естественным, неинтересным.

Почему уральский поэт, живущий в Англии, ставит перед собой такие необычные для поэта цели? Очевидно потому, что поэзия сегодня уходит в «творческое поведение», перформансы и инсталляции, всё больше отдаляясь от собственно поэтических задач. Дозморов дружил с Борисом Рыжим, который посвятил другу несколько прекрасных стихотворений («Над головой облака Петербурга...», «Не жалей о прошлом, будь что было...», «Мы здорово отстали от полка...»). В 40-й главе библейской Книги Иова говорится об огромном существе – так называемом бегемоте: «Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя». Толковать название книги можно поразному. В книге Иова бегемот описан как животное, символизирующее потребность человека в помощи свыше для преодоления собственной жестокости.

КНИЖНЫЙ РЯД

Небесные тропы



Тимур Зульфикаров. **33 новеллы о любви**. – Душанбе: ЭР-граф, 2012. – 352 с. – 1500 экз.

Новая книга Тимура Зульфикарова «Новеллы о любви» объединяет его сочинения о любви, написанные в течение полувека. Профессор Артём Таласов, который написал предисловие к собранию своеобразных философских, поэтических, притчевых произведений Тимура Зульфикарова, отмечает, что сам автор «называет их «Мои тёмные аллеи». Я бы назвал – «Небесными тропами». По словам профессора Таласова, который обращается к недавно изданному семитомнику поэта (а прозаиком назвать Зульфикарова просто нельзя, даже когда он пишет прозу!), *«Семигорбый Верблюд Поэзии явился в нашей пустыне… Семь томов поэзии и мудрости, семь амфор с древним божественным Вином Поэзии одиноко укоризненно лежат на полках магазинов… Ах, родной Читатель!.. Где ты?..»*

В творениях Тимура Зульфикарова постоянно присутствует обращение к божественному, к непознанному, но необходимому в жизни каждого человека.

Чтение зульфикаровских книг – это нелёгкий труд сопереживания, постижения глубокого и таинственного мира любви, вечности, философии. Не зря один из любимых героев автора – это легендарный Ходжа Насреддин. У этого легендарного суфия есть своего рода двойник – это Ходжа Зульфикар.

Творчество Тимура Зульфикарова отличают оригинальные приёмы поэтической речи, в том числе эмоциональное слово, захватывающий ритм, многочисленные молитвенные повторы. Но лучше любых предисловий и характеристик о новой книге говорят любовные заклинания автора.

Эта прекрасно изданная книга объединяет такие новеллы-поэмы, как «Смерть Пушкина», «Древняя тайна любви Чингисхана», «Чайхана над бездной», «Последний дервиш», «Один День из Детства Пророка Мохаммеда» и другие.

Творчество Тимура Зульфикарова отмечено рядом литературных премий, в числе которых можно назвать заметные сегодня премию «Ясной Поляны» и премию «ЛГ» имени Антона Дельвига.

Новое собрание вдохновенных новелл о любви – это в каком-то смысле подведение итогов полувекового творческого пути замечательного певца нашей Вселенной.

Виктор АЗАРОВ

Фиолетовый ирис

Анна Бессмертная. **Коллекция сумерек.** – М.: Авторская книга, 2012. – 184 с. – 300 экз.

Каждой ли женщине подойдёт старинное платье, скажем, XVIII века? Конечно, нет. Подойдёт только той, у которой случится стилистическое совпадение с типом лица, манерами, с голосом. И тогда это будет смотреться изысканно и красиво.

Так же изысканны и стилистически выверены стихотворения Анны Бессмертной. Мироощущение утончённое и романтическое, по-бунински прозрачное и чувственное, при этом без слащавых красивостей, пластмассовых словесных бус и пустых метафорических кружев.

Ритмическая музыкальность и настроенческая хрупкость – вот, пожалуй, основные черты поэтики Бессмертной.

В один из незадавшихся июлей,
который сам себе всегда не рад,
уеду в Цюрих. Там куплю цирюльню,
игрушку-дом на три ступеньки в сад.

В уютном доме с черепичной крышей
под чёткий ход непуганых часов
прощу обиду плюшевому мишке
за то, что он не выстрелил в висок.

И буду собирать крыжовник в миску,
срезать цветы и ставить по углам,
и на столе держать уже без риска
чернила со слезами пополам,

ходить гулять до церкви и обратно,
пить шоколад, не забегать вперёд,
любить озёр зеркальных многократность
и гор чужих далёкий синий лёд.

(«Уехать в Цюрих»)

Сквозной образ книги – образ песка как ощущение ускользания, утекания времени, причём не только прошлого и настоящего, но и будущего: *«Ловлю струящийся песок, /скорблю над каждою песчинкой»*. Нет никакой попытки остановить этот песок, нет и эмоционального бунта против такого положения вещей. Зато есть какая-то больная радость, любование самим процессом исчезновения, доверие к нему как к чему-то неизбежному.

Где-то там, за пределом миров,
где расцвёл фиолетовый ирис,
мы до будущей жизни простились,
чтоб когда-нибудь встретиться вновь,

чтобы снова друг друга обжечь
голосами, касанием, словом,
узнаваньем в обличии новом,
ожиданьем обещанных встреч.

И пока этот ирис цветёт,
за грехи нам даётся прощенье,
над мирами не властвуют тени
и безумного времени ход.

Фиолетовый ирис цветёт.

(«Фиолетовый ирис»)

Это мир светотени, мир неопределённый и вместе с тем, что парадоксально, надёжный в своей неопределённости, постоянный в своей зыбкости. И, как ни странно, уютный. Оказывается, можно жить счастливо и переживанием ежедневной, ежеминутной потери.

Основная тема – любовь: к мужчине, к миру, в равной степени и к тому, что ещё существует, и к тому, чего уже нет. Мягкое приятие жизни во всех её проявлениях. Однако в этом нет бесхребетности, нет и отчаяния, а лишь обаятельная женская беззащитность и мудрость.

Кафе. Наш столик. Чашка с капуччино.
От дежавю на сердце лёгкий сбой.
Я женщина, любившая мужчину,
и пережившая мужчину и любовь.

Не зря в начале рецензии был упомянут Иван Бунин. При совершенно различной манере письма у Анны Бессмертной очень близкое к бунинскому ощущение жизни, любви, хода времени. Тугая спайка красоты и печали. Порой – острая, животная радость бытия. Порой – столь же острая тоска. И всегда – наблюдательность, предельное внимание к деталям и мельчайшим подробностям существования. Возможно, такая прицельность взгляда объясняется ещё и тем, что Бессмертная не только поэт, но и крепкий прозаик со своей интонацией и стилистической повадкой.

Один из лучших в книге, на мой взгляд, цикл «Итальянские письма»:

Что подарить тебе? Я подарю тебе день
в нежно-сиреневом и ускользающем шёлке.
Летний, пожалуй… И пусть он запомнится тем,
что принесёт нам. Он будет летящим и долгим.

Может быть, выйдем на площадь кормить голубей,
выпьем по чашечке кофе в кофейне у турка,
и попугай-предсказатель билетик тебе
вытащит самый счастливый. Таким будет утро...

Закрыла «Коллекцию сумерек» – и повеяло чем-то безвозвратным, давно отцветшим, но от этого только более драгоценным. Словно передо мной распахнулся чей-то бережно собранный гербарий в позабытой книге.

Анастасия ЕРМАКОВА

ВАШ ВЫХОД!

Нечастая тишина

Тихон Синицын. **Частная тетрадь**: Стихотворения разных лет. – Севастополь: ЭКОСИ–Гидрофизика, 2012. – 68 с. – Тираж не указан.

Это первая книга молодого поэта Тихона Синицына. Тоненькая, названная со скромностью и достоинством.

Автор преподаёт школярам эстетику, любит рисовать, занимается художественным фото. Будучи севастопольцем, нередко совершает пешие продолжительные прогулки по любимому Крыму, а в недавнее время пропутешествовал по России. Ему, человеку южному, словно не хватало северного воздуха – для полноты русского бытия.

Но как читателей, любителей отечественной поэзии, нас более всего порадуют устремлённость и уже умение молодого автора совершать путешествия внутренние, высказываться точно и тонко. Это случается с литераторами нечасто, потому здесь уместно говорить о вкусе и даре.

На фоне нынешней повсеместной разнузданности и ложно понятой свободы своеобразным подвигом, если не дерзостью, выглядит укоренённость Т. Синицына в традициях русского стихосложения, его стилистический, лексический, образный консерватизм. Синицын знает, на что идёт, чем дорожит и чем никогда не поступится.

…Мы с тобой останемся
где-то там,
будем петь, дурачиться,
как подростки.
Будто нас для этого Левитан
сохранил в последнем своём
наброске.

Он светел, но не желает блестеть, сказали бы про этого автора древние китайцы.

«Георгиевской ленточкой май перевязан...» – пишет Синицын о Севастополе, и мы видим, как одна строка способна кратко и скрижально сказать и о молодой цветущей весне, и о вековой героической памяти. О нём же, о родном городе, он говорит лирически, пронзительно:

Я люблю тот город
за шелест пряжи
Малосольной, жгучей морской воды,
За июль, в котором
уснул на пляже.
За апрель, в котором
не знал беды…

Это поэт русской культуры, наследующий великой русской литературе, которую Т. Манн назвал «святой». Последний эпитет возник тут неслучайно. Синицын берёт в эпиграфы великих собеседников, будь то Новый Завет (как в стихотворении с красноречивым названием «Псалом») или расстрелянный под Петроградом, в неизвестном месте, в 1921 г. поэт Н. Гумилёв. И учителей себе Синицын выбирает выверенно: приехав в Коктебель на Волошинский фестиваль, идёт в мастер-класс к С. Кековой и Б. Кенжееву.

Тихон Синицын пишет и о пейзаже, открывающемся крымскому взору, и соотносит его с ландшафтом (интерьером) души, а говорит в конечном итоге о самом важном и сокровенном. Достигая соразмерности между внешне-внутренним состоянием природы и души, а также актуальной современностью, в которой, как всегда в жизни, человек оказывается перед судьбоносным выбором. Так происходит и в стихотворении «Памяти иерея Даниила Сысоева» (мы помним, что несколько лет назад этого молодого многодетного батюшку убил в Москве иноверный фанатик):

…но светлый херувим, почти
как человек,
глядит задумчиво на русские
святыни…

Человек, глядящий на русские святыни, – это, несомненно, и сам автор. Замечательна спокойная, но и возвышенно-трагическая интонация в этих строках. Элегический тон вообще свойствен этому автору. Коему, верим, *«и несут на ладонях тайны / рыболовы из Галилеи»*, неслучайно упомянутые в стихотворении «Преображение».

Станислав МИНАКОВ,
ХАРЬКОВ

ЛУЧШЕ ПОЗДНО

Скажи мне песню

Николай Карпов. **Светит месяц.** – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2012. – 288 с. – 200 экз.

Всем знаком один из гимнов русских бродяг «Пять ребят» («Дым костра создаёт уют»). Автора его зовут Николай Карпов, и он достаточно известный поэт. И в сердце его с детства звучит другая песня – песня «Светит месяц». Именно её среди пионов и рославльских жёлтых слив пели его родители, причём мама играла на балалайке а папа – на гитаре.

Выход новой книги стихов под названием «Светит месяц» был запланирован в «Советском писателе» в 1992 году. Но «лихие 90-е» перечеркнули многие литературные планы. И лишь недавно благодаря помощи немецких друзей «Месяц» Карпова в год его 80-летия показался на свет Божий, не утратив, впрочем, из-за отсрочки своих живительных лучей, хотя, по выражению самого автора, в книге собрано уже не «избранное», а «переизбранное». Дар добродушной иронии, словно в качестве компенсации, унёс поэт со страшного поля боя жизни, где были война, оккупация, работа подростком в германском плену.

Николай Карпов традиционен в лучшем смысле слова. К его строчкам никак не приклеиваются новомодные понятия:

Узнать бы, что такое «мерчендайзер»,
И сразу жизнь покажется иной, –

так посмеивается поэт над собственной «неосведомлённостью», явно не считая её недостатком. И это правильно. Именно энергию покоя и умиротворения, тихую прелесть русской природы, способные гармонизировать человека, ищут читатели в его стихах:

Здесь хорошо, здесь дни тягучи,
Здесь суете откуда взяться.
Глядишь – придут под вечер тучи
И светлым ливнем разразятся.

Заблещут кручи меловые,
Намокнут тёмные овраги,
И – как увидены впервые –
Дрожат в цветах овалы влаги.

В стихах Карпова можно обнаружить и бунинскую прозрачность, и есенинскую удаль, и рубцовскую печаль, и фирменную, добрую карповскую улыбку. «Естественное сочетание лирического начала с ироническим», делающее стихи Карпова особенно привлекательными, отмечал ещё Николай Старшинов. Остаётся добавить, что автору при этом не изменяют вкус и чувство меры: в иронии своей он не добирается до грубой шутки, а в лирике не ударяется в слащавую красивость.

Рождённый в семье учительницы и инженера-путейца, Коля Карпов не был крещён, но, став взрослым, именно он написал: «куплю себе я медный крестик на все последние гроши». Однако стихи его и раньше, и теперь отличает христианское приятие реальности как таковой – со всей её неизбежной асимметрией.

Николаю Карпову больно смотреть на вымирающие деревни и брошенные пашни («Словно обиженный человек, поле лежит ничком»). Почти так же невыносимо было ему видеть, как во время войны, отступая, фашисты сожгли дотла жилища в его родном Рославле.

Душа поэта чудесным образом просветлела до песни детства про лунный серп, но его бесконечно волнует, какие песни затянут его дети и внуки. Сохранится ли в их генетической памяти то «чувство дома», что разрастается в нём до размеров Отечества? А начало было такое: выглядывающее «из облачного проёма» «солнце, стёсанное с краёв», «поля, похожие на караваи», «стога – как шапки богатырей»...

И чувство дома росло всё выше –
Вмещало рощи, сады, поля.
И стало небо высокой крышей,
А полом – мартовская земля!

Травы и дубравы в мире Карпова «шумят почти по-человечьи» и, подобно Атлантам, «держат небо дубы».

Слышит поэт, и как «по швам Отечество трещит», видит, как «совсем осатанела демшпана», называет реформы геноцидом и верит, что его язвительные откровения хоть как-то да подсобят народу:

Улёгся спать, завёл будильник,
Чтоб не проспать всех перемен.
Душа пуста, как холодильник
В период повышенья цен.

С детской чистотой и незлобивостью мудрого старца переносит Николай Карпов личные неприятности и боль несбывшихся надежд. Разочарованное сердце его тоскует, но и смиряется.

В иную же минуту не русская хандра, но скомороший дух в нём побеждает. Как бывший географ и турист, он бодро говорит себе: «Жизнь хороша, как скумбрия в томате», – и пускается в новый круг бытия.

Зульфия АЛЬКАЕВА

ДОСАДНЫЙ ПОВОД

Остановили музыку

Почему оказался ненужным Фестиваль симфонических оркестров мира в честь Дня России?

Фестиваль симфонических оркестров мира впервые состоялся в 2006 году и посвящён Дню России, отмечаемому 12 июня. Данная инициатива была поддержана Президентом В.В. Путиным, а распоряжением правительства РФ № 1693-р от 7 декабря 2006 г. за фестивалем закреплён статус ежегодного. Он создан как культурная страничка праздника российской государственности. Такие праздники есть практически везде, но подобного фестиваля нет ни в одной стране мира. Важен формат – посвящение главному государственному празднику при полном финансировании государства и поддержке администрации президента и Министерства культуры до сего года.

Минкульт получил от Минфина деньги на проведение фестиваля, но в план мероприятий 2013 года его не включил. В связи с этим министр культуры Владимир Мединский решил заручиться поддержкой администрации президента в лице советника президента по вопросам культуры Владимира Толрстого. В конце января 2013 г. началась их активная переписка, но план мероприятий Минкульта был утверждён в конце 2012 г., и все бюджетные деньги уже распределены. Видимо, г-н Мединский предположил, что новому советнику безразлична судьба фестиваля, однако тот указал министру на действующее распоряжение правительства и на высокий международный статус фестиваля, претензий к которому до сих пор не было. Тогда Минкульт предложил фестивалю 10 млн. руб. вместо положенных 87 млн. По существующей процедуре эти деньги без нарушений выделены быть не могут, т.е. провоцируют «разбирательства». А «наивные» организаторы в состоянии шока и критического бюджета «сляпают» абы что на скорую руку, опозорятся на весь мир, и потом можно с лёгкостью фестиваль секвестировать, сославшись на его низкий художественный уровень.

Почему правительства РФ своим распоряжением утвердило фестиваль, а министр культуры его отвергает? Так или иначе, но за два с половиной месяца до празднования Дня России такого мероприятия, как Фестиваль симфонических оркестров мира, в планах Минкульта нет. Никаких официальных «отписок» также нет, а все усилия руководителя фестиваля Л.А. Сильвиан попасть к министру на приём оказались бесполезными. Между тем программа музыкального форума уже полностью свёрстана, все договорённости ждут реализации.

Работа всегда проходила при полной поддержке представителей министерства – только так большие проекты и осуществляются. В том, что фестиваль имеет безупречную репутацию за границей, есть огромный вклад и сотрудников Минкульта. Но сейчас возникновение «вопроса о фестивале» в СМИ вызвало странную реакцию министерства: пригрозили, что если и в дальнейшем будут появляться материалы в прессе, то на организаторов нашлют проверки, и кара обязательно последует. Сразу появились публикации «о падении уровня фестиваля». Например, приведены слова маэстро Спивакова о том, что фестиваль позиционирует себя как форум лучших оркестров, но оркестры Турции и Гонконга в их число не входят. Стоит заметить, что Фестиваль симфонических оркестров мира (исходя даже из его названия!) как раз призван демонстрировать нашей публике весь спектр мирового симфонизма, а Россию – как высококультурную страну, отмечающую свой национальный праздник оркестровым форумом. Кстати, оркестр Гонконга никогда не участвовал в данном фестивале, а оркестр Турции с его 180-летней историей называется «Президентский симфонический оркестр» – он ведущий в стране.

Форум всегда представлял и региональные оркестры, что давало им серьёзный стимул к развитию. Многие из участников съездили на зарубежные гастроли, пользуясь услугами импресарио, работающими с фестивалем. В Омске, Новосибирске, Ярославле, Белгороде построены новые концертные залы, и музыканты из 30 городов страны сыграли в Объединённом Российском симфоническом оркестре. Для них фестиваль – редкая возможность выступить в столице и особое отношение со стороны местной власти, которая выделяет деньги на инструменты и новые костюмы, поднимает зарплату, выдаёт гранты и т.д. В каждом из семи прошедших фестивалей была своя творческая изюминка, делавшая его каждый год неожиданным для публики.

Министр абсолютно вправе и должен, наверное, развивать отрасль культуры, как он себе это представляет. В данном случае помощь г-на Мединского требуется в том, чтобы фестиваль, который уже приобрёл авторитет в мире, не прекратил своё существование внезапно, без объяснения причин. Либо от него следует ждать собственной интерпретации этих причин: почему прекращает свою работу Фестиваль симфонических оркестров мира, посвящённый Дню России? И объяснения нужны не только организаторам, уже приглашённым оркестрам и тем, с кем велись переговоры на 2014–2016 гг., но и публике. А также предстоит разъяснить участникам прошлых фестивалей, что они были настолько плохи, что снизили уровень фестиваля и его просто необходимо закрыть и забыть. Несмотря на то, что участники эти представляли лучшие оркестры своих стран и приезжали, чтобы поздравить нашу страну с государственным праздником...

Арина АБРОСИМОВА

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Новгородский центр имени Рэя Куни?

В № 2-3 за 2013 год «ЛГ» напечатала статью обозревателя Анны Кузнецовой «Ваша роль, господин директор» о драматической ситуации, творческой и организационной, сложившейся в Новгородском областном театре, о конфликте, разделившем коллектив на два лагеря, и о неспособности нынешнего руководства справиться с ситуацией. Но «воз и ныне там»... Всё остаётся по-прежнему, о чём свидетельствует открытое письмо губернатору Новгородской области С.Г. Митину.

Уважаемый
Сергей Герасимович!

Роль предсказателя весьма неблагодарна. Тем не менее у меня возникло убеждение, что 159-й сезон Новгородского академического театра драмы им. Ф.М. Достоевского может оказаться несчастливым.

Новгородский театр в последнее время всё дальше уходит от главных театральных интересов, становится беспомощным и заштатным. Скорее как насмешка над здравым смыслом или в лучшем случае пародия воспринимается его звание – академический. Последние две премьеры театра при всём желании к академическим достижениям отнести невозможно.

Спектакли «За двумя зайцами» М. Старицкого и «Гранатовый браслет» по повести А. Куприна пример невнятной режиссуры, хотя в данном случае точнее было бы говорить об ушедшей в далёкое театральное прошлое разводке: «Ты выйдешь из правой кулисы, ты встанешь по центру, а вам надо сесть на стул». Устойчивое ощущение театра-призрака из далёких 50–60-х годов прошлого столетия дополняет картонно-фанерное «великолепие» сценографии.

Жанр обращения не предполагает подробного анализа «художественных достоинств» режиссуры Сергея Гришанина. Речь не может здесь идти даже о подобии актёрского ансамбля. Искренне жаль, в общем-то, неплохих исполнителей, стремящихся в меру своих сил «доплыть до желанного берега» художественного успеха и признания.

В любом, даже сверхблагополучном театре между труппой и дирекцией всегда найдутся спорные пункты. В Новгороде этот диалог ещё и связан с чистотой финансовых потоков. По словам директора В.Е. Назарова, театральная прибыль за прошлый сезон составила около 13 млн. рублей. Сумма внушительная. Но её следы никак не видны на сцене. Фанерные «изыски» декораций «Двух зайцев», убийственный пластик оформления «Гранатового браслета» никак не свидетельствуют о «бешеных деньгах» Новгородского театра. На этот раз зритель воочию увидел образец выездной декорации, предназначенной, скорее, для бывших «сельских» гастролей.

Председатель регионального отделения СТД Анатолий Устинов уверяет, что и в зарплатных ведомостях актёры видят, как правило, слишком скромные цифры.

«Где сердце ваше, там и ценности ваши» – неоспоримая мудрость. В Новгороде на самом видном месте, на фронтоне театра, видимо, как символ его веры, долгое время висела рекламная растяжка «Мужчина по заказу». В то же время в кабинете директора на одном из прошлых призов театра выгравированы слова Фёдора Достоевского «Человек есть тайна». Между этими двумя противоположными смыслами заключён нынешний курс театра. Его можно определить как умаление человека-тайны и возвышение мужчины «на заказ». Словно лоция этого курса февральская афиша театра: А. Галин, «Мужчина по заказу»; А. Иванов, «Божьи одуванчики»; В. Мережко, «Женский стол в «Охотничьем зале»; М. Старицкий, «За двумя зайцами»; А. Минчелл, «Клуб одиноких сердец»; Р. Куни, «Мужчина в подарок»; Ф. Вербер, «Ужин с дураком»; Д. Чэпмен, Д. Фримен, «Палтус вкрутую».

Как видно, здесь не нашлось места ни одной пьесе русской или зарубежной классики, ни новой драме. Очевидное невероятное...

По этой логике можно переформатировать и само название театра и впредь именовать его Новгородский коммерческий центр им. Рэя Куни. Однако в художественной политике театра есть более опасная чёрная дыра: основной сцене отдано только три дня в неделю, оставшиеся четыре уступлены прокату и коммерции. Это серьёзный недуг, чреватый художественным летаргическим сном и, возможно, клинической смертью. Впрочем, именно об этом уже писала «ЛГ».

Погоня за двумя зайцами привела к тому, что Новгородский театр совсем не известен тем, кто следит за исканиями российской сцены, зато славится скандалами и склоками. На состоявшемся в Новгороде фестивале камерных спектаклей по произведениям Ф.М. Достоевского театр и вовсе не принимал участия. На самом деле не с мужчинами же на заказ и в подарок выходить на фестивальную сцену!!!

Стало известно, что в январе 2014 года начнётся долгожданная реконструкция Новгородского театра, предстоит нелёгкая трудная работа. Вам предстоит войти в клуб губернаторов Тюмени, Белгорода, Казани, Йошкар-Олы, Таганрога, Уфы, чьи реконструированные или заново возведённые театральные здания сопоставимы с лучшими европейскими образцами и по-настоящему украшают культурно-архитектурный ландшафт России. Светлое будущее может омрачиться весьма скорбным обстоятельством – отсутствием труппы самого театра, отсутствием квалифицированного руководства. И тогда новое здание, сцена отойдут приезжим варягам, корпоративам, антрепризе. И вместо дороги, ведущей к храму искусства, погоня за двумя зайцами проторит её к дворцу менял, которых когда-то уже изгнали из храма. Убеждён, что ещё есть возможность, ещё не упущено драгоценное время, чтобы вернуть новгородской сцене истинно творческий и художественный облик.

С уважением,

Олег ПИВОВАРОВ,
главный редактор журнала «Театральная жизнь», заслуженный деятель искусств РФ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«В столице должен быть памятник Шостаковичу»

В Большом зале Московской консерватории прошли концерты, в которых прозвучали новые произведения митрополита Илариона(Алфеева) – фуга на тему ВАСН для струнного квартета и оркестра и цикл «Песни о смерти» на стихи Гарсия Лорки. Наш разговор с богословом и композитором в преддверии Международного дня поэзии начался с них...

– Почему много лет назад вы – в то время совсем молодой человек – задумались о смерти, прониклись поэзией Лорки, темой Испании?

– Между русской и испанской культурами уже в XIX веке обнаружилось некое таинственное родство. Первым, кто серьёзно заинтересовался испанской музыкой, был Глинка; он заложил всю композиторскую традицию XIX столетия. А далее многие великие русские композиторы в той или иной степени шли по его стопам: и это, конечно же, Римский-Корсаков и Чайковский... Сам Гарсия Лорка в одной из своих лекций говорит о связи между русской музыкой и испанской культурой. В 70-е годы XX столетия Дмитрий Шостакович одно из самых глубоких и трагических своих сочинений – Четырнадцатую симфонию – начал с двух стихотворений Гарсия Лорки. Оба они посвящены теме смерти, у Лорки эта тема – ключевая, тема номер один.

– Как вы познакомились с творчеством поэта?

– Когда я учился в школе, многие увлекались поэзией Лорки. Большую популярность тогда получила его великолепно изданная книга «Лирика»: большинство стихов были даны в переводе замечательного знатока испанской поэзии Анатолия Гелескула. А мне вместе с мамой посчастливилось познакомиться с самим поэтом-переводчиком. Помню, встреча наша продолжалась до четырёх часов утра: Анатолий Михайлович имел обыкновение функционировать по ночам, его рабочий «день» заканчивался, когда уже светало. Он много рассказывал об испанской поэзии, показывал интересные образцы испанской музыки, в том числе редчайшие пластинки с записями народного деревенского пения канте хондо. Гарсия Лорка посвятил этому жанру лекцию и цикл стихотворений. Он был потрясающе музыкально одарён.

– Этот год объявлен Годом России–Германии. Диалог двух стран начался очень давно. Как это, на ваш взгляд, повлияло на русскую культуру?

– Между нашими странами существуют очень тесные связи, но, к сожалению, взаимная история двух народов была трагической, и никогда из нашей памяти не изгладится страшный опыт войны. Если говорить о моментах взаимного культурного влияния, то оно всегда было очень сильным. В XIX столетии русские философы чрезвычайно увлекались сначала немецким идеализмом, а затем немецким материализмом. Можно говорить и о сильном влиянии немецкой поэзии (например, Иоганна Вольфганга Гёте) на русских поэтов, а также немецкой музыки на русских композиторов. Неслучайно Глинка брал уроки в Берлине у знаменитого педагога Зигфрида Дена. Считалось, что овладеть мастерством контрапункта в Германии – это значит достичь в музыкальном искусстве высшего пилотажа. Огромное влияние на нашу музыкальную культуру (особенно XX века) оказал Иоганн Себастьян Бах. В год юбилея Баха Дмитрий Шостакович написал свои замечательные Двадцать четыре прелюдии и фуги, как бы подражая Хорошо темперированному клавиру. Это очень светлое сочинение, классическое – по своей форме и по-настоящему «баховское» – по содержанию. Я думаю, что связи между двумя культурами нужно постоянно выявлять, к ним нужно постоянно возвращаться.

– Вы уже дважды называете имя великого русского композитора Шостаковича. Ваше отношение к его творчеству какое-то особенное?

– Шостакович – величайший русский композитор. Ни одного композитора XX века я не поставил бы рядом с ним, нет ему равных по масштабу. Но удивительно, что в Москве, где Шостакович прожил основную часть жизни, где он написал свои лучшие сочинения, до сих пор нет памятника Шостаковичу. Я знаю, что Союз композиторов прилагал определённые усилия для того, чтобы такой памятник был создан, но они не увенчались успехом. Мне очень хотелось бы, чтобы к 40-летию со дня смерти композитора (2015 год) в Москве появился памятник Шостаковичу, великому сыну русского народа. Тем более что уже поставлены памятники композиторам меньшего масштаба, например Хачатуряну.

– Кто из представителей русской культуры является для вас олицетворением духовного просветителя?

– Я думаю, что все наши великие писатели, художники, композиторы были носителями духовных ценностей. В русской культуре XIX–XX вв. сохранялась мощная христианская струя, было сильное влияние православия, несмотря даже на те гонения, которые обрушились на нашу Родину в XX веке, несмотря на настойчивое желание богоборческой власти переписать историю и вытравить религиозную составляющую из нашей культуры.

ИТАР-ТАСС

– «Исповедь сына века» – знаменитый роман Альфреда де Мюссе. Какие произведения русских писателей вы могли бы охарактеризовать как исповедь сына века?

– Таких произведений довольно много, ведь русские прозаики и поэты в своих произведениях раскрывали себя, свой опыт, достоверно показывали свою эпоху. Я думаю, что «Герой нашего времени» Лермонтова – это классическая исповедь молодого человека XIX столетия, в которой раскрываются все идеалы и проблемы той эпохи. «Евгений Онегин» – ещё одна исповедь, образ русского человека, лишённого высших идеалов и поглощённого суетными, мирскими заботами. «Обломов» – тоже «исповедь». «Исповедь» Толстого – сочинение в другом жанре, но опять же автобиографическое, по-своему сильное, раскрывающее истоки духовной трагедии писателя...

– Какой литературный сюжет или текст сильно потряс ваше воображение в детстве?

– В детстве я очень много читал, иногда по 500–600 страниц в день. Чтение составляло очень значимую часть моего внутреннего опыта, развития и становления. Но я думаю, что ни один автор на меня не оказал такого сильного и глубокого влияния, как Гарсия Лорка. Он был не просто одним из моих любимых поэтов, он был для меня *поэтом номер один*. Я очень многое в искусстве воспринимал именно через призму его поэзии. Для меня он всегда был и остаётся образцом чистой поэзии – поэзии, совершенно лишённой какой бы то ни было идеологической нагрузки. Чуть позже таким же образцом для меня стал Ван Гог – художник, который всю окружающую реальность преломлял через своё собственное очень яркое и самобытное видение. Как и Гарсия Лорка, он придавал окружающей реальности совершенно особое поэтическое и художественное выражение.

– Перефразируя слова Эмиля Золя, «он не умел философствовать, но он знал, как нужно писать картины, – и этого достаточно»?

– Я считаю, что, как только художественное творчество становится на службу какой-либо идеологии, оно утрачивает самое главное – поэтическую составляющую. В этом смысле искусство само по себе не идеологично. Лучшие его образцы были вдохновлены либо религиозными идеалами, либо тем внутренним миром художника, который позволял ему особым образом преломлять реальность и передавать это людям. Когда читаешь стихи Гарсия Лорки, то самые обыденные предметы вдруг предстают в совершенно непредсказуемом, оригинальном свете. И ты просто через эту поэзию учишься воспринимать реальность так, как её воспринимали поэты, видеть то, что не видно невооружённым глазом.

– В чём же, по-вашему, призвание творцов?

– Мне довелось несколько лет назад посетить Овер, местечко, где Ван Гог провёл свои последние семьдесят дней жизни. В этом городе и в его окрестностях очень много мест, которые Ван Гог запечатлел на своих полотнах и которые практически не изменились с тех пор. Там стоит знаменитая церковь, а перед ней – стенд, на котором репродукция картины художника с изображением той же церкви: поля в окрестностях Овера, изображённые художником, сохранившееся здание мэрии. Это очень поучительный опыт, когда ты видишь предмет в реальности и тот же самый предмет в изображении художника – как бы преломлённым через его внутреннее видение. Я думаю, именно в этом заключается высшее призвание поэта, художника, композитора.

– Какое литературное произведение могло бы вдохновить вас на создание крупного музыкального сочинения?

– В последние годы я писал музыку только на религиозные сюжеты. Для меня источником вдохновения является Евангелие, которое легло в основу «Страстей по Матфею» и «Рождественской оратории», богослужебные тексты православной церкви, которые я ежедневно читаю и слушаю, участвуя в богослужении, а также некоторые произведения религиозной поэзии, например, псалмы, которые я взял за основу симфонии «Песнь восхождения».

– В музыке существует понятие «ритм». Он даёт ощущение жизни. А каков ритм вашей жизни? Можно ли сказать, что существует некий ритм духовной жизни?

– Ритм моей жизни внешней очень напряжённый, он обусловлен теми многочисленными послушаниями, которые на меня возложены и которые не позволяют мне иметь выходные, отдохнуть, расслабиться. Весь мой день до позднего вечера расписан по часам. В таком ритме я живу уже долгие годы, и я к нему привык. Но есть ещё внутренний ритм, который очень важно сохранять для того, чтобы не потерять внутреннюю цельность, самообладание, не потерять внутренний мир, потому что когда человека обстоятельства жизни пытаются растаскивать по частям, то сохранять этот внутренний стержень и внутренний мир – очень важно. Внутренний ритм не совпадает с ритмом внешней жизни, который очень легко может нарушить внутреннюю гармонию. Главным средством для сохранения внутреннего мира и внутренней тишины является, конечно, молитва. Молитва – то, что помогает нам, и священнослужителям, и мирянам, членам церкви не погружаться в суету, даже когда эта суета со всех сторон к нам подступает.

Беседовала
Татьяна ЭСАУЛОВА

К ВСЕМИРНОМУ ДНЮ ПОЭЗИИ

Константин ВАНШЕНКИН (1925–2012)

МОСКВА

ТРАВМА

Пока так медленно идёт
Восстановление спортсмена,
Игра командная не ждёт,
И смело сделана замена.

Там — неважнецкие дела,
Выздоровление не скоро.
Здесь жизнь мальчишке шанс дала,
Здесь всё зависит от дублёра.

Судьба, судьба! Что делать с ней?
Ничтожна призрачная слава,
Когда юнец уже сильней
Того, из первого состава.

Екатерина ИШИМЦЕВА

МОСКВА

***

Ежу понятно, ты меня не любишь,
Траве понятно, соснам и песку.
Ты идеален: ты не пьёшь, не куришь.
И нагоняешь на меня тоску

Своею бесконечной добротою,
Своим талантом, силой и умом.
Мне так хотелось быть с тобой простою,
И говорить хотелось об ином.

И быть красивой, даже быть прекрасной,
И даже быть единственной. Увы!
Нет рифмы неизбежней, чем «напрасно».
И я с тобой, как с Пушкиным, на «Вы».

Александр ЯКУНОВ (1973)

ЧЕРЕПОВЕЦ, Вологодская область

РУССКАЯ ШКОЛА

Ах, сколько пронзительных песен о школе
глубоких касается струн!
А сколько о ней, её «месте и роли»
вещают с высоких трибун!..

В горнило бездумного эксперимента
заброшена школьная жизнь.
Верхам интересны сухие проценты.
Учитель, как хочешь, держись!

Держись, выживая на нанозарплату
за порцию мегачасов!
Держись, объясняя иному примату
значение вежливых слов.

Держись, прикрывая текущую крышу,
убожество стен и полов.
Держись, сообщая отцу-нуворишу
о новом скопленье колов!..

Держись, забывая детей и супругов
за кипой тетрадных листов.
Держись, невзирая на грязную ругань
из тёмных и гадких углов.

Но вот задремал наш учитель-страдалец,
И видит он сон рядовой:
с огромной дубиною неандерталец
выходит к доске цифровой!

А в прессе твердят о коррупции в школе,
о рукоприкладстве сплошном.
И давят, и давят на эти мозоли,
а сами — ни духом ни сном..

И пусть называют тебя ПРОФУРСЕТКОЙ,
о крайнем упадке орут.
Урок — переменка, урок — переменка —
Таков ежедневный наш труд.

Пусть капает нам на мозги кока-кола,
пусть шмотки китайские трут.
Мы верим, что выживет РУССКАЯ ШКОЛА,
и все предсказания врут!..

Влада АБАИМОВА (1992)

ОРЕНБУРГ

Жизнь без боли — словно хлеб без соли,
Сытно, только пресно и невкусно.
Лучше пусть кусок застрянет в горле.
Это нам привычнее. По-русски.

Нам — или жара, или морозы.
Нам — или разгром, или победа.
Нам — мешать в стакане кровь и слёзы.
Нам — писать стихи на грани бреда.

Вам комфорт привычен с колыбели,
А проблемы — так они чужие.
Молодцы, ведь это вы — сумели.
Молодцы, ведь это вы — дожили.

Мир наш на куски разорван, скомкан,
Сувенирами на память роздан.
Вам досталась честь из тёплых комнат
В телескоп смотреть на наши звёзды.

Михаил АНИЩЕНКО (1950–2012)

САМАРА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Старый домик похож на зимовье,
На пощёчину жалким ролям…
Но Исида сидит в изголовье
И сшивает меня по частям.

После тьмы, после долгой разлуки
На Земле, где спасения нет,
Я целую любимые руки
И глотаю утраченный свет.

Надо мною и звёзды, и слёзы,
На столе две свечи и букварь.
Я впервые гляжу на берёзы,
На пристывший к окошку январь.

В первый раз я спускаюсь с порога
И у брёвен, у стареньких слег
Осторожными пальцами бога
Ощущаю нетающий снег.

Где-то бьют барабаны ненастья,
Где-то скрипки плутают во мгле…
Я дышу и не верю, что счастья
Не бывает на этой Земле.

Лает истово пёсик кудлатый,
Отступает от дома туман;
И стоит в двух шагах виноватый,
Не добивший меня океан.

Вячеслав АНЧУГИН (1976)

ИРБИТ, Свердловская область

ИГРА

Июньский день. Играют мальчики в войну,
Гортанным криком разрывают тишину.

Идёт в атаку, как на праздничный парад,
Десятилетний воин, маленький солдат.

Разрезан фланг врага ударом ножевым,
И каждый хочет быть героем, но — живым.

Альберт БАГАУТДИНОВ

В горячем ветре пузырит рубашки стяг,
И рядом пули не отлитые свистят,

Земля от бомб воображаемых гудит…
И вдруг он слышит: «Падай, падай,
ты — убит!»

Раскинув руки, мальчик падает в траву,
Всего мгновенье для полёта наяву.

Повсюду запахи цветные. Благодать!
Ах, как приятно в этих травах умирать!

А небо синее, с бездонной глубиной…
Но как убитым сможет он прийти домой?

Молчит отец и с укоризной смотрит
мать…
Ну разве можно так игрою жизнь ломать?

И по ковру июньской тени кружевной
Идёт герой, пускай убитый, но — живой.

Судьбу сражений он не хочет выбирать
И даже так вот, понарошку, умирать.

Его встречать выходит мама у ворот.
Июньский полдень. Сорок первый год…

Максим ЗАМШЕВ (1972)

МОСКВА

***

Чем ближе весна, тем проще
Себя убеждать: мы пара.
Взгляни на Трубную площадь
От Сретенского бульвара.
И что разглядишь с холма ты?
Что светлые встретят очи?
Карнизов тугих шпагаты
И разные всюду точки,
Верхушки деревьев, крыши,
Хрустящего полдня кожу,
И счастье, что ты расслышишь,
Наверно, немного позже.
Москву не зальёшь слезами,
Водичку здесь льют из лейки.
Нас улицы разрезают,
Чтоб заново вместе склеить.
Глотаем мы капли влаги,
Чтоб выдохнуть в поцелуях.
Висят облака, как флаги,
Тряпьём отражаясь в лужах.
Пройдёмся давай до Чистых,
Прочертим судьбу руками.
Весна наступает быстро
И в спину меня толкает.
Любовь наступает громко,
Терзая и оглушая,
По мартовской тонкой кромке
Пройдём до конца до края.
Столица вернула стаи,
Поклоном чужому дому.
А лёд непрестанно тает,
Царапая по живому.

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИДИЛЛИЧЕСКИЙ СОН

Мне приснилась жизнь совсем иная,
Так приснилась, будто наяву:
Лошади вздыхают, окуная
Морды в серебристую траву.

До краёв наполнив звёздный улей,
Светлый мёд стекает с тёмных грив.
На земле табунщики уснули,
Сёдла под затылки подложив.

Светлый пот блестит на тёмных лицах,
На остывших углях костерка,
Склеивает сонные ресницы
И былинки около виска.

Спят они, пока вздыхают кони.
Вздрагивая чуткою спиной,
И полны ещё мои ладони
Горьковатой свежести ночной.

Спят, пока обратно не качнётся
Маятник мгновенья и пока
Хрупкого покоя не коснётся
Снов моих невнятная тоска.

Глеб ГОРБОВСКИЙ (1931)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЖИЗНЬ

Очнись… Возьми перо-бумагу,
взгляни с низин — на небеса
И вспомни Бога, что из мрака
тебя извлёк, открыв глаза.

Твои глаза открыл, твой разум,
чтоб ты явленной красотой
обжёгся… но — не вспыхнул сразу,
а величал её святой.

Ты посетил мгновенья жизни,
что даровал тебе Господь.
…На ветке яблоком повисни
и упади, утратив плоть.

Сэда ВЕРМИШЕВА

ЕРЕВАН, Армения

***

И хоть меня убили,
Как издревле велось,
Как в той далёкой были
Ладони раздробили
И в сердце вбили гвоздь,
Я всё-таки меж вами
Невидимая Весть…

Темно и пусто в Храме.
Но всё-таки — я есть.

Юрий БЕЛИКОВ (1958)

ПЕРМЬ

КРАСНАЯ ГРОЗДЬ

Мы — поздние, поздние, поздние…
Мы схожи с рябиновыми гроздьями.
Леса опустеют старинно.
Останется только рябина.

Рябина! Боярыня Морозова,
ты в будущее сослана
за то, что ещё не картина,
за то, что не к лету горька.
О, как ты любима, рябина!
Однако сквозь время пока.

Как в тяжкой цепочке похода
сильнейший идёт позади, —
чтоб первой быть в кроссе природы,
последней, рябина, иди!

Глотайте клубнику на корточках!
Но всё перетянет в мороз
скупая отважная горсточка,
высокая красная гроздь!

И, может быть, чудо — не чудо,
а просто в преддверье зимы
у истины смыло запруды,
и вот она — чудо, и мы
поэтому поздние, поздние,
всё время смотрящие в спину.
Но воздух уж пахнет полозьями.
И едет народ по рябину.

Евгений ЕВТУШЕНКО (1932)

МОСКВА

ВОЗДУХ СВАДЬБЫ

Ах, Англия, приёмная мать герценовская,
гляди, как осенённая крестом,
сияет пара кембриджская герцогская,
возможно, королевская потом.

В аббатстве так надушенном Вестминстерском
и лорды даже чуть навеселе,
и головы всем кружит весть всемирная
о самой главной свадьбе на земле.

Завидуем — как англосаксы сдержанны!
Где грубости? Где крик «лей не жалей!»?
Во сне выходят на Руси все девушки
за будущих английских королей.

И где-то — в Оклахоме ли, Дижоне ли —
утешат разве девичьи сердца
десятки тысяч копий, так дешёвеньких,
для них недостижимого кольца?

И вовсе не считается провинностью,
что, словно символ редкостных минут,
торговцы где-то в аглицкой провинции
в бутылках воздух свадьбы продают.

Я вспоминаю свадьбы сорок первого,
как я плясал для плачущих невест,
а смерть уже глядела, как соперница,
на их забритых женихов отъезд.

Хочу вкатиться в моё детство кубарем,
чтоб в нём воскресла вся моя родня,
и мы бутылку горькую откупорим
с тем воздухом, что вырастил меня.

Николай ЗИНОВЬЕВ (1960)

КОРЕНОВСК, Краснодарский край

* * *

Стихи должны быть с тайным смыслом,
Чтоб строчка каждая в них жгла,
И чтобы баба с коромыслом
К колодцу с песней тихо шла.

И чтоб в них не было печали,
И чтоб печалили до слёз,
И чтоб стояли за плечами
И смерть сама, и сам Христос.

Чтоб в них и плакалось, и пелось,
И чтоб шумела в них листва,
И чтоб была в них неумелость
Та, что превыше мастерства.

Дарья ИЛЬГОВА

ОЛЬХОВАТКА, Воронежская обл.

* * *

Троекратно ура, в воздух летят монеты.
Лето. И площадь переполняют люди.
Где это было? Когда это было? Где ты?
Как это можно было забыть. Забудем.

Если я утром отправлюсь прямым маршрутом —
За пределами счастья. Пропахла
октябрьской пылью —
Ровно к обеду я буду у института.
Как это можно было забыть. Забыли.
Всё суета. В пять тридцать звонит
будильник.

Новая жизнь. Другие миры и войны.
Только провал — от памяти подзатыльник:
Не забывай никогда. Никогда. Помни.

Мы атланты — на наших плечах и лежит небо.
Делаешь в сторону шаг — и трещит шарик.
Сдаться сейчас было бы так нелепо.
Я никогда не сдамся. Я обещаю.

Виктор КИРЮШИН (1953)

МОСКВА

ГЕРАНЬ

Памяти мамы Серафимы Никитичны

И всё же рай не за горами,
Как нам порою говорят,
А там, где мамины герани
На подоконниках горят.

Сентиментальностью и грустью,
И беззащитностью пьяня,
Цветок российских захолустий,
Ты вновь приветствуешь меня.

Таится серое предместье,
В тумане улица и храм,
А ты пылаешь в перекрестье
Дождями выбеленных рам.

Картинка северного лета
На краски ярые бедна,
Но сколько нежности и света
Идёт от этого окна!

Так вот он, рай,
Не за горами,
И лучше сыщется навряд,
Покуда мамины герани
На подоконниках горят.

Вячеслав СЫСОЕВ (1941)

МОСКВА

К СЕБЕ

Скажи себе: не обессудь,
Что ныне дни твои влачатся,
Что редко знаешь ты участье
И труден твой вседневный путь.

Смирись, себе уж не помочь,
Везенье, радость ходят мимо,
И многое недостижимо —
Надежда не заменит мочь.

Давно, недавно ли другой
Твои дороги, стёжки топчет;
Захочет — и удачи тотчас
К нему бегут наперебой.

Не ты ли, вспомни, не робей,
Когда-то чьё-то занял место?
Двоим на нём вам было тесно.
Он уступил его тебе

Василий ГАЛЮДКИН (1950–2011)

ЯРОСЛАВЛЬ

***

Тёплый ветер. Тихо Волга плещется.
Блещет солнце, небо окровя.
Кровная земля. Моё Отечество.
Родина безмолвная моя.
Русофобов всех перекосило
Оттого, что в сборниках моих
Царствует рефрен — моя Россия,
Не модерн, не шифр — славянский стих.
Никогда я не был на Канарах
И Босфор увидеть не стремлюсь.
Мне близка Есенина гитара.
Я люблю никитинскую Русь.
Я горжусь своей великой нацией.
Как Тарас, предателей стыжусь.
Как Остап, перед администрацией
Всех времён я льстиво не склонюсь.
Если будут деньги, купим лодочку.
Берег Волги! В сказочном краю
Выложим селёдочку и водочку,
Выпьем за империю свою.

Новелла МАТВЕЕВА

МОСКВА

* * *

Шагнув за Гулливером, — не о том
Я думаю — как много всякой жути
Он встретил на пути своём крутом,
Столь безотрадном
и глухом по сути;

Я, как ни странно, думаю… о ртути
В термометре! О Веке золотом,
Что изобрёл барометр, метроном,
Часы на металлическом прикруте,

Лот, компас…
И душа невольно рада,
Что где-то у скитальца за спиной
Встаёт цивилизация стеной,
Спасающая мысли от распада,

А значит, есть у горемыки друг
Меж грозных травль
и безразмерных мук.

• Издание книг и их реализация
• Набор, верстка, корректура и редактура книг
• Публикация прозы и поэзии в журналах «Литературная столица», «Российская литература» и «Литературный альманах «Спутник»
Всё это предлагает вам издательство «СПУТНИК+»
109428, г. Москва, Рязанский проспект, д. 8А
www.sputnikplus.ru
E-mail: sputnikplus2000@mail.ru
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, № 12 (6408)
20–26 марта 2013 г.

ТЕЛЕПОВТОР

Наш друг Земан

В январе чехи выбрали президентом Земана. Милоша Земана. И он вдруг заговорил по-русски, да ещё и нашёл несколько добрых слов о большом северном соседе. А мне вспоминается другой Земан – чехословацкий майор Пронин, пражский комиссар Мегрэ, Шерлок Холмс с берегов Влтавы, добрый телевизионный домовой социалистического содружества. Этот телесериал снимали с 1974-го по 1979-й. Первую серию приурочили к тридцатилетию освобождения Праги войсками Красной армии, а всю эпопею – к юбилею доблестного Корпуса национальной безопасности ЧССР. Как полагается, почти за каждым преступлением маячил шпионский подтекст: холодная война, противостояние систем, разгар тайной борьбы в Восточной Европе. И – история республики с 1945-го по 1973-й.

Сорокалетний актёр Владимир Брабец, кажется, всегда готов к любому возрастному перевоплощению. Молодой рабочий, солдат, наконец, рыцарь правопорядка, седовласый начальник пражского уголовного розыска – все маски сидят на нём как влитые. Как-никак один из последних истинных джентльменов Европы! Этот элегантный, простодушный коммунист тридцать лет нёс богатырскую службишку. Не забыт он и в современной Чехии – многие хотели бы помножить на ноль эту «коммунистическую пропаганду», но...

У нас в семидесятые годы такого нарядного, цветного, размашистого сериала не было. Примерно в те же годы (1974–1977) выходила на экраны «Рождённая революцией» – и здесь нетрудно разглядеть сюжетную перекличку. Но стилистические различия важнее фабульных совпадений! Наша история суровее, а чёрно-белая плёнка иссечена морщинами. Атмосфера сериала – строгая, аскетическая. Чешские товарищи воспроизвели более уютный мир – цветной, глянцевый. Режиссёр Иржи Секвенц решил на всю ивановскую (или Вацлавскую?) продемонстрировать высокий уровень жизни, достигнутый под руководством КПЧ.

В советском искусстве таких перехлёстов опасались. Приукрашивались характеры, создавались модели идеальных взаимоотношений между небывало благородными, безгрешными людьми. Преувеличивались способности советского человека к платоническим отношениям. Такой лакировки хватало. А вот показывать жизнь разительно зажиточнее, чем она была, опасались. Опасались народного неприятия. Только в послевоенный период Пырьев смело, с вызовом идеализировал сельскую жизнь, создавал сказку для израненного поколения, которую многие приняли с благодарностью, – но это исключение из правил. Даже в приключенческом кино у нас старались избегать явного глянца.

А в «Тридцати случаях майора Земана» интерьеры, замашки и костюмы жителей ЧССР всех десятилетий советской власти превышают западные стандарты благополучия, а любой пражский инженер одет, право, не хуже Джеймса Бонда... Все привыкли к автомобилям и ресторанам, к путешествиям и антиквариату. Даже горемычные колхозники – соль народа – живут на уровне советских секретарей обкома.

Иржи Секвенс не сомневался: для шпионской истории необходимы франты, вино в хрустале, роковые женщины, добротные магнитофоны, сладковатый джаз.

Красавиц в «Тридцати случаях» немало: всё-таки сериал выдержан в дохипповской эстетике. Но всех, конечно, затмевает Регина Разлова – агент Ханка, привыкшая к комплиментам и яхтам. Танцует, соблазняет, разоблачает и погибает. Даже уголовники напоминают охотников из сюжетов фарфора Леандер. И всё-таки за припомаженной картинкой проступает социалистическая суть, конфликт великой борьбы – за будущее, за умы...

А ведь в СССР никогда не показывали всех серий «Земана»! Даже названия такого – «Тридцать случаев майора Земана» – мы в те годы не слыхали. Идеологи сусловской школы решили не смущать умы воспоминаниями о походе 1968 года. В начале 80-х гусаковская ЧССР считалась едва ли не самым надёжным партнёром советской державы – зачем же нервировать трудящихся? Зачем рассказывать о временах, когда коммунисты накладывали на себя руки, а социалистическое будущее страны висело на волоске? Сусловцы мастерски применяли фигуры умолчания, даже перебарщивали с этим – и в конце концов проиграли борьбу за умы.

В первый раз полного «Земана» в России показали в 90-е годы – и мы увидели, как травят честного служаку соловьи Пражской весны 1968 года. Уж это они умеют, когда дозволено! Свежий ветер свободы

опьяняет властителей дум – вспомним, как у нас травили Гидаспова, Ахромеева, Лигачёва, Кравченко – с присвистом...

Если кто забыл, Иржи Секвенц нам напомнит: Пражская весна заваривалась в пражских дипломатических салонах и богемных кабаре.

Помните, у нас в 1960-е – 1970-е возникло такое понятие: «за интеллигенцию» – «против интеллигенции». Никто не формулировал правил этой игры – всё строится на проговорках и предрассудках, которые сквозят в мемуарах и опубликованных дневниках. Чтобы показать, что ты – «за» – нужно возненавидеть «чувство локтя», охаивать идею коллектива и государства, воспевать слабого, несчастного, отверженного гордеца. «Я хуже тебя, я самый ненужный, я гадость, я дрянь, ЗАТО Я УМЕЮ ЛЕТАТЬ!» – ведь это песенка несусветного гордеца. Вот с таким гордецом – да к тому же ещё и «карьерным диссидентом» – столкнулся майор Земан. Это – поэт (а точнее – плагиатор) Павел Даниш – молодой герой из модного балагана, свободолюбивый позёр.

Вокруг него увиваются кураторы – загляденье, какие хитрецы! Журналистка Дагмар Конечная – само высокомерие, она – энергичный идеолог борьбы за всё личное против всего общественного. И то правда: столь утончённым натурам в социалистической казарме неуютно. Кураторша готовит Даниша то ли в трибуны, то ли сразу в жертвы.

Манеры и мораль пани Конечной для нас – не тайна за семью печатями. Как она «допрашивает» ослабевших охранителей: «Вы знали – и молчали?! Где была ваша совесть?!» Сколько отточенного чистоплюйства – и твёрдая убеждённость, что джинсы растут на деревьях. Откуда знал Секвенц наших либеральных дам с «Эха Москвы» и The New Times? Да просто они повсюду одним миром мазаны, с архетипом не поспоришь. Чешским товарищам – спасибо за фотографическую точность.

Итак, трубадур Даниш спьяну стреляет в любовницу – но покровители модного бунтаря не дают Земану довести до ума расследование. Фейсбука в те годы не было, но активисты действовали слаженно и находили поддержку не только на Западе, но и в правительстве. Ведь шёл 1967 год... Земан и его соратники – рыцари чешской госбезопасности – вздыхали: «Что стало с нашей республикой? Когда же придёт наш русский друг?»

О целях оппозиции рассуждает в фильме полковник Калина: «Во-первых, стремятся внедриться в средства массовой информации. Это Конечной удалось: она работает на телевидении. Во-вторых, стараются не предпринимать нападок на партию и социализм, а сосредоточить внимание на их прошлых ошибках и заблуждениях – короче, на диктатуре пролетариата... В-третьих, для них очень важно нарушить наши дружественные связи с Советским Союзом. Как только они лишат партию этих трёх главных опор, они уничтожат и её».

Есть в сериале сильная сцена: судилище над Земаном. Обвинители – богема, лощёные декаденты, правдолюбы, которые любят ужинать в гостеприимном доме западногерманского дипломата. Профессор, актёр, писатель, журналистка, дипломат... У этих всё продумано, они – ушлые демагоги. Если ты попал в творческую обойму – очень трудно не поддаться соблазну, не впасть в самоупоение. Те, кто не из их кружка, – недочеловеки. «Поднявший меч на наш союз достоин будет худшей кары». Но на стороне майора – галёрка. Колхозники, работяги – чёрная кость. И поглядывают они на чешских перестройщиков с ненавистью и угрозой. В этих кадрах – боевитая социальная правда: Гусак сделал ставку на «трудящихся», приструнив вечно недовольную чванливую прослойку. И – предчувствие будущих бархатных революций, когда «хозяева дискурса» научатся гипнотизировать генералов и вождей.

Несмотря на моральную победу на суде, лучшего криминалиста Чехословакии разжаловали в участковые. Травля прекратится в конце 1968-го, когда «танки пройдут по Праге». В 1969-м Земан вроде бы окончательно победил. Доживёт ли он до 1989-го, до распада страны, когда пани Конечная, без сомнений, станет советником Вацлава Гавела?

Конечно, Секвенц показал события 1968-го с точки зрения правоверного коммуниста, сторонника гусаковской нормализации – которая стала, между нами говоря, не худшим двадцатилетием в истории Чехии. Это не документалистика, а художественная пропаганда. Но кто-то должен засвидетельствовать, что не вся Чехословакия поддерживала свистопляску 1967 – 1968-го... Правды нет ни в том, ни в этом лагере, да и вообще стоит ли искать правду в перетягивании каната – главное, чья берёт.

О советском прошлом в современной Чехии принято говорить сквозь зубы – оккупация, и точка. Таковы законы политической конъюнктуры. Не плюнешь в «империю зла» – и не видать тебе пропуска на европейский гей-парад, такой весёлый и заманчивый. Это и нам знакомо: самые интеллигентные и ранимые общественные деятели России давно толкуют о декоммунизации и люстрации – не только кадровой, но и идеологической. Но у нас это не пройдёт: многие свершения советской эпохи в России навсегда останутся предметом всенародной гордости. А для чехов гусаковская «нормализация», в первую очередь, ассоциируется с национальным унижением в 1968 году. Морализаторское уничтожение системы Готвальда и Гусака – за кровопролитие, за атмосферу тотальной слежки, за приседания перед «старшим советским братом» – вообще-то служило прикрытием для экспансии Большого Ростовщика, который не любит повторять приказаний. Без его соизволения нынче и муха не пролетит. Ему чешский Холмс просто не понадобится – достаточно британского.

Телевизионщик Даниэль Ружичка написал целую книгу – «Майор Земан. Пропаганда или преступление?». Вывод предсказуемый: и то и другое. «То, что сотворил коммунистический режим с творческой интеллигенцией, – преступление, а творчество, оборачивающееся пропагандой, чему ярчайший пример «Тридцать случаев майора Земана», – свидетельство этого преступления».

В последние годы «Земана» в Чехии показывают с последующим (или предварительным) разоблачением. У нас была схожая телепередача – «Киноправда». Но там Георгий Кузнецов беседовал о сталинском кино доброжелательно, без ниспровергательской патетики. А для чехов нынче всё, что не соответствует стратегии НАТО, – голос врага. В Польше вообще запрещали и четырёх танкистов, и собаку. Куда ж бедным чехам деться без местного Сванидзе, который расскажет о злодействах КГБ, о том, как в тисках удушающей системы трудно было дышать, который разоблачит приёмы «народно-демократической» пропаганды. Вычеркнуть из телевизионного репертуара столь масштабный сериал затруднительно: чехи не разбрасываются брендами. Молодые чехи воспринимают ретросериал не без иронии, но примечают высокий уровень незаёмной массовой культуры, которая в постсоциалистические времена сдала позиции. Вот миф и пошёл войной на миф. Отныне соотечественникам Гонзы Земана положено сочувствовать Джеймсу Бонду.

Но спор вокруг майора Земана продолжается – и до развязки далеко. Новых героев такого масштаба в Чехии не видно: почему-то после декоммунизации любая культура становится провинциальнее. Всё это и нас ожидает в случае чего.

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

ТЕЛЕПЕРЕДАЧА

Хип-хоп-хоровод

Новый проект «России 1» «Большие танцы» продемонстрировал, в каком мировоззренческом, творческом, профессиональном тупике пребывают кураторы развлекательного вещания этого канала.

Россия, огромная и прекрасная, ты первое, что бросается в глаза космонавту, когда он смотрит на Землю с орбиты. Эти квадратные километры лесов, гор, степей, океанов завоёваны, освоены великим народом-созидателем. Оттуда, из космоса, нельзя не почувствовать, как туда, в космос, бьёт невидимая волна накопленной веками русской энергии.

Русская кровь на монгольской стреле, шведской сабле, немецкой пуле – во имя чего ты была пролита?.. Что охраняли павшие? Огород и курицу-несушку?

Они охраняли род, родовой уклад, веру, мечту о рае на просторах родной земли. Они охраняли свою гармонию звуков, свой ритм, резонирующий с родной природой, фонетику и графику, движение в хороводе, балете, свои представления о театральной паузе, тишину охраняли...

И сейчас, в тринадцатом году XXI века, этому народу не хватает малого. Чего же? – спросите вы. Ну как же, русскому народу нужны hip-hop, breakdance, housedance, r&b, rock'n'roll, jazzdance. Именно так, латиницей, представляет государственный канал «Россия» свой поистине грандиозный проект «Большие танцы».

Наградим же знатных российских телепродюсеров, энтузиастов хип-хопа, шкурой с ханского плеча, орденом Карла XII, немецким портсигаром. Им удалось собрать тысячи молодых жителей России для великого дела брейк-данса. Тысячи пластичных сограждан из Самары, Саратова, Нижнего Новгорода, Ростова-на- Дону, Сталинграда, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга будут делать телодвижения под руководством главного хореографа проекта – британца Пола Домейна. Восемь команд по сто человек будут соревноваться на главном государственном канале России в освоении нерусского. Апофеозом станет номер, в котором тыща шестьсот ног отпляшут общий нерусский танец. Хоран, гопак, лезгинку, какой бы то ни было иной исконный танец России, команды тоже не спляшут... Станцуют они великий танец глобализации.

Посмотрите на них, неужели это наши? Поначалу, кажется, вроде да, произносят какие-то русские слова. Но вскоре понимаешь: нет, это уже иная порода. По ужимкам, жестам, наклону головы, по сдвинутой набок бейсболке, вырыгиванию речи, ноте визга.

А какие они вообще наши? Каковы их очертания, дизайн? Раньше мы угадывали своих по силуэту. Мельком глянешь на экран и определишь. Если у каски агрессивная ломаная линия, значит, фашисты. Если форма каски не решает задач устрашения, а просто защищает солдатскую голову, это наши. Беспонтовая функциональность. И тридцатьчетвёрка советская – такая. Плавные гуманистические линии без острых углов, никаких дешёвых приёмов усиления психологического эффекта. Вот она стремительно летит, глотая кочки. Спешит на выручку. Охранительница.

Смотришь на эти «Большие танцы» и начинаешь понимать, почему дизайн новой русской военной техники, или, во всяком случае, её отдельных образцов, стал таким, что и не определишь сразу – американская она или наша. Даже если рядом стоит какой-нибудь генерал с задранным до небес околышем на фуражке. Русский, фашист?

Откуда взялись эти дизайнеры, в какие компьютерные игры они играют? Какую музыку они слушают, какие фильмы смотрят?

Вот по Красной площади на параде 9 Мая едет «Тигр». В Нижнем Новгороде на заводе ГАЗ именно так назвали русский армейский автомобиль.

Кто осуществлял нейминг? Что за человек? Каковы его связи с хип-хопом? Почему он так вдохновлён образом фашистского танка «Тигр», намотавшего на свои гусеницы тысячи советских солдат?

А вот новая разработка для спецназа ФСБ от автомобильных кутюрье ЗИЛа. Апофеоз агрессивности форм, претензия на зловещую миссию доведена дизайнером до абсурда, карикатуры – не успеваешь испугаться и сразу начинаешь хихикать. Этот новый русский бронеавтомобиль называется «Каратель». Ну есть же в русском языке такое слово... Ассоциации? Какие? Неужели не осталось никаких ассоциаций?..

...А ещё в этом танцевальном шоу есть ведущий – энергичный и холёный, тот, что заводит толпу в зале и мотивирует зрителей у экранов отправлять эсэмэски. Он же, мы это знаем, снимает киноэпопею «Сталинград». Не кажется ли вам это сочетание противоестественным?

Олег ПУХНАВЦЕВ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Стихи про себя

Если смотреть программу **«Вслух»** последовательно – циклами, сезонами, а не урывками – по одному выпуску в квартал, станет понятно, что широкой и полной картины поэтической жизни России здесь не представлено.

На впечатление это не в силах повлиять даже тот факт, что гостями Александра Гаврилова изредка становятся провинциальные поэты. Устроители поэтических чтений всё-таки иногда отдают дань географическому разнообразию. Вот, к примеру, пригласили даже Анастасию Орлову из Ярославля, лауреата премии Дельвига. И всё же тон здесь задают московские поэты, причём вполне определённого склада – уставшие от себя, поэзии, а заодно и страны, так и не сумевшей вдохновить, взбудоражить густую интеллигентскую кровушку. Обойдёмся без фамилий и вынесем за скобки тех, кто является счастливым исключением из этого правила – выдавать за поэзию угрюмый рифмованный бубнёж.

Отметим также, что в программе Гаврилова реже всего навевают скуку как раз те поэты, которых представляют в качестве молодых. В их стихах неожиданно можно услышать нечто совершенно для программы «Вслух» инородное – патриотическую ноту. Вдруг, случайно, как будто прорывая цензурные барьеры, нарушая неписанные правила передачи, произносятся слова, за которыми – любовь к Родине.

Однако в целом программа «Вслух» создана, кажется, для другого – учить молодых поэтов писать про себя, заниматься собой, эстетизировать самолюбование. На площадке передачи укореняется именно эта мода. Страна, образ страны остаются за границами студийного пространства. Иногда кажется, что связи с реальностью у современной поэзии вообще никакой нет, что актуальность русской поэзии определяется исключительно формой, степенью игривости слога, а не способностью слышать время, историю.

Конечно, с современной русской поэзией не так всё плохо. Если изменить ракурс, принцип отбора, целеполагание, можно обнаружить, что в стране существует иная поэзия. Что многие поэты являются частью своего народа, и они даже умеют выразить это обстоятельство в стихотворной форме. Вот этих поэтов и следовало бы популяризировать каналу «Культура».

Вадим ПОПОВ

Закон подлости

Только отшумел скандал с русскоязычным писателем Michail Schischkin, в открытом письме Федеральному агентству по делам печати пославшим куда подальше и это агентство, фактически его породившее, и захваченную «криминальным коррупционным режимом» Родину-мать, как учудил депутат Гудков. Выступая перед Сенатом США, он попросил американцев «помочь Путину в борьбе с коррупцией», а на самом деле помочь болотным активистам «интернет-революции» в борьбе с Путиным. В **«Поединке»** с Алексеем Пушковым Дмитрий Гудков объяснял, почему он повёл себя так, мягко говоря, неэтично для представителя законодательной власти. Ну правда, странно за океаном жаловаться на нашу коррупцию, особенно тем, кто ещё с ельцинских времён закрывал на неё глаза, если не поощрял и насаждал.

В конце передачи удивило то, что, несмотря на доводы весьма оснащённых и убедительных секундантов опытнейшего Алексея Пушкова и топорность болотной риторики Гудкова, в голосовании телезрителей он проиграл не с разгромным счётом (51 тыс. против 70 тыс.). Почему? Потому, видимо, что зараза мздоимства слишком глубоко внедрилась и высоко вознеслась, а меры, которые в борьбе с ней начали принимать правоохранительные органы, явно запоздалые и недостаточные. К тому же, если сажать сразу всех взяточников и взяткодателей, так кто ж работать будет? И кто будет сажать?

Вечером Прощёного воскресенья Соловьёв вновь обратился к казусу Гудкова, и тут в поддержку последнего выступили депутат-эсер Пономарёв и бывший лидер партии власти (НДР) Владимир Рыжков. Противостояли же болотным активистам депутаты Горячева, Железняк и Жириновский, который чуть не превратил телешоу в цирк. Однако удалось задать убийственно содержательные вопросы бескомпромиссным борцам против жуликов и воров. Почему Рыжков в то время, когда закладывались основы бандитского капитализма, не выступал против коррупции? Не жаловался американцам на Ельцина, семибанкирщину и залоговые аукционы? И нечем было крыть Владимиру Рыжкову.

Выявилась попутно нравственная парадигма несистемной оппозиции. Те, кто не с ними, то есть против кощунств в храме, американского усыновления, Касьянова, Немцова, Рыжкова и пропаганды педофилии, кто осмеливается противостоять прозападной либеральной пропаганде и сомневаться в неподкупности её спикеров – политические проститутки и подлецы... Себе же они разрешают всё, любая подлость в отношении нашего государства зачтётся как мужественный и благородный поступок. Нравственно всё, что направлено на развал России. Поражают убийственные инвективы, тон и лексика противостояния: ироды, уроды, людоеды, нелюди...

В передаче Жириновский не менее шокировал призывами: арестовать, расстрелять и повесить оппонентов. Из чего можно сделать вывод: в России идёт гражданская война, пока только информационная.

А.К.

АКТУАЛЬНО

Сокровища на океанском дне

Арктическая гонка за чёрным золотом станет локомотивом российской экономики и науки

Россия на протяжении многих десятилетий является мировым лидером в области нефтедобычи, соперничая лишь с Саудовской Аравией. Но в последние годы стало ясно, что традиционные месторождения дают всё меньше нефти. А ведь нефть и газ обеспечивают 20% внутреннего валового продукта России, они являются главными статьями нашего экспорта, давая более половины его доходов. Однако основные их месторождения на суше уже частично выработаны, а в Татарстане и Западной Сибири – истощены. По прогнозам экспертов, при существующих темпах добычи эксплуатируемых месторождений России нефти хватит лет на тридцать.

Открытие богатейших нефтяных месторождений на континентальном шельфе Ледовитого океана изменило ситуацию. Разведанные запасы на шельфе Северного Ледовитого океана составляют 25% мировых запасов углеводородного сырья. Протяжённость российского арктического шельфа простирается на 11 часовых поясов, учёные считают, что здесь находятся гигантские нефтяные месторождения. И хотя пока изучено только 10% этого региона, ясно, что под океанским дном скрыты настоящие сокровища, рачительное использование которых может открыть широкий путь к модернизации нашей экономики и её ускоренному развитию.

Глава государственной нефтяной компании «Роснефть» Игорь Сечин заявил, что добыча нефти в арктическом шельфе по своей важности сравнима «с первым полётом человека на Луну». «Роснефть» – крупнейшая государственная компания, которая ставит своей целью в короткие сроки исследовать континентальный шельф Северного Ледовитого океана и разработать современные технологии нефтедобычи с океанского дна в арктических условиях.

Сегодня «Роснефть» ведёт комплексные исследования новых технологий нефтедобычи как на шельфе, в условиях мелководья, так и технологий глубоководного бурения. Здесь возникает множество сложных проблем – от чисто технических до проблем сохранения экологии. Например, Всемирный фонд дикой природы требует, чтобы к разработке арктических месторождений допускались только компании, владеющие методами предотвращения разливов нефти под водой. Такая опасность существует вследствие того, что паковые льды и айсберги могут повредить буровые платформы и оборудование. В этом плане и «Роснефть», и её зарубежные партнёры располагают самыми современными методами предотвращения подобных катастроф.

Правительство России поддержало инициативы «Роснефти», введя новый стимулирующий инвестиции налоговый режим для шельфовых проектов, который привлечёт российских и иностранных инвесторов.

Уже сегодня «Роснефть» наладила сотрудничество с ведущими западными нефтедобывающими компаниями – американской ExxonMobil, норвежской Statoil, британской BP и итальянской ENI. В рамках совместных проектов будут созданы необходимые современные технологии, которые, безусловно, найдут применение и в других отраслях нашей экономики. Таким образом, арктическая гонка за чёрным золотом в глубинах океанского дна станет мощным катализатором инновационного развития.

Разработка новых арктических месторождений создаст мультипликативный эффект для многих отраслей промышленности и позволит создать большое количество рабочих мест.

По экспертным оценкам, инвестиции в освоение проектов арктического шельфа Российской Федерации могут достичь 500 млрд. долларов. Это даст сильнейший импульс развитию цепочки поставок для шельфовой нефтегазовой отрасли России, создав огромный спрос на продукцию и услуги судостроения, машиностроения, транспорта, металлургии, энергетики, индустрии сжиженного природного газа, нефтегазохимии и нефтепереработки. Немаловажно, что соглашения со стратегическими партнёрами предусматривают размещение 70% всех заказов оборудования на территории РФ.

Таким образом, осваивающая высокие технологии нефтяная отрасль станет настоящим локомотивом развития народного хозяйства.

Роман ПОПОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ

История первая:

Тот, который знал всё...

В незапамятные времена жил в Древнем Египте великий учёный. Он работал землемером у самого фараона. Главной задачей землемера было точное вычисление сроков и масштабов приливов и отливов великой реки Нил, плодородные берега которого, собственно говоря, и позволили египетской цивилизации существовать многие тысячи лет. Имя землемера не сохранилось, потому что фараон за великие заслуги перед отечеством велел переименовать его (посмертно) и причислить к сонму богов под именем Тот (изображавшегося в виде птицы ибис).

Тот, которого греки, а затем и римляне стали звать Гермесом Трисмегистом (Триждывеличайшим), написал множество книг по астрономии и астрологии, геометрии и математике, социальной психологии, лингвистике и философии.

Большинство из них погибло во время пожара в Александрийской библиотеке. Сохранились только Tabula Smaragdina («Изумрудная скрижаль») и «Великий Поймандр» («Пастух людей»). В личной библиотеке Исаака Ньютона было пять экземпляров гермесовых книг от различных издателей.

Открытия Тота-Гермеса описаны Диодором Сицилийским и Платоном. Тот изобрёл фонетический алфавит, заменив тысячи иероглифов несколькими десятками более простых символов. По одному на фонему. От алфавита Тота произошли финикийский, греческий, латинский языки. А затем и наша кириллица.

Вторым великим открытием Тота были натуральные числа 1, 2, 3 и так далее. Древние так гордились этим изобретением, что долгое время никаких других чисел и знать не хотели.

До Тота египтяне верили, что существует самое большое число на свете – это сумма налога фараону. А Тот сказал, что всегда можно прибавить единицу, и стал использовать понятие бесконечности.

Тот создал геометрию и записал её постулаты, которые позднее стали приписывать греку Евклиду. А Евклиду, надо отдать ему должное, не просто позаимствовал египетскую геометрию, но и изрядно её упорядочил. За что и заслужил уважение потомков.

И самое удивительное – Тот и его ученики измерили радиус Земли, посчитав число верблюжьих шагов на пути от Фив до Мемфиса. Зная разность угловых высот Солнца в один и тот же день над обеими египетскими столицами, древние геометры легко вычислили радиус Земли, причём абсолютно точно.

А вот греки отнеслись с недоверием к этим вычислениям и посчитали по-своему – при помощи триремы, плывшей от Египта до острова Родос. У них Земля вышла в два раза больше, чем на самом деле.

Упомянем ещё, что Тот создал астрономию, необходимую для расчётов приливов, и заодно астрологию – для предсказания будущего.

А в завершение этот необычайный человек изобрёл игру в шашки.

Древние греки овладели египетской учёностью с помощью промышленного шпионажа, как в шутку, но весьма точно заметил недавно российский математик академик В. Арнольд. И получается, что первым индустриальным шпионом человечества был знаменитый Пифагор. Где-то на рубеже 580 года до нашей эры

он, заручившись рекомендациями самосского тирана Поликрата, предстал пред светлые очи египетского фараона, и тот, из каких-то геополитических раскладов, решил допустить дерзкого грека к тайным знаниям своих жрецов.

Пифагор провёл в Египте около двадцати лет и перенял всё, что только можно было перенять. И вдобавок теорию переселения душ и вызванное ею вегетарианство.

Пифагор дал слово жрецам не публиковать полученные им научные знания и поэтому рассказывал их только доверенным ученикам. В особом секрете хранилась тайна несоизмеримости диагонали квадрата с его стороной. Ибо это подрывало основы пифагорейской философии. Сегодняшние историки науки называют этот период первым кризисом оснований математики. Этот кризис состоял в том, что обычных арифметических дробей было недостаточно для необходимых вычислений. Греки отправили в Египет ещё одного талантливого шпиона, Евдокса. И он привёз оттуда теорию иррациональных чисел, решившую все проблемы греческих землемеров и строителей.

Пифагор же, возможно, от нервного расстройства, решил заняться политикой и стал обсуждать на занятиях со своими учениками актуальные проблемы древнегреческой жизни. Это его и погубило. Один из учеников, видимо, по наущению афинских властей, поджёг дом, где проходила встреча Пифагора с учениками. Никому не удалось спастись... Хотя ряд древних авторов утверждает, что Пифагору удалось сбежать и он скрылся у вавилонского царя Камбиза.

Владимир ПРОХВАТИЛОВ

ЛАБИРИНТЫ СОЗНАНИЯ

На каком языке думают люди...

Психолингвисты ищут ментальный код человека

На русский язык переведён мировой бестселлер – книга американского психолингвиста Стивена Пинкера «Язык как инстинкт». Бестселлер в самом серьёзном смысле этого слова. Эта книга повествует о последних достижениях психолингвистики, науки, родившейся не так давно. Её основоположником считается самый знаменитый лингвист современности американец Ноам Хомский, создавший трансформационно-генеративную грамматику – свод правил или Универсальную грамматику, на которой основаны все естественные языки – английский, русский, суахили и так далее. Научная «платформа» Хомского считается в США общепризнанной, а у нас, в России, она малоизвестна. На пространстве СНГ по трансформационной грамматике защищена всего одна диссертация, да и то на Украине. Хотя именно на работах Хомского и основателя общей семантики графа Альфреда Коржибского построена психотехника известного во всём мире нейролингвистического программирования.

Стивен Пинкер в своей книге рассказывает о некоторых идеях школы Хомского, которые могут радикально изменить мировоззрение читателя.

– Вы ведь не считаете, что у человека вырастают руки и ноги потому, что он практикуется в беге и гимнастике? – спрашивает он. – Точно так же и язык является врождённой способностью человека, он в нас заложен генетически.

Это одна из ключевых идей теории Хомского. Много было споров и дискуссий на эту тему на протяжении всего прошлого века. Но после того как генетики идентифицировали и расшифровали участки генома в человеческой ДНК, отвечающие за некоторые дефекты речи и в целом за афазию (утрату способности говорить), осталось подождать, видимо, совсем немного, когда будет найден и расшифрован весь генетический код, благодаря которому мы обладаем даром речи.

А вот как быть с мыслекодом, в существовании которого уверены и Хомский, и его ученики?

Ноам Хомский считает, что мышление и язык – не одно и то же. Что существуют ментальный код (мыслекод) и ментальная грамматика, которая ничего общего не имеет с универсальной грамматикой языка.

Что они собой представляют, эти ментальные шифры или коды человеческого сознания? Американские психолингвисты пока в этом не разобрались. Весь XX век шли философские споры на эту тему. И конца им не видно.

Пётр ГРОМОВ

ВСЕМИРНАЯ ПАУТИНА

Антиутопия техногнозиса,

или Магический мир Рэя Оззи

Суперуспешная корпорация «Эппл» в последние годы вроде бы обошла на вираже своего главного конкурента – корпорацию «Майкрософт» и заполонила весь мир своими «Айфонами» и «Айпадами». Однако на самом деле «Майкрософт» развивает успешную экспансию на совершенно другом направлении.

А всё началось с книги, которую написал американский культуролог Эрик Дэвис: «Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху». Техногнозис в данном случае можно толковать как техногенную квазирелигию. Дэвис считает, что современный человек живёт в магическом мире. Раньше принцип работы любого технического устройства – лопаты, молотка, лампового телевизора или радиоприёмника, автомобиля и телефона – был понятен технически грамотному человеку, и многие могли их самостоятельно починить. Этот мир был сложен, но понятен. Сейчас картина изменилась.

Современная цифровая техника удобна в использовании, комфортна, но принципы её работы известны лишь узкому кругу посвящённых – высококлассных инженеров и разработчиков. Пользователь лишь нажимает кнопки, пока аппарат работает, и идёт к «магу-волшебнику» – специалисту сервисного центра, когда он сломался или барахлит.

До последнего времени исключением был лишь самый революционный сектор – мир компьютеров и Интернета. И вот главный архитектор программного обеспечения Microsoft Рэй Оззи опубликовал в блоге свои размышления о будущем, в котором уже нет персональных компьютеров.

В статье «Заря нового дня» Оззи напомнил, что, едва начав работать в Microsoft, он разослал сотрудникам компании меморандум, предваривший значительные изменения в деятельности компании. Сейчас, считает Оззи, Microsoft уверенно движется в направлении так называемых облачных (cloud computing) сервисов.

Что такое облачный сервис? Это когда на столе у пользователя лишь монитор и клавиатура, да ещё тоненький ящик, который даже компьютером назвать нельзя. Его так и называют – «тонкий клиент» (thin klient). Это такое смешное название для небольшой коробочки, в которой, кроме разъёмов, ничего нет. Вся обработка информации происходит на серверах провайдера. Ну а провайдер, в свою очередь, может передать все вычислительные полномочия ещё выше, вплоть до штаб-квартиры «Майкрософта».

Оснащение офиса тонкими клиентами вместо полноценных компьютеров даёт серьёзную экономию в бизнесе, и всё идёт к тому, говорит софт-архитектор Рэй Оззи, что рано или поздно мир откажется от персональных компьютеров в том виде, в каком они существуют сейчас: «Мы идём в мир облачных непрерывных сервисов, которые всех нас объединяют и исполняют наши пожелания, и подключённых устройств, позволяющих нам взаимодействовать с этими облачными сервисами».

Подключёнными устройствами Оззи называет всевозможные устройства самых разных форм и размеров, предназначенные для выполнения различных задач (общение, созидание, потребление). Каждый человек ежедневно будет взаимодействовать с целым рядом таких устройств, причём любое из них можно будет в любой момент легко и без потерь заменить другим.

Пользоваться такими устройствами будет исключительно просто, пишет Оззи. В то же время нынешняя модель взаимодействия компьютеров с сервисами страдает от сложности.

«Сложность убивает. Сложность высасывает жизнь из пользователей, разработчиков и IT-инженеров. Сложность приводит к тому, что продукты трудно проектировать, создавать, испытывать и использовать. Сложность тянет за собой проблемы безопасности. Сложность разочаровывает руководство», – пишет он.

Соответственно, следует отказываться от сложности в пользу простоты – то есть двигаться к миру с разнообразными простыми устройствами, подключёнными к облачным сервисам. До того как этот мир станет реальностью, ещё далеко, но уже сейчас следует представлять себе, что к этому всё идёт.

Человек будущего, которое сконструируют по лекалам Рэя Оззи, подключён к глобальной «Мыслящей Паутине», к Интернету, управляемому специалистами Microsoft по разрабатываемым ими облачным технологиям с помощью подключаемых устройств ВСЕГДА и ВЕЗДЕ. Такой мир будет казаться простым и понятным простому обывателю, хотя в действительности он будет и непонятным, и сложным.

Постоянная включённость во все фазы бытовой жизни, постоянное воздействие на все контуры мышления позволят «верховным магам» держать целевую аудиторию – сотни миллионов человек – в полном психологическом управлении. Пресловутая «самоподдерживающаяся критичность» Джина Шарпа, которая необходима для «оранжевых революций», будет индуцироваться за считаные часы, потому что смыслы-вирусы будут актуализироваться в сознании людей практически мгновенно. Если сейчас спецслужбы национальных государств сосредоточивают свои усилия – и не без успеха – на выявлении скрытых каналов управления цифровой техникой (компьютерных закладок), то в магическом облачном мире Рэя Оззи такое противодействие станет невозможным. Кстати, облачные технологии американские эксперты будут разрабатывать и в российском граде Сколково.

Проектируемый американцами глобальный виртуальный сервис превратит людей в адептов Всемирной Церкви Мыслящей Паутины (это будет так называемая безмасштабная социальная сеть со свойствами «тесного мира»), причём никто и нигде этого вслух не скажет и не признает. Здесь будет сетевая цензура, сетевые аятоллы-сисадмины и модераторы. Их власть будет практически безграничной – так как лишение доступа в Сеть (отлучение от Церкви) нарушителя сетевой дисциплины превратит его в изгоя и социального аутсайдера. Причём через некоторое время, когда синергетическое воздействие по всем фазам инфопространства импринтирует в сознание человека императив безусловной лояльности к «верховным жрецам Церкви Мыслящей Паутины», не потребуется карательных санкций – будет включаться подсознательный импринт внутренней цензуры, как в добрые старые времена тоталитарных империй.

Учитывая всё нарастающий тренд глобализации, в том числе информационной, учитывая полное доминирование в этих сферах американских «проектировщиков», сделаем неутешительный вывод: противостоять превращению мирных граждан в безропотных адептов Церкви Мыслящей Паутины будет непросто.

Владимир ВИКТОРОВ

Ведущий проекта **Владимир ПРОХВАТИЛОВ**

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

Дурной пример

«ЛГ», № 5, 2013

Российская академия образования – организация, осуществляющая научные исследования и экспертизу в области образования, а значит, её гриф (рекомендовано или допущено РАО) – не декоративная виньетка, а некий знак качества. Так, во всяком случае до недавнего времени, считали тысячи российских педагогов. После скандала с Примерной программой по литературе для 10–11-х классов, созданной лабораторией литературного образования ИСМО РАО под руководством доктора филологических наук Бориса Ланина, в знаке качества засомневалось даже Министерство образования и науки, открестившееся от «продукта» профессора Ланина.

«ЛГ», № 10–11, 2013

Отвечая на критику, авторы программы особенно упирают на слово «примерная», которое по своему прямому смыслу должно означать «приблизительная». Но есть и ещё один смысл – «образцовая», то есть «служащая примером». Именно этот второй смысл и закреплён в пояснительной записке самими авторами из РАО: «**Настоящая примерная программа по литературе… является ориентиром для составления рабочих программ** и определяет инвариантную **(обязательную)** часть содержания образования».

Безусловно, сколько-нибудь значимым документом такая программа (особенно после заявления министерства) являться не может, но в связи с этим важно представлять себе современное состояние нормативной базы по предмету: Федеральный государственный образовательный стандарт **не включает** в себя, как было ранее, перечень дидактических единиц, обязательных для изучения. Между тем на новый ФГОС среднего (полного) образования многие школы РФ перейдут в экспериментальном режиме уже с сентября. На какие же документы ориентироваться при составлении учебников, рабочих и авторских программ? Такие же сложности ожидают разработчиков контрольных измерительных материалов для ЕГЭ, который в принципе невозможен без твёрдого перечня элементов проверяемого содержания.

В основной школе определённым ориентиром в течение двух лет является Примерная программа по литературе для 5–9-х классов («Просвещение», 2010). Применительно к старшей школе до появления Примерной программы Б.А. Ланина («Вентана-граф», 2012) подобных изданий не было. По случайной «оговорке» Ланина («Изучаем Белинского – в 9-м классе, Астафьева – в 6-м классе, Рубцова – в 5...») можно предположить, что разрабатывалась она как авторская – в качестве продолжения программы основного образования, созданной тем же коллективом и обеспеченной учебниками с 5-го по 9-й классы. А в Федеральном перечне учебников, рекомендованных Министерством образования и науки на 2013/2014 учебный год, присутствуют и учебники Б.А. Ланина, В.М. Шамчиковой, Л.Ю. Устиновой для 10–11-х классов. Но по каким-то непонятным причинам разработчики решили выдать свою **авторскую** программу в качестве **примерной**, то есть образцовой, для всех остальных. Именно эта *необоснованная претензия* и вызывает вопросы у профессионалов. Почему необоснованная?

Данная программа *неполна*, поскольку из неё исключены имена и произведения некоторых классиков. В список для БАЗОВОГО уровня не попали Н.С. Лесков, А.К. Толстой, А.И. Куприн, В.П. Астафьев, Н.М. Рубцов и некоторые другие писатели. Указание на то, что в программе для основной школы эти имена присутствуют, проблемы не решает. Просто в 5–9-х классах традиционно изучаются, например, «Левша» и «Белый пудель», а в 10–11-х классах – «Очарованный странник» и «Гранатовый браслет». И это абсолютно разные уровни изучения.

Важнейшей «конструкцией» всего литературного образования является историко-литературный курс (9–11-е классы). Именно он «выстраивает» в сознании ученика и новые, и уже знакомые имена и произведения в определённую последовательность, помогая постичь логику развития отечественной культуры, диалектическую связь традиции и новаторства. Как можно дать объективное представление о литературном процессе второй половины XIX в. на основе программы, в которой нет даже упоминаний о Лескове и Чернышевском? Таким образом, ослабление, «размывание» историко-литературного курса – наиболее болезненный удар по школьному изучению классики в целом.

Программа *нереалистична,* попросту *невыполнима*. Она действительно *«разгружает»* старшеклассников, оставляя им два часа литературы в неделю на базовом уровне вместо обязательных трёх. Но при этом она *дополнительно нагружена* сложными для школьников произведениями. Например, в ней предполагается изучение на базовом уровне, кроме «Преступления и наказания», романа «Братья Карамазовы». За счёт каких ресурсов это должно произойти, программа не уточняет. То же самое можно сказать и о теоретико-литературном трактате С.А. Есенина «Ключи Марии», особенно неожиданном на фоне отсутствия русской критики XIX столетия вообще. При уменьшении часов общее количество изучаемых авторов существенно увеличилось (в основном представителей современной литературы). Кроме профанации или подлога, ни к каким другим результатам это привести не может.

Программа *директивна* (если не сказать – *тоталитарна*) и практически не оставляет свободы ни авторам учебников, ни учителям. Речь идёт не о модулях, которые допускают определённый выбор, а именно о безальтернативном списке имён и произведений. Традиционно в школе по вполне понятным причинам было принято подходить к выбору представителей современной литературы с большой осторожностью. Действующий стандарт (2004 г.), называя в одном разделе фамилии писателей второй половины XX века, предлагал ознакомиться с их творчеством по выбору, определяя лишь количество – не менее трёх, например. А вот Примерная программа в этом отношении гораздо менее «демократична» и в списке для *обязательного* изучения на *базовом* уровне не просто называет фамилии современных писателей, но и «закрепляет» за каждым из них конкретные произведения: В.П. Аксёнов «Звёздный билет», В. Пелевин «Generation «П» и т.д. При этом вопрос о том, можно ли вообще НЕ изучать творчество, к примеру, Пелевина, судя по всему, даже не предполагается...

В коллаже использован фрагмент картины Н. Богданова-Бельского «Устный счёт»

Программа *тенденциозна*, поскольку заложенная в ней концепция современного литературного процесса крайне однобока. Внимания удостоены лишь представители «постмодернизма». Даже без политических обобщений налицо стремление создать в сознании учащихся необъективное (а значит – недостоверное) представление о состоянии современной литературы.

Программа *неграмотна* с теоретико-литературной точки зрения и изобилует фактическими ошибками и неточностями. Например, в «Общей характеристике учебного предмета» дан следующий набор теоретических понятий «два типа творчества (романтизм и реализм); роды и жанры литературы; литературный тип; постмодернизм; современная массовая литература». Именно на этих понятиях предполагается построить весь курс 10–11-х классов! Непонятно тогда, каким образом учащиеся получат сведения «о важнейших литературных направлениях», если из этих направлений назван только «постмодернизм».

Правда, затем, в разделе «Содержание обучения», даётся несколько изменённый перечень теоретико- и историко-литературных категорий: «Реализм как литературное направление. Тропы и стилистические фигуры. Драма как жанр. Понятие об экзистенциальном романе. Роман-эпопея. Художественная деталь. Гротеск и фантастический элемент в сатирическом произведении. Драма как род литературы. Виды драмы. Символическая деталь. Диалог в драме. Способы выражения авторской позиции в драме. Акмеизм. Футуризм. Реализм и социалистический реализм. Аллюзии и реминисценции. Жанровые особенности повести-притчи. Жанр иронической эпопеи. Связь литературы с другими искусствами». Бросается в глаза абсолютная бессвязность этого перечня – создаётся ощущение, что понятия и термины записывались в той последовательности, в которой вспоминались. Видимо, пробелами в памяти можно объяснить и отсутствие, например, символизма (хотя акмеизм и футуризм присутствуют).

Подведём итоги. Безусловно, перед нами «продукт» крайне низкого качества с профессиональной точки зрения. Но заслуживает ли его появление такого «шумового сопровождения»? Заслуживает, если рассматривать эту программу как следствие гораздо более опасного явления. Свежеутверждённый стандарт для старшей школы показал, что государство не захотело брать на себя ответственность за содержательное наполнение образования. И «экспериментальная» программа наглядно продемонстрировала, во что это может обойтись российской школе. Поэтому нужно не ждать новых всплесков программного «творчества», а ставить вопрос о необходимости возвращения перечня дидактических единиц (в случае с литературой – перечня обязательных для изучения произведений) в текст стандарта. Причём после серьёзного обсуждения в профессиональном сообществе.

Только тогда мы будем знать: что же наши дети гарантированно и бесплатно будут изучать в школе. Кроме того, до сих пор остаётся неясной официальная реакция на единодушный протест против искусственного объединения в стандарте среднего (полного) образования двух самостоятельных предметов – русского языка и литературы. Никаких внятных комментариев, на какой основе предполагалось такое объединение, никто до сих пор не услышал.

Доктора филологических наук: **Н. КОРНИЕНКО,** *член-корреспондент РАН (ИМЛИ РАН)*; **В. КОШЕЛЕВ**, *профессор Новгородского государственного университета;* **Ю. ЛЕБЕДЕВ**, *профессор Костромского государственного университета;* **А. ЛЮБОМУДРОВ** *(ИРЛИ РАН)*; **М. ЩЕРБАКОВА** *(ИМЛИ РАН)*; **Е. НИКОЛАЕВА и Н. ТРОФИМОВА** – *профессора МПГУ. Доктор педагогических наук* **С. ЗИНИН,** *профессор МПГУ. Кандидаты филологических наук, доценты МПГУ* – **Е. ВОЛКОВА, С. ПАНОВ, Е. ПОДАРЦЕВ.**

КНИЖНЫЙ РЯД

Помни о памяти!

Джонатан Хэнкок. **Как тренировать память. Не думайте о памяти – лучше используйте её на все сто!** / Перевод с английского. – М.: Претекст. – 2013. – 272 с. – 1000 экз.

«Старость не радость!» – вздыхаем мы, возвращаясь домой за забытым кошельком или мобильником. «Память девичья!» – выговариваем дочке, перепутавшей покупки в магазине. «Выключи свет!», «Полей цветы!» – взывают разноцветные бумажки, примагниченные к холодильнику. В общем, с проблемой забывчивости сталкивался в своей жизни каждый. В лучшем случае мы заводим несметное количество записных книжек, органайзеров, плакатов и прочих наглядных пособий, в худшем – глотаем таблетки.

А есть и другие пути. Джонатан Хэнкок – чемпион мира по использованию памяти (есть, оказывается, такой титул) – ещё в школе на спор показывал чудеса мнемотехники и попал-таки в Книгу рекордов Гиннесса. Дважды. Он издал 10 книг о мышлении и обучении и предлагает каждому из своих читателей использовать свою память «с блеском». Что это такое и как это сделать – излагается в труде со скучным названием «Как тренировать память». Эту книгу нельзя читать, как нельзя читать задачник по химии: она состоит из конкретных заданий, советов, вопросов и экспериментов. Задачки надо решать, задания – выполнять. В результате... в результате ваша жизнь, как и положено, изменится к лучшему!

Главный принцип тренировки – сделать процесс запоминания эмоциональным и чувственным. Всем известно, что память пианиста или наборщика живёт в пальцах, а воспоминания детства могут, как у Пруста, притаиться в чашке липового чая. Запоминает мозг? Конечно. Но с помощью яркой картинки, звука, запаха, вкуса и осязания простой перечень слов, дат или имён впечатается в сознание навеки – упражнения в книге Хэнкока в этом убеждают. Автор делится современными методиками накачивания «мышц мозга», но не отказывается и от способов древних римлян, так называемые loci, когда техника запоминания основана на мысленном путешествии вокруг тщательно выстроенных и изящно украшенных мест. Всё это представляется наглядным и несложным, но, как любое умение, требует сосредоточенности и работы.

Овладев искусством чувственного запоминания, вы откроете новые грандиозные возможности своего мышления (что, по словам автора книги, очень приятно), перестанете всё путать и забывать, произведёте ослепительное впечатление на собеседовании с работодателем... и подтвердите правоту поэта: «О память сердца! Ты сильней рассудка памяти печальной».

Карина ЗУРАБОВА

Дежавю

Статья Варвары Васильевой «Зеркало безработицы» («ЛГ», № 2–3) вызвала у меня противоречивые чувства. С одной стороны, матери, желающей для сына всего самого наилучшего, сочувствуешь, а с другой – меня несколько озадачил следующий пассаж: «Работу-то ему ведь предлагали... Но ведь не может же мой умный и нежный мальчик быть просто чернорабочим на стройке или продавцом в супермаркете. И тут мне вспомнились мудрые слова главного инженера металлургического завода, сказанные когда-то мне – молодому инженеру: «Хватайся за всё! Пока выяснится, что ты ничего не умеешь, чему-нибудь да научишься». Я это вот к чему: жизнь настолько быстро и непредсказуемо меняется, что, возможно, в обозримом будущем вакансии чернорабочих и продавцов в супермаркете, с негодованием отвергаемые сейчас нашими детьми и нами – их родителями, будут заняты.

Вот читаю на ленте новостей: «Глава ФМС России Константин Ромодановский и начальник миграционной службы при правительстве Таджикистана Сафиало Довонаев подписали соглашение, освобождающее граждан этой республики от постановки на учёт в России в течение 15 дней».

Я сам живу в городе Всеволожске Ленинградской области, куда переехал в 1999 году из Казахстана. Не открою Америки, если скажу, что после крушения СССР многие русские, и не только они, по разным причинам были вынуждены покинуть среднеазиатские республики. С какими материальными и моральными потерями происходил этот исход, с каким трудом я и мне подобные получали позже гражданство РФ. Какие там 15 дней!

Казалось бы, всё позади, но с некоторых пор меня стало посещать состояние дежавю, будто я никуда, собственно, из Казахстана и не уезжал. Всё больше и больше на улицах районного центра стало появляться людей среднеазиатской внешности, которые звонили в двери и предлагали услуги: строить, копать, ремонтировать. Зазвучала нерусская речь, чужие музыкальные мотивы, забегали чернявенькие ребятишки, которые вели себя довольно уверенно на занятых их родителями дачных участках и даже как-то мне и моим соседям, когда мы им сделали замечание, посоветовали убираться с ИХ земли.

Понимаю, что тема больная и совсем неслучайно Владимир Путин заострил на вопросах миграции внимание в своём послании Федеральному собранию и потребовал наконец навести в этом вопросе хоть какой-то порядок.

Нисколько не сомневаюсь в том, что с соседями нужно жить дружно. Знаю, что не от райской жизни мигранты из своих тёплых и благодатных стран едут к нам, в непривычные для них климатические условия. Их жалко. А нас, живущих здесь со времён царя Гороха, не жалко?

Я сидел в поликлинике, ждал свою жену, которая пришла на приём к терапевту. Мимо сновали люди с явно неславянской внешностью, которые тоже болеют и нуждаются в медицинской помощи. Одна таджичка или узбечка, или киргизка громко ругала своего ребёнка, который, как и все дети, шалил. А потом просто стала его жестоко избивать, оглашая помещение тюркской бранью. Люди угрюмо глядели на эту экзекуцию и молчали. После того как я вмешался, женщина схватила (своего?) ребёнка и поволокла его, словно куль, по лестнице.

Мы вышли с женой на улицу и сразу же наткнулись на множество тюркских женщин с детьми, занимающихся попрошайничеством. И так на всех подходах к больнице, вокзалу, магазинам. Но наши люди, как правило, проходят мимо, мимо, мимо...

Что это? Мы, всегда отличавшиеся отзывчивостью, разучились сострадать чужому горю? Нет и ещё раз нет! Просто мы чувствуем опасность, шкурой, всем нутром, чутьём, соизмеримым со звериным. Это инстинкт самосохранения, возбуждаемый социальной несправедливостью и истерией в наших электронных СМИ. С утра и до ночи по всем телеканалам долбят и долбят по затылку рассказами и показами зверств мигрантов: «...зверски изнасиловал... убил... задушил... ограбил...»

А на улице везде ОНИ, где-то живущие, в каких-то «резиновых» квартирах, в бытовках, в нечеловеческих условиях... Но, значит, им

«ЛГ», № 2–3, 2013

в этих рабских, скотских условиях, в которые их погружают наши «работодатели», лучше, чем дома, и они пытаются любыми путями зацепиться здесь, чтобы просто выжить. Или в дальнейшем рассчитывают выжить отсюда нас?

А тогда нам куда податься со своей земли? У нас другой земли нет. У них есть, а у нас – нет.

«Аналитическая система ФМС выявила порядка 400 000 граждан Таджикистана (а скольких не выявила!), по которым в ближайшее время будет подготовлено представление о неразрешении въезда в Россию», – сообщили в ФМС. А что делать с теми, кто нелегально растворился и ещё растворится на наших необъятных просторах? Будем с почётом провожать восвояси за свой счёт, отдавать им наши рабочие места, а потом становиться клиентами всевозможных бирж труда, получателями пособий по безработице и заливать своё русское горе сивухой и материнскими слезами?

Владимир КРОТОВ,
ВСЕВОЛОЖСК

Специалист на выброс

Не согласен с теми, кто называет молодого человека «маменькиным сынком» («Зеркало безработицы», № 2–3) и обвиняет его в снобизме, призывая приспосабливаться к нынешней ситуации. То, что государству его специальность не нужна, это же трагедия, если ты гражданин, а не приспособленец или лавочник. Зайдите в любой магазин, пройдитесь по рынкам – все товары, за редким исключением, заграничные. Мы болтаем о Сколково, но кому нужны инновации и нанотехнологии, если промышленность уничтожена? Почитайте бесконечный список закрытых и обанкроченных в ходе перестройки предприятий. Мировая история ничего подобного не знала. Если ориентироваться на список наших промышленных товаров, зачем образование реформировать? Давайте одним махом закроем все технические вузы!

Моему поколению повезло. Я – геолог, окончил институт в 1951 году. Мы ещё не защитили дипломы, а нам уже предлагали рабочие места – выбирай от Камчатки и Сибири до Кавказа и Белоруссии. Я никогда ничего у начальства не просил, «локтями» не работал, в компартии не состоял. Каждый новый проект был сложнее предыдущего, т.е. задания мне давали «на вырост». Первые два года проработал – послали на курсы повышения квалификации в МГУ, без отрыва от производства защитил кандидатскую, затем – докторскую диссертации.

А в 1993 году... стал безработным – начался развал геологии.

Сын моих коллег окончил престижный во времена СССР Московский институт стали и сплавов (МИСиС). Работать по специальности не пришлось – началась перестройка. Пропали знания, которые он обретал пять лет, пропали труды его преподавателей и средства, вложенные в специалиста государством. А если бы его отрасль сохранилась и развивалась? Тогда России не пришлось бы покупать рельсы для скоростной дороги Петербург–Москва... в Японии, которая не имеет своих месторождений железной руды и каменного угля!

Приходится слышать, что сейчас – время небывалого развития технологий, поэтому человек психологически должен быть готов не одиножды сменить профессию. На самом деле речь идёт именно о технологиях. А большинству профессий требуется посвящать всю жизнь. Первые учителя Древней Греции выводили буквы и цифры палочкой на песке, потом были гусиные и стальные перья, шариковые ручки, пишущие машинки, сейчас – компьютеры. Но профессию учителя, педагога никто ведь не отменял.

Так что дело не в снобизме героя статьи, а в системе, сделавшей безработными и ненужными миллионы специалистов.

Юрий ПОТАПЕНКО

ИМЕНА Поэзия Болгарии

Больше чудес в рукаве не осталось

Елка НЯГОЛОВА

Поэт, переводчик, издатель, беллетрист. Автор девятнадцати книг стихов и прозы. Создатель и первый председатель международного творческого объединения «Славянская литературная и художественная академия». Главный редактор журнала «Знаки». Директор на Балканах МАПП (Международная ассоциация писателей и публицистов). Член Европейской академии литературы и искусства. Печатается в периодике Болгарии, а также на Украине, в России, Франции, Германии, Сербии, Греции, Польше, Швейцарии, Венгрии, Хорватии, Румынии, Македонии и др. Лауреат многих национальных и международных премий. Член правления Союза болгарских писателей.

ПРИЧАСТИЕ

В церковном дворе, где играли когда-то
И детство держали в ладонях заката,
Нам что-то шептала тогда шелковица
Про тайные знаки. И бледные лица
Почти что вплотную приблизив
друг к другу –
Истории страшные плыли по кругу.
А звёзды, похожие на муравьёв,
Сновали по небу в кустах облаков.

В церковном дворе в безутешной надежде
Встречают весталки меня, как и прежде.
Их души светлы и легки без печали
(Как будто бы жизнь из меня вынимали).
И шепчут историю страшную тут же,
Срывая дыхание. Кружат и кружат.
Иду, как и раньше, по этой тропинке,
Но только теперь я для них невидимка.

Иду по траве, где сверчки притаились,
В лохмотья их платья давно превратились
И губы синеют от той шелковицы,
Молчит под стрехою какая-то птица,
Пернатый дьячок. Освящает молчанием
Всё детство моё, что стремится отчаянно
Обратно, где пишется с буквы заглавной
История жизни моей православной.

Перевод Елены ИВАНОВОЙ-ВЕРХОВСКОЙ

МОНОЛОГ ИЛЛЮЗИОНИСТКИ

Что толку, что истина прячется близко?
На чай пригласить её – сбросить усталость?
Что толку – жить жизнью иллюзионистки,
Раз больше чудес в рукаве не осталось?

И только убитый в упор белый кролик –
С улыбкой достану его я оттуда.
Жизнь слепит фальшивою рампой, поскольку
Уже не осталось надежды на чудо.

Пусть истину высветит лучик софита,
Никто не заметит рождения мифа.
Ну что ж, что любому я – книгой–
раскрыта? –
Живите спокойно – я вовсе не рифма.

Опять рукава поменяю и маски –
Друзья мне простят эту детскую шалость.
Они так мне верят, как верили в сказки.
А прочее? Ветру оставим, пожалуй.

СОЛНЕЧНЫЙ КОЛОДЕЦ

Водой переполняются колодцы.
Какой-то одуванчик шапкой машет.
И дерево стремится поклониться
земле благословлённой нашей.
Земле, впитавшей песни нашей речи, –
кто скажет, что в крови нет вспышек
молний,
когда возносятся каштанов свечи,
а птицы вдруг становятся безмолвны.
Они, быть может, шёпотом воркуют,
Возносятся молитвенные требы
за наши слёзы в пятницу Страстную,
когда ты сам себе и крест, и небо.
Расшатанную лестницу ты всё же
поднимешь к свету, с мраком спорить смея...
Мрак утянуть назад за руку может.
В глазах у одуванчика темнеет...
Любимый поцелует так поспешно –
в руках его иголку обнаружишь.
Проступит кровь на пальцах загрубевших,
а взгляд его напомнит зимний ужас!
Но если птицы молятся незримо,
и дерево кладёт свои поклоны,
одной иглою сможет твой любимый
колодец вырыть солнечный, бездонный.
Он за тебя приемлет эти муки!
Остановись – взгляни, как блещет солнце!
Ты поцелуй исколотые руки,
и Пасха в этот самый миг начнётся...

Перевод Елены ИСАЕВОЙ

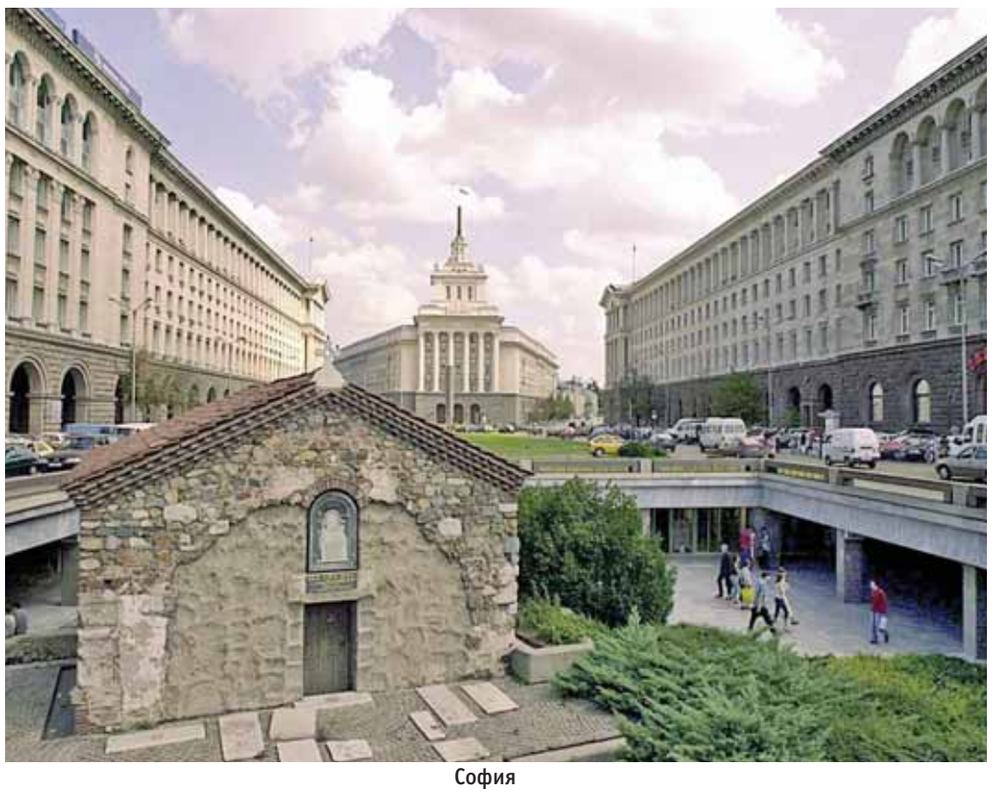
ДАЙ МНЕ СВОБОДУ

Не посмотреть назад,
Не рыться в замёрзших корнях!
Нет ничего,
Что согрело бы эти руки
И душу.

Светлый дым клубится –
Глаза выискивают убежище.
И льётся из пальцев музыка,
Словно вода.
Откуда взять свободу,
Чтобы избежать всех сетей
И злых решёток,
С которыми приходит дождь?
Скитаюсь вокруг –
Постоялый двор для застигнутых
темнотой путников,
И только куча мыслей спросонья,
И лес рук...

Свобода – это
Не выросший ребёнок,
А другой,
Не рождённый,
Ребёнок, спящий под сердцем,
Который ещё растёт.

Перевод Ирины ГОРЮНОВОЙ



София

КАРТИНА БЕЗ АВТОГРАФА

Снег за окном заколдован и спит.
Нет ни следов, ни раздумий, ни звука.
Дремлет капель, и душа, словно скит,
Тоже пуста в ожидании гулком.

Дым из трубы – одинокий сигнал –
В небо письмом без печати струится.
К нам тишину, как безмолвную птицу,
Бог задремавший на землю послал.

Снег осеняет крестом древний храм.
Ходит мой сон возле терм отрешённо.
Снег – заблудившийся ангел – смущённо
Бродит по старым и грязным дворам.

Тихо вокруг. Только в грешной душе
Колокол-странник звонит. Не по мне ли?
Снег, убаюкав курносые ели,
Сонно и медленно правит сюжет.

Мир в Белизне чистой будет парить.
Пусто. Фонарь над окном нависает.
Лишь во Вселенском глазу, воскресая,
Светлый паук ткёт морозную нить.

Может, Господь мне дохнёт на окно,
Подпись поставив под зимней картиной...
Вечным автографом, сев на рябину,
Мёрзнет воробышек в снежном кино.

Перевод Сергея ПОЛЕЖЕВА

ИМЕНА Проза Болгарии

Миниатюры

Николай ПЕТЕВ

Родился в 1951 году. Окончил факультет журналистики. Автор книг «Здесь, во времени» (1984), «Поэзия и позиция» (1986), «Маяк и его смотритель» (1989), «За занавесом политического театра» (1997) и «Маяк, смотритель и ветер» (2006). Был составителем книг «Письма Белинского» и трёхтомного собрания сочинений А.И. Куприна (1988). Председатель Союза писателей Болгарии и председатель агентства «София-пресс». Лауреат премии имени Христо Ботева.

ПОЧЕМУ Я против?

Потому что этот мир мне не нравится, и это не высокомерно с моей стороны. Не нагло. А естественно.

Этот мир мне не нравится:

– потому что он не любит человека;

– потому что болгарин унижен;

– потому что мы не рожаем детей;

– потому что подменяет духовные ценности материальными;

– потому что требует от нас выставить всё на продажу;

– потому что нам приходится любить Россию нелегально;

– потому что охлаждает теплоту человеческих отношений;

– потому что считает только богатых людьми, а бедных – населением;

– потому что хочет отвадить нас искать и находить справедливость;

– потому что заменяет привязанности предательствами. Думаешь, что разговариваешь с Христом, а он оказывается Иудой;

– потому что убивает мечты;

– потому что вытравливает святые вещи;

– потому что бросает бешеные деньги на выхолащивание искусства, лишь бы сделать людей более примитивными и легко манипулируемыми;

– потому что пытается начинить наши души циничными лозунгами;

– потому что сталкивает религии, вместо того чтобы превратить Млечный Путь в икону всего человечества;

– потому что укрывает нас нищетой;

– потому что пытается зачеркнуть память;

– потому что хочет раздавить нашу надежду.

Этот мир нужно изменить.

МНОГОТОЧИЕ

В своих строгих протокольных костюмах ласточки чертят что-то по небу. Уже столько лет... Они не важничают, но, должно быть, это послание очень важное, раз они на протяжении столетий упорно, неуклонно его вычерчивают, а затем спускаются с высот к нам, чтобы узнать, прочитали ли мы его. Словно отчаявшись от нашего непонимания или же по зову судьбы, они выводят несколько новых абзацев, а вслед за этим начинают сосредоточенно и самозабвенно строить свой дом. Приносят в клювиках соломинки, прутики, воду и лепят гнездо. Любопытно, это временное убежище или только знак присутствия среди нас? Потом снова взлетают в небо и снова выводят свои письмена. Они хотят быть понятыми нами. А что – мы? Мы разоряем их гнёзда, уничтожаем их... чтобы они не гадили. Разве таким образом не уничтожаем самих себя? Разве не истребляем в себе доброту, не рушим чужое счастье, а потом имеем наглость требовать счастья для себя? Разве не всё сущее – гнездо: слово, любовь, дом, океан, родина, человечество?

Когда мы его рушим, что это – внутренний человеческий крик или решение – сегодняшнее, сиюминутное, по наваждению? Во все ли века человек поступал так? Если наука развивается, значит ли это, что и человек развивается к лучшему, становится более светлым, чистым, честным? Гезиод ещё в VIII веке до н.э. в своём произведении «Работа и дни» вскользь замечает, что человечество движется к упадку. Сначала – Золотой век, затем – Медный, Железный и т.д. в нисходящем порядке. Сначала – жертвы Первой мировой войны, затем – их резкое увеличение во время Второй, а ныне мы хороним не меньше жертв Третьей. Белые ласточки полностью перевелись. И вы знаете почему? Потому что они бросаются в глаза. И вот тогда приходят хищники и разрывают надежду на части. У меня вопрос – заметив хищников, что мы делаем? Молодцы! – настраиваемся на диалог. И нам аплодируют. А белых ласточек нет и в помине, пока нам аплодируют.

Вот они. Опять возносятся ввысь. В их полёте – столько порыва, настойчивости, красоты. Хотя они уже чёрного цвета, но для нас остаются светлыми. Называют ласточек невестами Солнца. Все мы согласны, что они несут доброту и надежду. Не только потому, что прилетают весной... Но всё ли в этом мире полярно? У ласточек есть и их противоположность – летучие мыши. Называют их ласточками ночи. Они появились 50 миллионов лет назад, первыми. Неужели зло всегда возникает первым? И оно ли является первопричиной возникновения добра?

А ласточки продолжают свою работу, носятся туда-сюда, приносят строительный материал. Их дом готов. И позже, ранним осенним утром, бесшумно, но уверенно взлетают ввысь. Проходят дни, месяцы – и они снова бесшумно и неудержимо возвращаются. Без всяких условий возвращаются, как утренняя заря и вечерняя звезда – вечером. Вечный круговорот... Вот и я уже несколько веков подряд смотрю на них и понимаю, судя по этому повторению, что необходимо свить гнездо, кормить птенцов, пока они маленькие, научить их летать и всегда возвращаться туда, откуда ты вылетел. Но вряд ли всё сводится только к этому. Ещё что-то пишут они, адресуя это нам, своим стремительным полётом. Может, хотят намекнуть, что очень важно понять, из чего состоит вечность? Так вникнуть в её суть, чтобы потом нетрудно было разглядеть за ней будущее.

Однажды мы провели ночь и утро на рыбалке с моим другом Янисом из села Алмирапотамо, заброшенного Богом на берегу между двумя холмами на острове Евия. Янис – праправнук Агамемнона, Архимеда и Аристотеля. А так – и его дед, и его отец были рыбаками. Море и ночью, и утром выглядело зелёным. Солнце на востоке торжественно всходило, наливаясь светом, и перед ним, по кромке зарева, я вдруг увидел тысячи летящих ласточек. Пока я спорил с каким-то снобом, какими бывают обычно люди без идей, что эта картина мне нравится, Янис спросил у меня: «Ты разговариваешь с вечностью?» И дополнил, смеясь: «Лучше скажи что-нибудь о завтрашнем дне, о будущем». Я инстинктивно повернулся в другую, противоположную сторону, и на гладкой морской поверхности увидел игривые солнечные блики и отражённые тени тех многотысячных ласточек, следующих своим вековечным небесным путём. Прошлое всегда отражается в будущем. И не потому ли, что оба мы с Янисом случайно поняли это, на душе у нас стало легко и весело. Начали с того, что принялись тянуть сети, – они были наполнены Вечностью. (Осточертело от тупиц, думающих и утверждающих, что всё начинается сегодня и именно с них.) Мы вытягивали будущее, отягощённое вечными ценностями. Оно – будущее – наполняется смыслом только тогда.

Когда мы вглядываемся пристально во что-то неясное, когда упорно пытаемся разгадать загадку, когда наши локти и колени стёрты в кровь от восхождения к какой-либо истине, мы обязательно проходим по освящённому коридору своей души и берём то, в чём больше всего нуждаемся. Сейчас я вам открою ещё одну тайну, только вам. Я прочитал то, что пишут по небу ласточки. «Будущее всё ещё есть».

Затем они сели на провода и стали похожи на многоточие. В жизни, а также и в литературе оно – многоточие – самая главная вещь.

ПЕРВЫЙ ТРАМВАЙ

Когда теряюсь и все попытки найти себя ни к чему не приводят, я ставлю будильник на пять утра и иду встречать первый трамвай. В это время суток его пассажиры – или безумно уставшие, или стреляющие глазами бодрячки. Им как будто вообще нет дела, куда едут – в сторону Орландовци или Надежды*. Подобные вопросы волнуют лишь нас, жаждущих первого трамвая. Ну а я обязательно хочу добраться до рассвета. Если бы мне удалось отвезти туда всех, вряд ли можно испытать в жизни более прекрасное ощущение. Я осознаю это, может быть, потому что ещё не рассвело, потому что ещё – ночь.

Вот он. Приближается. Пока его не видно, но слышно. Звенит откуда-то из бесконечности. Интересно, почему и хорошее, и плохое в жизни мы сначала слышим, а уже потом – видим. В данном случае звон кажется мне радостным. На неизвестное, человече, ты всегда заранее спешишь наклеить ярлыки – добро, зло... Трамвай неуклюже дребезжит, но приближается. Здорово.

На остановке – никого, зато в трамвае – человек десять. Здесь интереснее всего. Двое мужчин, очевидно, рабочих, о чём-то беседуют между собой. Должно быть, им заступать в первую смену. Какая-то старушка молчит, опустив голову. По-моему, она едет присматривать за внучонком, так как сыну и невестке надо поспеть пораньше на работу. Мужчина в берете со скрипичным футляром в руках уставился на своё отражение в окне. Наверное, всю ночь наигрывал кому-то на ушко. Уж не спорит ли сейчас мысленно сам с собой о величии искусства? В задней части вагона двое молодых целуются. То ли только что встретились, то ли пора расставаться. Судя по тому, как одаривают друг друга глазами и соприкасаются руками, кажется, они очень счастливы. Женщина в зелёном плаще и туфлях со стёртыми каблуками устало прикрывает веки. Не иначе как возвращается с ночной смены. Только пальцы у неё время от времени подрагивают.

Эти совсем-совсем обычные люди едут от бесконечного человечества вперёд. Но куда? Говорят, они соль земли. Но почему меня не покидает ощущение, что их сердца утомлены, а души – съёжились...

Следующая остановка. Никто не садится и никто не выходит. Единственное событие за это время, что рядом останавливается шикарный автомобиль типа «кабриолет» с откидным верхом. В нём – здоровый малый и молодящийся пожилой мужчина с двумя девицами. Одна из них то и дело виновато вскидывает взгляд на трамвай. Вдруг выскакивает из машины и прыгает в вагон. Присаживается на корточках рядом с женщиной в зелёном плаще. Единственное, что слышим: «Прости, мама...» Те, в кабриолете, начинают свистеть, призывая её вернуться к ним. Девушка машет им рукой – мол, езжайте без меня, и, как в дурном сценарии, двери захлопываются. Трамвай трогается, катит дальше. Кабриолет, рванув резко, укатывает на бешеной скорости. «Трамвайный» народ провожает его пассажиров с ненавистью в глазах.

Дребезжит наше чудо. На следующей остановке – всё новые и новые лица: озабоченные, задумчивые, серьёзные, неулыбчивые, несмотря на приветливое утро.

У меня возникает мысль подойти к водителю и попросить его включить музыку, рассказать анекдот или просто сказать пассажирам: «С добрым утром! Здоровья всем вам!»

...Но водителя нет. А трамвай движется вперёд. Что если он вдруг сойдёт с рельс?! Кричу остальным, что у нас нет водителя. Старушка крестится, мать с дочерью прижимаются друг к дружке, рабочие заходят в водительскую кабину и начинают дёргать рычаги. Ну а вдруг рельсовый путь, построенный слишком давно, неожиданно кончится? Музыкант достаёт скрипку и начинает играть. Но это не грустная музыка... Тогда в кабине появились влюблённые. И трамвай воспарил над рельсами. Поплыл в новом, светлом, голубом небе. И у него выросли крылья, как у белого аиста. И все мы ахнули, потому что это был красивый и свободный полёт. И никто не испытывал страха. Мы парили, вольные, над жизнью...

Кажется, только утром, в первом трамвае, когда его ведут влюблённые, можно испытать счастье. Попробуйте. Я там побывал.

НИЩЕТА

Об этой жизни и о той – духа – идёт речь. Неужели эта чёрная опухоль возможна в начале XXI века при наличествующих несметных богатствах? И неужели мечтания стольких гуманистов в истории этого странного человечества ушли на ветер, затерявшись в пустынных местностях? А она, нищета, гнетёт нас, вдавливая друг в друга, выматывает силы, нужные для сопротивления, рубит ветви, готовые мечтательно распустить листья.

Чёрно-белая. Тяжёлая. Сотканная из бесчисленных нервов. И очень, очень уродливая. Вызывающая на наших лицах зловещие гримасы.

Нищета. Нынешняя.

Бедный, неуверенный, без будущего – так выглядит болгарин. Профессора собирают металлолом, двадцатилетние девицы разменивают былую стыдливость на похотливые червонцы, поэты превращаются в сторожей, но не из того самого «ночного дозора», а мёрзнут возле тёмного склада стиральных машин на окраине города, крестьяне умирают, подобно своим запущенным нивам, и время их уносит, как сухой сорняк, в заросшие репейником овраги. А оно, время, не меняется. Молчит, насупившись. Как будто чего-то ждёт. Бросить вызов небу – ради этого стоит жить. Уж не нас ли оно ждёт? Не следует ли нам...

В нынешней Болгарии кто-нибудь любит человека? Мне кажется, что никто не задаётся этим вопросом. И другие знаки препинания висят, как крюки, над нашим мышлением. Поднимут ли они нас, стронут ли с места? Человеколюбиво ли это общество? Бедные люди – они вообще люди? Разве не бесчеловечная ложь, что лишь богатые – трудолюбивы и умны? Разве манипуляция – не самое страшное оружие этого века? «Врите, врите...» – разве этот призыв нациста Геббельса не доведён до филигранной модернизации? Разве человеческие цивилизации – каждая из которых обладает идеями и ценностями – не подавлены цивилизацией денег? Почему мы это допустили? До каких пор?..

Нищета. Тихая, как пустыня. И бесшумный ветер засыпает дороги песком. И они исчезают. Поднимаешься на бархан, с которого видишь очередной. Пытаешься по нему вскарабкаться. Песок тянет тебя вниз. Но снова... И снова... Однако знаю – и Иисус, и Магомет, и Будда, и Моисей, пробиваясь сквозь пустыню, пришли к... К чему? К... мечте. Она и только она – отрицание нищеты. Но как, как же её добиться?

Трудные, нерешённые вопросы, которые воюют между собой издавна и упорно.

Ответы очень сложные, не так-то просто к ним прийти.

Однако я знаю один.

Не уставай, друг, прошу тебя, не уставай. Люби, когда тебя не любят, созидай, когда тебя разрушают, мечтай, когда цинизм тебя захлёстывает. Знаю, такое не проходит даром, но ты не уставай. Эта жизнь – единственная, потому и проживи её как единственную. Из малых примеров вырастает большой. И что с того, что цыплята-бройлеры с конвейера, общипанные до пёрышка, будут смотреть на тебя равнодушно или с житейским презрением, что жизнь может быть и легче, удобнее. Ты только не уставай. Прошу тебя. Люби, когда другие флиртуют, строй, когда в моде картонные домики, подними глаза и посмотри в глаза будущему – ваши взгляды встретятся. И, Боже мой, мой Человек, будет хорошо.

Знаю, что-когда-нибудь ты остановишься. Опустишься на последний камень на склоне жизни, вздохнёшь устало, и с твоих губ слетит: «Что мог – то и сделал». Но в душе твоей будут плескаться волны внутреннего счастья. И всё-таки разве этот день не очень-очень далеко, где-то за горами? Может быть, между ним и тобой – века. Но это тоже замечательно – века стремления. Если у нас нет мечты – значит, ничего нет.

Нищета.

Перевод Максима ЗАМШЕВА

Орландовци – центральное кладбище Софии, Надежда – жилой район столицы. –*Прим. пер.*

www.rosneft.ru

РОСНЕФТЬ

НА БЛАГО РОССИИ

РОСНЕФТЬ
РОСНЕФТЬ
РОСНЕФТЬ
ПОДСОЛНУХ
МАГАЗИН

«Я есть сын крестьянина»

– Осталось всего четыре слова. Жизнь. Смерть. Правда. Ложь.

Так сказал Александр Яковлевич Яшин за день до смерти, когда мы с Василием Беловым прощались с ним. На другой день проститься с Яшиным приехал А.И. Солженицын. Ждал несколько часов, однако Яшин был уже без сознания...

Удивительный писательский и общественный, просто человеческий авторитет был у этого ныне несправедливо подзабытого, как и многие другие замечательные писатели тех лет, человека. Провожать его в последний путь на Бобришный Угор в Никольском районе, самом глухом таёжном углу Вологодчины, приехали многие десятки писателей и были поражены безбрежным морем деревенских людей, которые со всех окрестностей пришли проститься с любимым и знатным земляком.

Причина подобного авторитета не только в том, что он как мало кто помогал людям и прежде всего – писателям. Яшин открыл талант В. Белова, когда, прочитав его книжку стихов, написанную в годы учения в Литинституте, сказал ему: «Тебе надо писать прозу». Он всячески помогал с первых шагов в литературе, выручая его из многих передряг, другому своему не менее талантливому земляку Н. Рубцову.

Яшин был надеждой и опорой всего талантливого литературного Русского Севера; а наш Север – природный кладезь народного русского языка – как известно, дал литературе немало имён.

Яшин и сам входил в литературу из самых что ни на есть таёжных глубин – точнее, самых глубин трудовой народной жизни.

И я ничего не хочу уступить
Из вверенного мне наследства, –

писал он.

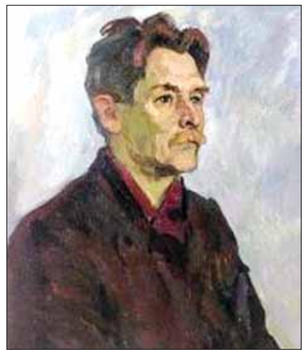
Начинал Яшин ярко и крупно. Окончив в селе Никольском, куда не попадёшь иначе как на самолёте, десятилетку и поступив, представив стихи, в Литературный институт, Яшин в 1941 г. ушёл на фронт. А вернувшись, в 1950 г. получил Сталинскую премию за поэму «Алёна Фомина», по-юношески воспевавшую русскую деревенскую женщину в войну и первые послевоенные годы. А семь лет спустя, став уже по-настоящему взрослым человеком, Яшин публично отказался от Сталинской премии за эту, как ему стало видеться, чрезмерно идиллическую поэму.

Он и остался в моей памяти таким: ясным, прямым и честным. Вспоминаю, как он прилюдно отчитывал в ЦДЛ Юрия Нагибина за сценарий нашумевшего тогда фильма «Председатель»: «Где ты видел таких крестьянок? Они у тебя ряженые», – отчитывал Нагибина Яшин, и тот, знаменитый в ту пору писатель, слушал, потупив взор долу.

Яшин имел право на такой выговор, потому что знал жизнь русской деревни изнутри и был ей предан.

В рассказе «Угощаю рябиной» Яшин писал: «...Я есть сын крестьянина... Меня касается всё, что делается на этой земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил; на полях, которые ещё плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога... Жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам – и мне трудно. Хорошо у них идут дела – и мне легко живётся и пишется». Жизнь его земляков в послевоенные годы, как и жизнь всей страны, складывалась трудно – особенно в деревне.

На смену идиллической – при первой послевоенной встрече с родной деревней – поэме «Алёна Фомина» приходят горькие «Жёлтые листья»:



В. Корбаков. Портрет поэта А. Яшина. 1966

Я сочиняю стихи про жёлтые листья.
Падают листья в речку,
в холодную просинь...
Может быть, это мои прощальные письма?
Может быть, это моя последняя осень?

Я подбираю старательно
слово к слову:
«Речка – овечка – местечка...
дорогу – логу...»

А сенокосы
по речке Козловке
снова
Снег заметает.
Опять – ни скоту, ни богу.

Яшина мучит тяжкое положение, в котором оказалась деревня в послевоенные годы (и в нынешние – не легче). Мука эта оборачивается укором самому себе:

Меня мужики называют своим поэтом.
«Как же так?»
«Ладно ли?» – пишут мне горькие письма.
Что я могу землякам ответить на это?!
Я сочиняю стихи
Про жёлтые листья...

Яшин был пронзительным, проникновенным лириком, влюблённым в природу, чувствующим её как самого себя. Лириком-пейзажистом он оставался и в своей прозе – «Вологодской свадьбе», рассказе «Угощаю рябиной». Его любимым писателем, крайне близким ему внутренне, был Пришвин. Как бесценный завет хранил Яшин шутливые слова Михаила Михайловича Пришвина, который во время одной из совместных прогулок «подошёл к толстой берёзе с поперечными чёрточками на коре, словно строчками стихов, разбитыми лесенкой, осмотрел ствол с одной, с другой стороны и сказал:

– Тут записей разных немало. Поэзии на целую книжку может хватить. Сколько разберёте – всё ваше (из цикла миниатюр «Вместе с Пришвиным»).

Поэтическое наследие А. Яшина, недооценённое, и прежде всего книга стихов «Босиком по земле», убеждает, что по складу своего таланта Яшин был в первую очередь лириком, как и Пришвин, «дружившим с природой на равных».

Что же заставило певца русской природы, влюблённого в Родину, в Русь, обратиться вдруг к острейшей, крутой политической прозе?

По словам К. Симонова в предисловии к «Избранным произведениям» А. Яшина в двух томах (М.:, 1972): «Едва начав писать прозу, Яшин сразу заявил себя мастером». Симонов имел в виду знаменитый рассказ «Рычаги». В рассказе А. Яшин первым из русских писателей, как только появилась возможность, сразу после XX съезда партии, в полный голос сказал о том, что наболело в его сердце, – о бедах русской деревни, погибавшей в тисках бюрократизма, которой управляли люди-«рычаги».

Скромный по размеру рассказ оказался событием не только литературного, но и общественного значения. Практически именно с него и началась новая эпоха в нашей литературе, как и в жизни, – вначале время шестидесятников, потом – шире: время литературы второй половины XX века, по богатству и мощи талантов, силе – как художественной, так и гражданской, законно сопоставимой с великой русской литературой XIX в.

Мощное развитие получили оба традиционные фланга русской литературы: условно говоря, западники и славянофилы, не сразу вступившие в соревнование, поскольку были объединены в протесте против открывшейся трагедии «культа личности». Недаром главной трибуной протеста лучшей литературы той поры стал «Новый мир», вначале К. Симонова, потом Твардовского. Именно туда принёс свою повесть «Привычное дело» В. Белов, которую журнал не решился публиковать, и она увидела свет только в журнале «Север». В «Новом мире» Твардовского публиковались «Вологодская свадьба» и «Угощаю рябиной» А. Яшина. «Новый мир», а потом «Наш современник» стали «родными» журналами Ф. Абрамова и В. Астафьева, В. Шукшина и В. Распутина, В. Солоухина, Е. Носова и В. Лихоносова... Великая русская народная проза 2-й половины XX столетия росла из «Рычагов» Яшина, а как из глубинного корня – конечно же, из «Тихого Дона» Шолохова. Обидно, что это понимают сегодня далеко не все, как не все понимают и принимают простую истину: большая литература возникает только из большой идеи. А эта идея – судьба Отечества, судьба народной жизни. Идея может не совпадать по ориентирам у «левых» или «правых», но она должна быть.

У А. Яшина – свидетельство тому и его поэзия, и его проза, и, конечно, рассказ «Рычаги», эта идея боли и борьбы за Россию – была. Благодаря этой своей духовной, внутренней силе он и остался в литературе.

В своём прощальном напутствии друзьям-писателям в анкете для «Дня поэзии», в канун операции «у самого Блохина», что объясняло, по его словам, «особую ответственность сегодняшних моих чувств», А. Яшин писал: «... Высказывайте себя, своё представление о жизни, своё понимание её как можно правдивее – правдивее настолько, насколько позволяет собственный характер и, конечно же, уважение к своему достоинству. Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив её великим традициям».

Феликс КУЗНЕЦОВ

Курильская защита

В 60-е годы среди нас, молодых тогда сахалинских журналистов, была популярна песня:

Ну, что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода...

Подразумевалось, что нормальная и на Курильских островах, которые непреложно входили в ареал Сахалинской области.

Юрий Макарцев прибыл в областную сахалинскую газету «Молодая гвардия» по окончании журфака МГУ в 1965 году. Сам остров Сахалин, вытянувшийся на тысячу километров с севера на юг, напоминал пустившийся в неспешное плавание корабль. Мы же, его пассажиры, матросы его, выпускники университетов страны, прибыли на остров «не корысти ради», не за длинным рублём, а, как пелось тогда в нашем дальневосточном гимне, – «за туманом и за запахом тайги». За глотком свободы во время мутной и двуличной хрущёвской «оттепели». И, конечно, не раз и не два «ходили» на Курилы не просто оглядывать достопримечательности, но пытаться разрешить множество непростых проблем на Шикотане, Итурупе, Кунашире. Именно там, на цепочке русских островов, журналист мог развернуть свою личность и вписаться в масштабы необозримой страны. И вот уж сколько лет прошло, а сахалинская закваска живёт в нас – сознанием долга перед Отечеством. Юрий Макарцев, восходивший потом по журналистским ступеням через работу в «Комсомолке», собкором «КП» в ФРГ, наконец, заместителем главного редактора «Российской газеты», думаю, вспомнил себя в сахалинском зеркале и написал монументальную художественную книгу – роман «Итуруп».

Один из первых читателей книги Вл. Чепига, и сейчас работающий художником-педагогом в Южно-Сахалинске, так определил тональность произведения: художественная ностальгия. Со своей стороны, я бы уточнила: аналитическая ностальгия – ведь, как пишет автор в предисловии, «книга сталкивает шестидесятые и девяностые годы XX века». В лице одного из персонажей книги – Матвея Захватова, с юности исповедавшего эпикурейский принцип жить ради «приручения удовольствий», Макарцев точно и объёмно рисует образ будущего олигарха. В те годы – будущего, сегодня – являющего собой одного из столпов приватизированной российской экономики. Усвоивший демагогический лозунг «всё для народа», Захватов примыкает в романе к группе чиновников высшего ранга, стремящихся под шумок «толкнуть» Курильские острова японцам «за миллиарды долларов», чтобы якобы «кинуть выручку» на горбачёвско-ельцинскую перестройку.

Фабула книги с разветвлёнными сюжетными радиусами сходится именно в этой точке, болевой и сегодня. Для осуществления «акции сдачи Южных Курил японцам» в 1992 году нужна была видимость общественного мнения, и тут уж без «четвёртой власти», то бишь журналистики, не обойтись. Возникает граница разлома – противостояние неравных сил, и первыми оппонентами преступному проекту выступают герои книги – бывшие одноклассники из подмосковной школы поколения 40-х – Антонина Лесина, Людмила Обидина (Лю) и Андрей. По своей нравственной конституции – твёрдые народники. Журналиста Андрея искушают, как повелось с евангельских времён, земными благами: «Перейдёшь в газету, с твоим пером в любую возьмут, оплатим тебе командировку на острова. Плата за блага: серия статей, которые «пропеть придётся с чувством: Южными Курилами дорожить не стоит».

Первый афронт своему искусителю Андрей выдал жёсткой отповедью: «Поднимать Отечество предлагаешь, отпиливая от него куски земли». Однако Матвей Захватов ведёт подкоп глубже: «отпилить куски курильской земли» надо мягко, в бархатных перчатках сломать хребет традиционному русскому самосознанию, которое в 90-е годы ещё было крепко, несмотря на привнесённые в Россию западные «измы».

– Ты видишь, в какую яму провалилась страна, – излагает Захватов свою позицию. – А почему? Потому что у нас гуманитарный менталитет и евангелическая психология с заповедями блаженства. ...Но духовность не умеет создавать пищу живота, станки, машины и дороги – это лучше получается у прагматиков Запада... надо догонять Запад, и другого пути у нас нет.

Провозглашённый «вчера», то есть в 90-е, а ещё столетием раньше – в полемике западников со славянофилами, тезис оказался живуч и сегодня актуален, как, может быть, никогда прежде. Что противопоставляет ему автор книги «Итуруп»?

Во-первых, историю государства Российского, когда формировался так называемый территориальный патриотизм в противовес «колониальному патриотизму» европейских стран, завоёвывавших «чужие территории, оторванные от метрополий», пишет Макарцев, в основном ради обогащения. «Русские расширяли свою территорию по другой логике, их вело вперёд природное любопытство, что там дальше, за линией горизонта, где встаёт по утрам солнце: за Волгой – Урал, за Уралом – Сибирь, за Сибирью – Дальний Восток с Сахалином и Курильскими островами...» Логичны и оправданы поэтому подробные экскурсы автора в исторические реалии, связанные с освоением русскими дальневосточных земель. Таковой была, например, экспедиция Н.П. Резанова и И.Ф. Крузенштерна, отправленная по велению императора Александра I в июле 1803 года к берегам Японии. Открытие и описание Курильских островов русскими произошло намного раньше, в конце XVII–XVIII веков. Этим мы обязаны В. Атласову, М. Шпанбергу, В. Берингу и многим другим.

Так, на законных основаниях, формировался образ Южного Сахалина и Курильских островов как исконно русских земель, в новейшие времена XX века политых кровью российских солдат, в 1945 году освобождавших Южный Сахалин и Курильские острова от японских милитаристов, и по сию пору претендующих на «северные территории».

«Темна вода во облацех». Смысл древнего изречения применителен, увы, к ситуации, когда внутри государства возникают центробежные силы, готовые прервать «времён связующую нить» русской истории и снова пытаться, «задрав штаны», бежать за меркантильными «ценностями» Запада. Автор книги называет некоторых идеологов «разземеливания государства». В их числе – люди из окружения Ельцина, чиновники и дипломаты, готовые угодить соседям-японцам под аккомпанемент тезиса тогдашнего министра иностранных дел А. Козырева – «законность и справедливость». Его заместитель, названный в книге Георгием Фридриховичем, едет на Курильские острова, чтобы уговорить местных жителей подчиниться новым японским хозяевам, – вот до чего в начале 90-х, перед поездкой Б. Ельцина в Токио, дело дошло.

В ответе на вопрос: «Почему элита великой державы позволила себе такую деградацию и кто мог её остановить?» – заключён главный акцент книги «Итуруп». Казалось бы, в эпоху «полураспада» государства, «шоковой терапии» в экономике, когда хваткими дельцами растаскивались производственные мощности и тысячи специалистов высокого класса были вынуждены стать в лучшем случае «челноками» и торговать шмотками, какое было дело растревоженному человеческому муравейнику до каких-то там, у чёрта на куличках, Курильских островов.

Юрий Макарцев.
Итуруп. – М.: Российская газета, 2013. – 464 с. – 2000 экз.

А вот – было.

И был лидер общественного сопротивления – губернатор Сахалинской области Валентин Петрович Фёдоров. Он посвятил журналиста, будущего автора книги, в свой рискованный план: если президент Ельцин поедет к японцам сдавать Южные Курилы, то он, сахалинский губернатор, будет вынужден «отправиться на военном корабле вдоль Курильских островов и там на митингах с участием населения и прессы громко заявить свой принципиальный протест». И ведь действительно Фёдоров «поднялся на борт военного судна, взявшего курс на Север...» К счастью, жизненный сюжет закончился вполне мирно. На борту судна губернатор получил радиограмму: визит президента в Японию отложен....

Тогда, в 90-х, Южные Курилы отстояли.

Драматический сюжет романа «Итуруп» глубже мысли о «территориальном патриотизме». События «смутных времён» в России – всегда оселок, всегда испытание аморфной общности людей на право называться российским народом. Путь к этому – через труднейшие испытания к возрождению национального самосознания. «Гражданин Державы Российской» – путь и судьба каждого из нас, кто осознаёт духовно-практические ценности, наработанные предками нашими на землях наших. Об этом – книга «Итуруп». В этом её современное звучание и значение.

Алина ЧАДАЕВА

ДАТА

Палиндромы судьбы

Глан ОНАНЯН

80-летний юбилей празднует Глан Онанян. Поэт, переводчик, публицист, критик, кандидат технических наук, доктор философских наук, лауреат литературных премий, автор 19 книг стихов и 43 книг переводов, наш давний автор. В этот день хочется пожелать такому человеку, как Глан Арменакович, либо чего-то особенного, небывалого, либо просто здоровья и долголетия. Мы желаем и того, и другого и, конечно, новых стихов.

ПЯТЫЙ ПУНКТ

Превозмогая стрессов перегрузки
И воздвигая замки на песке,
Я по своей духовной сути – русский,
Раз думаю на русском языке,

За то, что мне иной язык неведом,
Едва ли можно извинить меня –
Пусть так, но дело всё-таки не в этом,
А в том, какие нынче времена:

Над Родиной горит закат багровый,
И в паутине трещин отчий кров...
По-русски, кем бы ни был я по крови,
Молю судьбу: «Да не прольётся кровь!»

Да, русский я, но всё же так бывает,
Что бессловесен вдруг во тьме ночной –
Великий и Могучий убывает,
А мой родной – за каменной стеной:

Как крест в заветном ларце из сафьяна,
Как лепестки давно увядших роз,
Запрятан в генах синий сон Севана
За белоствольной графикой берёз...

ПАЛИНДРОМЫ СУДЬБЫ

По стене вертикальной мы круги нарезали,
Но стена истончалась, качаясь сгьяна,
Миновав лепрозорий, мы влетали в розарий,
Но от ангельских крыльев люто ныла спина,

Жизнь звено за звеном – жёлудь, дуб и дубрава,
Только огненный конь вдруг встаёт на дыбы:
Пепел справа налево, пепел слева направо,
Так зачем ворошить палиндромы судьбы?

В небе просверки молний и дальние громы,
Виноградников гроздья сплошь в медовой росе,
Наливаются светом судьбы палиндромы,
Только тайные знаки прозрачны не все:

Палиндромы судьбы, перевёртыши Рока,
Озорная игра перепутанных строк –
Каждый смертный в бессмертье уходит до срока,
Не сумев изменить зашифрованный срок...

В суете, в перекличке ночного дозора
Под конец постигаешь, волнуясь до слёз,
Что не роза упала на лапу Азора,
А на душу обрушилось золото лоз!

* * *

Все мы живём цитатами,
Кальками, трафаретами,
Снами, картами, датами,
Дамами и валетами,

Все мы живём – питаемся
Мифами и легендами,
И уцелеть пытаемся
Под зонтами ракетными,

Сколько бы ни лакали мы
Суетность мира пошлого,
Всё играем лекалами
Перелицовки прошлого!

Все мы живём влюблёнными
В действенность воспитания,
Обольщаясь шаблонами
Правильного питания,

Все мы живём, как роботы,
Мыслим клипами, файлами,
Острые ставим опыты
Над больными и вялыми,

Мчим, не снижая скорости,
Неукротимо дерзкие –
Чтобы стряхнуть все горести
Прямо в воды летейские!

ОКОШКО АДМИНИСТРАТОРА

Умение работать языком

Депутат Госдумы В. Жириновский призвал россиян бойкотировать иностранные слова, пользоваться только русскими. Больше того, он сообщил, что готовится даже законопроект о чистоте русского языка.

Понять великого стилиста можно. От иностранных слов уже спасу нет. «Войну и мир» в руки взять невозможно – половина текста написана по-французски. А от англицизмов просто не знаешь куда спрятаться. Пора что-то кардинально, простите, решительно менять. Зачем, например, говорить «имидж», когда есть хорошее русское слово «реноме»? В этом отношении депутат прав на все сто. Поддерживаем его на все сто пятьдесят. Это правильный тренд. Мы даже составили реестрик, простите, списочек иностранных слов, которые можно заменить дорогими нашему сердцу синонимами. Итак:

бизнесмен – коммерсант;
координаты – параметры;
ландшафт – пейзаж;
продюсер – импресарио;
рейтинг – иерархия;
спонсор – меценат;
холл – фойе;
шоу – ревю.

Сейчас есть ещё одно супер, простите, сверхпопулярное словечко – «коррупция». В принципе вместо него можно спокойно говорить «взяточничество». Но поскольку благодаря борцам с коррупцией вроде В. Жириновского взяточничество со дня на день исчезнет, оба слова будут прочно забыты, и менять их уже нецелесообразно.

Дежурный администратор
Вл. ВЛАДИН

УДАР ОТ КЛАССИКА

Чтоб влюбить-очаровать
Красотулю-недотрогу,
Пушкина решил призвать
с книжной полки на подмогу.

Выразительно стихи
в сутки ей читал по тому,
а она в ответ: «Хи-хи...»
и ушла, увы, к другому.

Он стихи ей не читал,
а дарил шелка и жемчуг,
потому что лучше знал
вкусы и желанья женщин.

Вот такой, увы, расклад:
я один и две подушки.
Кто же в этом виноват?
Неужели А.С. Пушкин?

ЦАРЬ И ПОЭТ

Как малосольный огурец мы достаём из банки,
чтоб закусить им терпкий спирт за праздничным столом,
меня достали из глубин грядущего цыганки,
и понял я, каким же был до этого ослом.

Мне напророчили всего, что даже и не снилось:
дворец хрустальный, царский трон, толпу влюблённых дам...
Но вдруг сомнение в мозгу, как змий, зашевелилось,
когда узнал, что буду я презрителен к стихам.

И я сказал гадалкам: «Нет! Дворец хрустальный хрупок,
отяготит, как лишний вес, толпа влюблённых дам,
а царский трон по существу – одна сплошная скука,
дороже мне всех этих благ моя любовь к стихам».

В лачуге бедной я живу – не во дворце хрустальном,
мне заменяет царский трон облезлый табурет,
пусть жёсткий, узенький топчан
торчит в бобыльей спальной,
но гордость распирает грудь: не царь я, а поэт!

Александр ШУРАЛЁВ,
с. КУШНАРЕНКОВО, Башкортостан

ПРИТЧИ «КЛУБА ДС»

Корона

Встретился мне в центре нашего города странный интурист. Обычно они гуляют группами, а этот – один. Я как заботливый хозяин сразу поинтересовался: не отстал ли гость от своих. И какую страну представляет. А он мне в ответ: нет, не отстал и вообще он единственный представитель державы, которая больше не существует. И поведал, что там приключилось.

Было у них государство как государство, со своим королём. Но однажды этому королю сон приснился. Будто бы захотелось ему затылок в задумчивости почесать, стал он для этого с головы корону снимать, ан её и нет.

Проснулся король в холодном поту, шарк по голове рукой – корона и впрямь отсутствует.

Он разбудил жену и сказал, что у него с головы украли корону.

– Да ты разве в короне лёг спать? – удивилась королева. – В сейфе смотрел?

Отпер король сейф. А корона себе на месте лежит!

Королева уснула, а король никак. Мысль не даёт: а ведь из сейфа корону умыкнуть могут. Нет, не стану я её больше с головы снимать. И спать в ней буду.

И перестал король снимать корону. Челядь поначалу удивлялась. Королевский портной недовольство высказывал:

– Ваше Величество! Вы бы венец временно сняли, а то он за мантию цепляется, когда меряю.

Ничего, привык, вырез для головы стал больше делать.

Или банщик, к примеру, беспокоился:

– Спину-то я вам, Ваше Величество, потёр, а как голову в короне мыть – ума не приложу.

Ничего, приспособился.

Только жена-королева никак не могла привыкнуть.

– Ты, – говорит, – твоё величество, короной своей весь лик мне изъязвил. Камни на ней хоть и драгоценные, но впиваются больнее обыкновенных. Выбирай – или со мной будешь спать, или с короной.

«Эко напужала, – подумал король. – Баб много, а корона одна».

Спал он каждую ночь крепко, но однажды всё-таки услышал: королева в соседнем покое с кем-то разговаривает.

«А кто бы это с ней может быть?» – думает король. И стучится.

– Ах! – вскрикивает за дверью королева. – Минуточку, не входите!

Выждал король минутку и входит. А из-под кровати чьи-то ноги в сапогах торчат.

– Почему они здесь торчат? – спрашивает король супругу.

– А почему бы им не торчать? Я тебе новые сапоги в подарок купила. И вот один генерал попросил разрешения их примерить, чтобы такие же себе купить. А твоего стука испугался. Вылезай, генерал, все свои.

Мария ПОНИКАРОВА

Выбирается генерал из-под кровати, а король думает: «Может, он сначала сапоги хочет примерить, а потом корону? Не к власти ли рвётся?»

И спрашивает:

– Какой у тебя, генерал, размер фуражки?

– Шестьдесят четвёртый, Ваше Величество!

«А у меня пятьдесят шестой, – облегчённо подумал король. – Так что генералу моя корона велика».

И, успокоившись, вышел.

Выйти-то вышел, но новая мысль допекать стала. Ладно, у данного военачальника не голова, а походный котёл. Но другим-то генералам корона может прийтись впору. Вызвал наутро прокурора и велит:

– Измерить окружности голов у всех генералов! У кого размер мой – немедля обвинить в заговоре!

Так и сделали. Остались только генералы с мелкими головами. У кого размером с редиску, того король главнокомандующим назначил. С редьку – генерал армии. С репу – генерал-полковник.

И вдруг главный генерал-разведчик приносит королю запечатанный в пакет слух: на королевство кто-то хочет напасть.

– Насколько проверенный слух? – спрашивает король.

– Наполовину. Кто-то хочет, но кто – неизвестно.

– А мы никому не отдадим свою корону, – говорит король. – Нам и самим она впору.

И повелел он всем генералам собрать войска и отправиться на все четыре границы, чтобы отразить нападение, с какой бы оно стороны ни грозило.

Увели генералы свои полки. И ни слуху о них, ни духу. Как в воду канули. Но вот как-то раз гуляет король по городской стене. Боже, что это? Со всех сторон пыль клубится! Не ворог ли грядёт?

Повелел король запереть ворота. А тут и те, что пылили, припылили – свои генералы на взмыленных лошадях.

– Вы что создаёте нездоровую экологическую обстановку вокруг города? – вопрошает король. – И почему припылили без полков?

– А мы, – объясняют, – свои полки выдвинули вперёд, а на них долго никто не нападает. А согласно наступательной стратегии это означает, что превеликие силы против нас враг в своём тылу копит. Вот мы и кинулись за подмогой.

– Подмоги не будет! Весь народ уже у вас в полках. Немедленно возвращайтесь обратно к войскам.

– Нет, – возражают генералы. – Обратно не поедем. У нас военная доктрина сменилась. Мы переходим от наступательной стратегии к оборонительной тактике.

Пролезли они благодаря своим мелким головам сквозь щели в городских воротах и объявили осадное положение.

Сидели-сидели генералы в осаде, ждали-ждали нападения, не дождались и вместе со всеми горожанами да и с королём заодно перемёрли с голоду. Один только горожанин случайно в живых остался. Продал он оставшуюся от короля корону и путешествует как интурист.

Вот так и подумаешь: слава те, Господи, что в нашей стране не монархия, а демократия. У нас даже ничего похожего никогда не будет.

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ,
ЯРОСЛАВЛЬ

КРУГЛАЯ ДАТА

В. В. В

О Веселовском рассказывали и в зале (Аркадий ИНИН)

В ЦДРИ состоялся вечер «Вспоминая Виктора Веселовского». Он был приурочен к 75-летию отца-основателя «Клуба 12 стульев» «ЛГ». В зале и на сцене собрались люди, знавшие Виктора Васильевича, работавшие с этим незаурядным человеком – эпохой в истории сатирического жанра.

На вечере выступили Аркадий Инин (благодаря которому собравшиеся стали первыми зрителями свежего «Кинокапустника»), Леонид Колпаков, Игорь Макаров, Евгений Обухов, Валерий Поволяев, Алексей Пьянов, Ефим Смолин, Александр Хорт и др. К «др.» в данном случае относятся три лауреата 16-й полосы, которым на вечере были вручены премии «Золотой телёнок». Это писатели – Георгий Териков, Илья Криштул и художник Сергей Тюнин.

Юбилейный вечер состоялся в первую очередь благодаря усилиям многолетнего друга шефа 16-й полосы, члена правления ЦДРИ Владимира Бонч-Бруевича.

Редакция, как сказал бы Веселовский, категорически благодарит всех участников вышеназванного мероприятия.

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ
...и перед телекамерами (Ефим СМОЛИН)

Константин КАЗАНЧЕВ

МОНЕТЫ «КЛУБА ДС»

Аркадий ГУРСКИЙ

ЭПИГРАММСЫ

Не хватает меня на поэму,
Не хватает меня на сонет –
Для чего мне рубить полено,
Если в нём Буратино нет?!

Зачем дрожащий лист на ветке
И из просвета робкий луч?
Зачем поёт синица в клетке?..
Как я в невежестве дремуч!

Листвою оскудевшими ветвями
Себя дубы под ветром обнимают,
Короче, если русскими словами –
Пора пришла. И люди выпивают.

Игорь МАКАРОВ

Напоминаем, что чувство юмора авторов не всегда совпадает с чувством юмора редакции

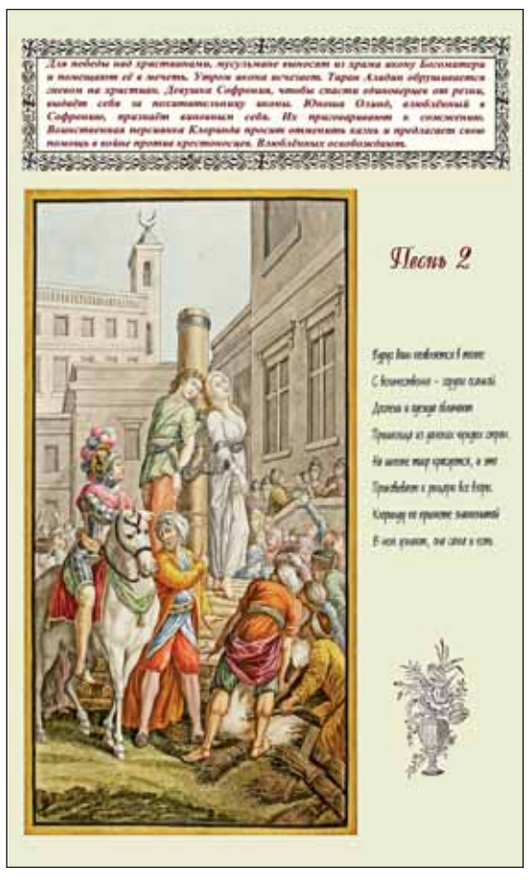
ВЫСТАВКА

Глазами крепостных художников

В Музее экслибриса и миниатюрной книги Международного союза книголюбов (ул. Пушечная, 7/5, стр. 2) открылась выставка «Поэма Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим» глазами русских крепостных художников». На ней представлены в копиях акварельные иллюстрации к одному из самых выдающихся произведений мировой литературы – поэме «Освобождённый Иерусалим» (1559–1675) знаменитого итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595). Иллюстрации были выполнены в начале 1812 года крепостными художниками князя Николая Борисовича Юсупова (1750–1831) на специальных листах, заранее вплетённых по воле владельца в книжный блок библиофильского издания поэмы, выпущенного в Парме в 1794 году одним из ведущих издателей и типографов своего времени Джамбаттиста Бодони (1740–1813).

Образцами для художников Ф.Г. Сотникова, Е.А. Шебанина, М.Ф. Полтева и Ф.П. Ткачёва послужили гравюры, созданные во второй половине XVIII века французскими художниками Г.Ф. Бургиньоном (Гравело) и Ш.Н. Кошеном и сопровождавшие французские издания 1771-го и 1784–1786 годов. Однако цветовое решение, самостоятельно разработанное русскими художниками, и особенности передачи ими поз и мимики героев поэмы придают акварелям неповторимое своеобразие и делают их уникальным памятником европейской культуры.

Выставка продлится до 26 марта.



«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» распространяется на бортах авиакомпаний AEROFLOT BRITISH AIRWAYS ТРАНСАЭРО JAL JAPAN AIR LINES

Официальный распространитель периодических изданий на территории Белоруссии ООО «Юнисервиспресс», ООО «Росчерк». Розничное распространение за рубежом: в Европе и Сев. Америке – W.E. Saarbach GmbH P.O.Box 1562 D-50332 Huert Teal. 02233 7996; в Израиле – Издательский дом «Новости недели».